

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

Одна среди туманов

Зарубежный романтический бестселлер

Карен Уайт

Одна среди туманов

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.161.1
ББК 84(7Сое)

Уайт К.

Одна среди туманов / К. Уайт — «Эксмо», 2014 — (Зарубежный романтический бестселлер)

ISBN 978-5-04-089497-0

После десяти лет отсутствия Вивьен Уокер возвращается в город детства из солнечной Калифорнии и селится в уютной усадьбе у реки. У нее за плечами болезненный разрыв с мужем, и она надеется, что родные места помогут ей пережить потерю. Но первые дни приносят лишь разочарование – в доме пусто, ее бабушка умерла, все вокруг совершенно изменилось, и даже старый кипарис, в тени которого Вивьен в юности «слушала песню болот», загублен безжалостным торнадо. Стихийное бедствие наталкивает Вивьен на воспоминания о другом происшествии – в 1929 году ее прабабушка, жена часовщика, пропала во время Большого наводнения. Эта история овеяна тайной, и Вивьен решает занять себя небольшим расследованием, чтобы развлечься. Но стоило ей сделать неосторожный шаг, и загадка приняла весьма необычный оборот...

УДК 821.161.1

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-04-089497-0

© Уайт К., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	36
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	61
Глава 10	64
Глава 11	76
Глава 12	88
Глава 13	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Карен Уайт

Одна среди туманов

Посвящается моим теткам Марии Луизе, Джени, Глории и Шарлен, а также моей матери Кэтрин Энн и моей бабушке Грейс, которые познакомили меня с неуязвимой красотой дельты Миссисипи

© В. Гришечкин, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Огромное спасибо моим родителям, которые каждое лето возили меня в родной город матери в дельте Миссисипи. Благодаря им я полюбила этот маленький южный городок, вдохновивший меня написание этой книги.

Автор выражает глубокую признательность сотруднику городского архива города Индианолы Джейн Эванс, подсказавшей мне верное направление поисков, а также коронеру графства Санфлауэр Хедер Бертон, которая щедро тратила на меня свое время и терпеливо отвечала на мои многочисленные вопросы. Если в книге и есть какие-то неточности и ошибки, то за них несу ответственность только я, а не эти замечательные люди.

Глава 1

Вивьен Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. Апрель, 2013

Я появилась на свет на той же кровати, на которой когда-то была рождена моя мать, а до нее – ее мать, а еще раньше – другие женщины из нашей семьи, имен которых никто из ныне живущих уже не помнит. Кровать была старинная, на четырех столбах из крепкого черного дерева, которые словно привязывали женщин из рода Уокер к этой земле – к бескрайним плодородным полям, некогда отнятым у великой Миссисипи. Но, как и дамбы, возведенные для того, чтобы не давать могучей реке разливаться во всю ширь, они не могли удержать нас надолго.

Как гласит семейное предание, все Уокеры появлялись на свет с громким криком и, едва научившись ходить, отправлялись в долгое, длиною в целую жизнь, путешествие. Полагаю, мы все искали особенное – что-то такое, что могло бы заставить нас замолчать. Единственным нашим наследством была передававшаяся из поколения в поколение способность выращивать отличные овощи и цветы, а также неутолимое желание узнать, что же находится за пределами Миссисипской дельты. Причины этого желания были столь же непонятны и необъяснимы, сколь и его всепокрушающая, неодолимая сила. Единственное, что можно было о нем сказать, – это то, что его источник скрывался где-то очень глубоко в наших сердцах.

И все же то, что гнало нас прочь, в конечном итоге неизменно оказывалось побеждено притяжением родных краев. Не знаю, был ли это зов темного миссисипского аллювия или воспоминание о старом доме и крепкой кровати на четырех столбах, но факт остается фактом: как бы далеко нас ни заносило, мы всегда возвращались.

Сама я вернулась в родной Индиэн Маунд весной, почти через девять лет после того, как уехала. Я примчалась сюда через всю страну, напрямик из Лос-Анджелеса – двадцать семь часов асфальта, фастфуда и сводящего с ума напряжения. Мои воспоминания, словно путеводная нить, указывали мне дорогу и вели за собой. Когда я преодолевала последний участок шоссе от Литтл-Рок до Индиэн Маунд, небо потемнело, а между туч засверкали частые молнии. По радио то и дело передавали предупреждения о торнадо, но я даже не подумала сбросить скорость и продолжала давить на педаль, хотя порывы ветра так и норовили столкнуть мой автомобиль с трассы. Конечно, разумнее всего было бы остановиться, но мне это даже не пришло в голову. Фигурально выражаясь, багажник моей машины был битком набит проблемами, решить которые могла только моя бабушка Бутси. И только она могла бы простить мне девять лет отсутствия и десять лет молчания, потому что на собственном опыте знала, что такое уокеровское упрямство. В конце концов, это качество своей природы я унаследовала именно от нее – как и от других моих предков по женской линии.

Начинало светать. Гроза прошла, а я переправилась через реку и оказалась в штате Миссисипи. Восемьдесят второе шоссе очень скоро привело меня в край, который мы всегда называли Дельтой. Маячившие на западе высокие обрывистые холмы исчезли, словно какой-то великан в одночасье раздавил их гигантским башмаком, и я увидела протянувшиеся между реками Миссисипи и Язу плоские заболоченные равнины. Земля здесь была богатой и невероятно плодородной – наверное, как в долине Нила в стародавние времена, однако видимое спокойствие местного пейзажа было обманчивым: здешняя природа могла разбушеваться так, что обуздать ее бывало очень нелегко. Как говорили мои предки, наши края либо ломали человека, либо воспитывали в нем стальной характер, причем, насколько мне было известно, на данный момент счет был примерно равным.

Боже, как давно я здесь не была!..

Осветительные мачты, пестревшие рекламными растяжками и щитами, остались позади, и вдоль шоссе потянулись еще пустые по весне поля и полуразрушенные хозяйственные постройки – руины, которые почти целиком поглотили ползучие стебли пуэрарии. В пред-рассветных сумерках их приземистые силуэты напоминали нахохлившихся, печальных духов, выстроившихся вдоль дороги в надежде, что какой-нибудь странствующий волшебник вернет их в давно миновавшие эпохи. Кое-где между ними поблескивали слюдяные лужи кипарисовых болот, которые напоминали нам, людям, что эта земля дана нам не навсегда и может быть снова у нас отнята. Солнце еще не взошло, и знакомый ландшафт, пронесившийся за окнами моей машины, был окрашен лишь в разные оттенки серого, как будто за прошедшие годы все яркие природные краски выцвели и поблекли. Такими же, впрочем, были и мои воспоминания: дымчатый гризайль на сером картоне, расплывчатые тени, легкая вуаль печали.

Мой психоаналитик как-то сказал, что подобная цветовая слепота, проявляющаяся каждый раз, когда речь заходит о моих воспоминаниях, объясняется, скорее всего, одиноким, несчастливым детством, проведенным без матери. Годы, наполненные пустотой и *отсутствием* матери, я подсознательно раскрашивала в черно-белые цвета, поэтому теперь все мое прошлое представлялось мне монохромным и унылым.

К тому моменту, когда я добралась до указателя на въезде в Индиэн Маунд, поднявшееся над горизонтом солнце окрасило небо нежнейшим розовым цветом, но меня это не обрадовало. Подступившая к горлу паника заставила мое сердце забиться чаще, и я непроизвольно бросила взгляд на соседнее сиденье, где лежала моя сумочка. В сумочке я держала аптечный флакончик с *таблетками*. Интересно, подумалось мне, сумею ли я проглотить еще одну успокаивающую пилюлю «на сухую»? На протяжении всего пути от Лос-Анджелеса мне это удавалось, но теперь я засомневалась. Во рту у меня было сухо, как в Сахаре, руки дрожали... в конце концов, я была почти дома! Стараясь отвлечься, я стала смотреть в лобовое стекло – в тусклый утренний свет, который словно проглатывал мою машину, и сильнее нажала на педаль акселератора.

Вскоре мне, однако, пришлось сбросить скорость. Ветер набросал на дорогу целые горы мусора, налететь на которые мне не улыбалось. Груды листьев, спутанные ветви, толстые сучья, комки грязи и сорванные с крыш черепицы преграждали дорогу, и я старательно объезжала каждое препятствие, чтобы не повредить колеса. Несмотря на то что ехала я теперь довольно медленно, вскоре я догнала старый пикап, который когда-то был красным. Пикап притормаживал, и я увидела впереди красно-синюю мигалку полицейской машины, стоявшей на обочине дороги возле оборванных электрических проводов. Из заднего окошка пикапа, марку и год выпуска которого я определить затруднялась, на меня меланхолично уставилась большая пятнистая собака неизвестной породы.

Полицейский регулировщик, выбравшийся из патрульной машины, направил пикап, собаку и меня в объезд опасной зоны, взмахами рук показывая, что дальше следует ехать медленно, но как только я перестала видеть его в зеркале, я снова прибавила скорость и, обогнав пытящий пикап, едва разминулась с почтовым ящиком, который торчал прямо посреди дороги, словно это было его законное место.

Во рту у меня снова пересохло, на лбу, напротив, выступила обильная испарина, и я опять подумала о таблетках – о том, как быстро одна пилюля помогла бы мне избавиться от навалившегося беспокойства. Непроизвольно я поехала быстрее, хотя это и было небезопасно – и тут же налетела передним колесом на толстый и кривой сук, лежавший посреди дороги. Раздался треск, деревянные обломки громко застучали по днищу, но крышка, кажется, осталась цела. Я, впрочем, не стала останавливаться, чтобы посмотреть, все ли в порядке. В глубине души я знала: если придется, я поеду дальше даже на дисках, лишь бы поскорее попасть туда, где я так давно не была.

Свернув с шоссе, я оказалась на раскисшей после грозы грунтовой дороге, где моя машина то буксовала в грязи, то подпрыгивала на камнях. Дорога пересекала обширное хлоп-

ковое поле; в ее глубоких колеях, продавленных тракторами и фургонами, стояла вода. Эту грунтовку я хорошо знала и поехала по ней совершенно машинально. Возможно, у нее было какое-то название, но мы никогда не пользовались им, объясняя дорогу случайным гостям и туристам. Повернуть направо через полторы мили после старого универмага... Универмаг был закрыт задолго до моего рождения, но я до сих пор помнила ветхое, покосившееся здание и облезлую вывеску «Голден Краун Кола» над входом. Сейчас от универмага не осталось и следа, но я все равно знала, где нужно свернуть, – точно так же мои волосы сами собой укладывались совершенно определенным образом, пусть когда-то я и пыталась делать себе самые разные прически. Сама дорога, впрочем, не изменилась – узкая, относительно прямая, она была обсажена все теми же высокими белыми дубами (за прошедшие годы они, вероятно, сделались еще выше), кроны которых смыкались, образуя подобие высокого зеленого тоннеля. Когда-то мы с Томми любили бегать по этой дороге босиком, поднимая целые облака невесомой пыли, которые, закручиваясь спиралью, еще долго плыли над нагретой землей, словно неупокоенные души.

Но сейчас пыль превратилась в жидкую грязь, поэтому когда я, задумавшись, излишне сильно нажала на газ, задние колеса моего автомобиля поехали в сторону и соскочили с дороги в кювет. В панике я газанула еще дважды, но добилась только того, что колеса увязли еще глубже. Зная, что попалась, я все же попробовала выбраться из кювета самостоятельно, но у меня ничего не вышло, и, навалившись грудью на рулевое колесо, я стала смотреть туда, где обсаженная дубами дорога заканчивалась. Мне понадобилось девять лет, чтобы вернуться, так что еще несколько минут промедления, скорее всего, ничего не решали.

Выбравшись из салона, я пошла дальше пешком. Мои легкие кожаные сандалии тонули в миссисипской грязи, которая словно не хотела меня отпускать – с таким усилием мне приходилось выдирать из нее ноги. Огромная стая ворон¹ с карканьем расселась на ветвях, и я попыталась пересчитать их, одновременно припоминая детский стишок, который моя черная няня Матильда часто пела мне много лет назад.

Видеть ворону – радости быть.
Двух увидеть – яд печали испить.
Три – это к свадьбе, к разлуке – четыре,
Пять – быть богатым, шесть – денег просить.

Семь – это тайну большую узнать,
(Жаль, что нельзя ее здесь рассказать).
Восемь – блаженства за гробом испить,
Девять – во ад, умерев, угодить.

А коли ты десять ворон увидал,
Значит, ты чёрта живьем повстречал.

Сердце мое отчаянно стучало, и я успела несколько раз пожалеть, что так и не приняла успокоительную таблетку. Увы, сумочку я оставила в машине, от которой успела отойти достаточно далеко, в чем я убедилась, бросив взгляд через плечо. И все-таки я почти вернулась, но громкое хлопанье крыльев заставило меня посмотреть вверх. Семь ворон, словно нарисован-

---

¹ Черная американская ворона, она же американский ворон (*Corvus brachyrhynchos*) – птица семейства врановых с черным оперением, обитающая в Северной Америке. От своего сородича, ворона обыкновенного, отличается меньшим размером и поведением. На североамериканском континенте птицу называют crow («ворона»), а не raven («ворон»), так как она по размеру схожа с евроазиатской серой вороной. Американские вороны являются моногамными птицами, причем пары объединяются в большие семьи и помогают друг другу выращивать птенцов. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

ные черной тушью на бледно-голубом небе, с пронзительным карканьем кружились над самой моей головой. Не успела я испугаться как следует, а птицы уже унеслись куда-то в поля и пропали из вида.

Невольно я пошла быстрее. Голова у меня слегка кружилась, и я попыталась вспомнить, когда ела в последний раз. Но вот деревья, росшие вдоль дороги, расступились, и я оказалась на большой поляне, от которой начиналась еще одна широкая, вымощенная камнем дорожка, также обсаженная столетними дубами. В конце дорожки стояла старая усадьба с греческими колоннами, крылечками, эркерами и нелепой готической башенкой на изломанной, разновысокой крыше. На неподготовленного человека столь беспринципное смешение сразу нескольких архитектурных стилей производило неизгладимое впечатление. Усадьбу так и хотелось назвать «желтым домом», и не только потому, что в ее облике угадывалось некое архитектурное безумие, но и потому, что она действительно была желтого цвета. В наших краях издавна господствовал псевдогреческий колониальный стиль с его алебастровыми колоннами, мраморными портиками и прочими атрибутами «благородной античности», поэтому желтая усадьба, столь непохожая на своих ближайших соседей, отличалась как минимум оригинальностью. Впрочем, то же самое можно было сказать и о поколениях женщин, которые жили здесь на протяжении двух столетий.

При виде знакомых стен я почувствовала, что успокаиваюсь. Кажется, даже мое сердце начало стучать медленнее, как будто Бутси уже вышла на крыльцо и обняла меня за плечи, а я прильнула головой к ее надежному, теплему плечу.

Прошедшая гроза была действительно сильной, но дом, похоже, несколько не пострадал – только подъездная дорожка была щедро усыпана сорванными цветками розовых азалий, странно похожими на сувенирные дублоны, которые разбрасывают с платформ во время новоорлеанского карнавала Марди-Гра². Во дворе стояла вода, из которой торчали трогательные и жалкие стебельки травы; в воде отражались небо и странная желтая усадьба. Ее окна смотрели на меня и с упреком, и одновременно как будто удивляясь дерзкой самонадеянности очередной Уокер, которая ни на мгновение не усомнилась, что родное гнездо примет ее с распростертыми объятиями. Но я не усомнилась – первые восемнадцать лет своей жизни я прожила в этих желтых стенах под сенью нелепой башенки; я бегала в этом саду и играла в бескрайних хлопковых полях, и теперь родной дом был единственным цветным пятном в моих черно-белых воспоминаниях.

Я прислушалась, надеясь услышать мелодичное пение птиц, которое было такой же частью моих воспоминаний, как и пейзаж вокруг. Но – ничего. Если не считать далекого карканья ворон, единственным нарушавшим тишину звуком был беспорядочный шорох от падения миллионов водяных капель, срывающихся с карнизов, с отставших чешуек желтой краски на стенах дома, с похожих на скрюченные артритные пальцы дубовых ветвей.

Осторожно двинувшись вперед, я поднялась по деревянным ступенькам на широкое крыльцо-веранду и там ненадолго задержалась, чтобы оставить залепленные грязью сандалии возле двери, как я всегда делала в детстве. Моя рука легла на массивную бронзовую ручку парадной двери, но уже через мгновение я передумала и решила сначала постучать.

Я стукнула в дверь дважды и замерла, прислушиваясь, надеясь услышать за дверью быструю шаркающую походку Бутси, легкую поступь босых ног матери или хотя бы тяжелые шаги моего старшего брата Томми. Но за дверью царил тишина. Как и прежде, я слышала только торопливый перестук водяных капель. Кап-кап. Кап-кап.

---

² Марди-Гра (вторник на масленичной неделе) – праздник в Новом Орлеане и других городах Луизианы, с красочным карнавалом, балами и парадами с участием ряженных и джаз-оркестров, которые проходят по центральным улицам города. Во время карнавала с движущихся платформ разбрасывают алюминиевые и пластиковые монеты или жетоны с различными изображениями, которые являются сувенирами и объектами коллекционирования.

Немного помедлив, я снова взялась за дверную ручку. Ручка не поворачивалась, и это меня удивило: за все годы, что я провела в этом доме, парадная дверь никогда не запиралась. Я, во всяком случае, такого не помнила. Что же могло измениться? Или те, кто жил в этом доме, знали, что я в конце концов вернусь, и нарочно заперли дверь?.. Несколько мгновений я стояла, подбоченясь и слегка выставив одну ногу вперед, но потом вспомнила, что именно такую позу моя мать принимала каждый раз, когда ей что-то не нравилось, и поспешно опустила руки. В воздухе по-прежнему сильно пахло дождем и листьями дёрена, который разросся так сильно, что уже начал перебираться через перила веранды.

Снова надев туфли, я спустилась с крыльца, пересекла подъездную дорожку и, свернув за угол дома, направилась к старому каретному сараю, который еще в двадцатых годах был перестроен под гараж. Внутри я разглядела старый «Кадиллак» Бутси и тихонько вздохнула с облегчением. Позади него стоял белый пикап, в кузове которого виднелся большой ящик с инструментами, и я решила, что это, наверное, машина Томми. Третьим автомобилем в гараже был неприметный темный седан, подозрительно похожий на полицейскую машину, только без опознавательных знаков. Задумываться о том, что он здесь делает, я не стала – захлопнув дверь гаража, я быстро пошла в обход дома дальше, не обращая внимания на грязь и лужи. Сейчас мне больше всего хотелось как можно скорее оказаться в надежных и теплых объятиях Бутси, которые одни могли успокоить меня, заставить забыть о всех пережитых несчастьях и утолить боль, от которой не спасали даже маленькие белые таблетки.

К заднему двору примыкала небольшая роща, состоящая главным образом из ладанной сосны и ликвидамбра³; чуть дальше твердая почва заканчивалась и начинались болота. В болотах росли огромные старые кипарисы с толстыми щелястыми стволами. Когда-то Томми утверждал, что каждому из них не меньше тысячи лет. Одно из таких деревьев выросло на небольшом взгорке, находившемся примерно на полпути между задней стеной дома и границей болот. Оно гордо возвышалось над редкой травой и низкорослыми, скрюченными соснами-самосейками, выглядевшими совершенными неряхами по сравнению с благородным совершенством могучего кипариса. В детстве я всегда называла его «моим деревом», и сейчас мне снова захотелось хоть немного посидеть в спокойной тени его густых ветвей.

Но, окинув взглядом задний двор, я с удивлением увидела, как сильно здесь все изменилось. В ветвях персиковых и вишневых деревьев застряли какие-то бумажки, целлофановые обертки и другой «человеческий» мусор. Диван-качели, которые раньше стояли на передней веранде, теперь оказались посреди заднего двора: они были опрокинуты набок, а из четырех цепей подвески осталось две. Рядом я с удивлением увидела пару железных садовых стульев, которые стояли у бабушки в огороде. Когда-то они были неоновозелеными, но время и солнце придали им неряшливый желтоватый цвет неспелого лайма. Стулья и качели образовывали что-то вроде набора мебели для отдыха на открытом воздухе; собственно говоря, они им и были, вот только сидеть на них меня почему-то не тянуло. Казалось, они предназначены вовсе не для людей, а для урагана, который, устав от своей разрушительной работы, на мгновение присел здесь отдохнуть.

Я так резко остановилась, что почувствовала легкое головокружение: так бывает, когда сойдешь с быстро движущегося эскалатора. Только сейчас я заметила поодаль три человеческих фигуры. Они стояли ко мне спиной, словно рассматривая что-то находящееся перед ними, и я несколько раз моргнула, прежде чем мне удалось разобрать, что же именно они там увидели. Только потом я поняла!.. Мое дерево, с которым в моей памяти были связаны самые светлые воспоминания, упало – рухнуло на землю, зацепив угол старого хлопкового сарая.

---

³ Ликвидамбр, амбровое дерево – пирамидальное дерево, достигающее высоты 30 м, со стройным стволом. Плод представляет собой колючий шар на длинном тонком стебле. Древесина средней твердости, используется в мебельной промышленности и для изготовления бочек.

Черные корни беспомощно торчали вверх, земля была усыпана сорванной со ствола корой, и мне сразу показалось – я чувствую в воздухе резкий запах гари, который оставила после себя ударившая в кипарис молния. Мне даже показалось, что самый воздух вокруг все еще насыщен пульсирующей мощностью электрического разряда.

– Бутси! – крикнула я. Мои ноги сдвинулись с места и сами понесли меня вперед, все быстрее и быстрее. Три головы повернулись в мою сторону, а с ветвей поверженного дерева сорвалась в небо еще одна стая черных ворон и с карканьем поднялась в небо. В их голосах слышалась насмешка.

– Бутси!!

Добежав до дерева, я остановилась, тяжело дыша. Трое людей рассматривали меня, а я рассматривала их, причем на всех лицах – на моем в том числе – появилось такое выражение, будто каждый из нас увидел привидение. Никто не сказал ни слова, и я в некоторой растерянности переводила взгляд с одного лица на другое. Мой брат Томми, еще какой-то смутно знакомый мужчина, моя мать Кэрол-Линн. Томми был в мятых джинсах и кое-как застегнутой рубашке, словно удар молнии застал его в постели и он одевался второпях, спеша поскорее выбежать на улицу. Мать, напротив, была в коктейльном платье из тяжелого глазета, в каких ходили в Белом доме во времена президента Кеннеди. В ушах ее болтались серьги с искусственными бриллиантами, на руке поблескивали такие же кольцо и браслет. Эти украшения принадлежали еще Бутси, которая приходилась матерью моей матери: как-то я видела фотографию, на которой моя бабушка щеголяла в этом же гарнитуре.

Сейчас Кэрол-Линн смотрела на меня с легким недоумением.

– Вивьен, я, кажется, уже говорила, чтобы ты никогда не выходила из дома без губной помады.

Я удивленно уставилась на нее, гадая, что еще случилось дома за время моего отсутствия, помимо ударившей в кипарис молнии?

Томми немного поколебался, но все же шагнул вперед, чтобы меня обнять. Брат был на десять лет старше, к тому же с тех пор, когда мы виделись в последний раз, прошло еще одно десятилетие, однако и сейчас, в тридцать семь, он выглядел как нескладный, худой подросток, вместе с которым мы росли. Его рубашка была теплой и мягкой на ощупь, и я невольно вцепилась в нее обеими руками.

– Долго же тебя не было, – сказал он без улыбки.

Это было еще слабо сказано, и я попыталась усмехнуться дрожащими губами, но у меня ничего не вышло. Мы оба знали, что его слова вряд ли способны зачеркнуть девять лет моего отсутствия – девять лет, за которые мы даже ни разу не поговорили по телефону и не написали друг другу ни строчки.

– Привет, Томми. – Я набрала в грудь побольше воздуха. – А... где Бутси?

Его взгляд сделался мягким, почти сочувственным, и я поняла, что я потеряла не только эти девять лет, но и нечто большее.

– Ты... тебя действительно давно не было, и... – Он бросил быстрый взгляд на мать, на ее коктейльное платье и туфли-«небоскребы» на неправдоподобно высоких каблуках, а я почувствовала, как у меня холодеет в груди.

Прежде чем я успела что-то сказать, второй мужчина – тот, который показался мне смутно знакомым, – выступил вперед, и я удивилась, как я могла его не узнать. Трипп Монтгомери был таким же высоким и подтянутым, каким я его помнила; у него были короткие русые волосы и карие глаза, которые, как мне всегда казалось, видели больше, чем было доступно всем остальным людям. Сейчас на нем были брюки цвета хаки, рубашка с длинным рукавом и галстук, что окончательно сбilo меня с толку. Глядя на него, я гадала, что Трипп здесь делает и ради чего он так разоделся, однако на самом деле я думала вовсе не о нем. В глубине души

мне хотелось, чтобы кто-нибудь сказал мне, что все это просто сон и что я вот-вот проснусь в своей постели в старом желтом доме – проснусь от того, что Бутси нежно целует меня в лоб.

– Привет, Вив! – сказал Трипп таким тоном, словно мы только что встретились на моем крыльце перед тем, как идти в школу. На мгновение мне даже подумалось, что, быть может, в этом уголке мира время каким-то образом повернуло вспять и я оказалась в собственном прошлом, где ничего не изменилось и все было по-прежнему. И все же в глубине души я знала, что это невозможно.

– А ты что здесь делаешь? – спросила я. Не то чтобы в данный момент этот вопрос занимал меня больше всего, просто мне необходимо было сказать хоть что-то, чтобы обрести твердую почву под ногами.

Его лицо осталось непроницаемым, и только в глазах промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

– Ты просто не в курсе, Вив. Я теперь – коронер графства... – С этими словами Трипп отступил немного назад, так что я смогла увидеть зияющую яму, где еще недавно находились корни могучего дерева. Трава по краям ямы почернела, земля была усыпана щепками и корой... а в самой глубине ямы, словно младенец в колыбели, лежал скелет.

Человеческий скелет.

Мои руки затряслись, перед глазами заплескали яркие точки, но я совладала с собой. Во всяком случае, мне удалось не грохнуться в обморок. Не в силах отвести взгляд, я смотрела и смотрела на белый череп, четко выделявшийся на фоне черной земли.

Только потом я подняла взгляд на Триппа и увидела, что он смотрит на мои руки. У него было такое лицо, словно он прекрасно понимает, что со мной происходит. Впрочем, он всегда знал обо мне все – мне даже не нужно было ничего ему говорить. Но это было давно... Теперь же я попыталась сжать пальцы в кулаки, чтобы скрыть дрожь, но мышцы отказывались мне повиноваться. Яркие цветные точки перед глазами превратились в световые полосы и линии, которые сплетались и расплетались, отчего мое головокружение еще усиливалось. Я как раз пыталась сосредоточиться на лице брата, когда сквозь громкий шум в ушах пробился голос моей матери:

– Ты не брала ключи от моей машины, Вивьен?! Я нигде не могу их найти!

Я снова посмотрела на лежащий в яме череп. На него как раз упали лучи солнца, отчего казалось, будто он пытается со мной заговорить. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут свет перед моими глазами померк, я поспешно зажмурилась и почувствовала, что падаю... но даже сквозь опущенные веки я видела, как сияет и горит белый череп на фоне темной земли.

Глава 2

Аделаида Уокер Боден. Индиэн Маунд, Миссисипи. Июнь, 1920

У каждого человека есть свои тайны. Даже у тринадцатилетних девчонок вроде меня, на которых никто не обращает внимания. Вероятно, люди считают, что мы слишком заняты своими куклами, платьями и днями рождения, чтобы замечать, что жена судьи, которая постоянно сидит дома, частенько проводит время с заезжими коммивояжерами, или что владелец аптеки мистер Причард всегда даст тебе бесплатный леденец, если прийти к нему перед самым закрытием, поскольку к этому времени он успевает так попробовать лекарства из бутылки, которую прячет в бумажном пакете, что бывает уже не в состоянии отсчитать сдачу.

Я, например, знала, что моя мама прыгнула с моста через Таллахатчи, когда мне было десять, потому что моего папу убили на войне, а она никак не могла привыкнуть без него жить. Жаль, что мама предварительно не посоветовалась со мной, потому что тогда я бы ей напомнила, что у нее есть я. Я была уверена, что в этом случае все было бы иначе, только я никому об этом не говорила, поскольку предполагалось, что я еще мала и совершенно не разбираюсь во «взрослых» вещах. Вот я и старалась почаще прислушиваться у закрытых дверей, чтобы знать и понимать больше.

Мою лучшую подругу звали Сара Бет Хитмен, ее папа был президентом «Сельскохозяйственного банка Индиэн Маунд» и работал на Мэйн-стрит. Из-за мамы, точнее – из-за того, что она сделала, у меня было не так много подруг. Похоже, родители других девочек считали, что склонность прыгать с мостов может быть заразной. Мне, правда, всегда говорили, что мама упала в реку случайно, но на самом деле никто из взрослых в это не верил. Не верила и я.

С Сарой Бет мы сошлись случайно. У нее тоже не было подруг, а все из-за того, что ее родители были слишком старыми. Они были старыми, когда Сара Бет родилась, а теперь, когда ей исполнилось четырнадцать, они стали еще старше. Быть может, именно поэтому Сара и была такой неуправляемой. Так говорила о ней тетя Луиза, но мне так не казалось. Напротив, я была рада поддержать любую безумную идею, любое озорство, какое только приходило моей подруге в голову.

Как-то в среду, в конце июля, я сидела на заднем дворе под большим кипарисом, делая вид, будто читаю, хотя на самом деле я просто грелась на солнышке и с удовольствием вдыхала душистый и теплый воздух лета. Время от времени я поглядывала на заднюю стену своего дома и гадала, почему он выкрашен желтой краской, тогда как все остальные дома в округе были белыми. Насколько я знала (точнее, как мне рассказывали), идея выкрасить дом в желтый цвет принадлежала еще моей прабабке, которая приехала в эти края из Нового Орлеана. Она же распорядилась построить на крыше с правой стороны нелепую башенку, как в какой-нибудь средневековой крепости, потом родила дочь, а когда ей все это надоело, прабабка все бросила и снова отбыла в Новый Орлеан. Когда этот дом станет моим – а это обязательно случится, поскольку, как объясняла мне тетя Луиза, в каких-то бумагах записано, будто усадьбу должна наследовать старшая девочка в семье, – я непременно прикажу выкрасить его белым, как у всех.

Иногда я спрашивала себя, не считают ли дядя Джо (так зовут брата моего папы), тетя Луиза и мой кузен Уилли, что дом должен достаться им, поскольку им все равно приходится здесь жить, чтобы заботиться обо мне. Я часто слышала, как тетя сердится из-за необходимости подновлять краску или чинить текущую крышу, но стоило ей в такие моменты посмотреть на меня, как у нее тут же становилось такое лицо, будто перед ней – тонуший в луже котенок. Тогда тетя сразу начинала всхлипывать и обнимать меня так крепко, словно я была ее единственным сокровищем, и она готова была пожертвовать всем ради моего блага. Нет, она правда любила

меня так, словно я была ее родной дочерью, и я вполне могла это оценить, но... но она все же не была моей мамой. Моя мама шагнула в реку с моста Таллахатчи, и я осталась одна.

В два часа пополудни все мужчины, которые приезжали домой обедать, снова отправились в поля, а все женщины принимали ванну или обтирались мокрой губкой, чтобы подремать пару часов в постелях, пахнущих цветочными духами и детской присыпкой. Именно в этот момент с подъездной дорожки донесся сигнал автомобильного клаксона, и я бросилась туда. На дорожке стоял семейный «Линкольн» Хитменов: за рулем сидел их черный шофер Джим, а на заднем сиденье я увидела Сару Бет.

– Хочешь поехать в синемаграф? – спросила подруга, выглядывая в окошко и улыбаясь.

«Доктора Джекила и мистера Хайда», который шел в нашем городском синемаграфе, мы смотрели уже трижды, поэтому я сразу поняла, что Сара что-то затевает, и поскорее забралась в салон. Джим действительно высадил нас напротив кинотеатра, и Сара Бет, дождавшись, пока он отъедет, повернулась ко мне и принялась излагать свой план.

Минут двадцать спустя я уже жалела, что согласилась. Солнце палило немилосердно, и мне казалось – еще немного, и оно прожжет мне дыру в голове прямо сквозь волосы. Тетя Луиза называла мои волосы «земляничными», но для близнецов Беркли они были просто рыжими, поэтому братья так и норовили подергать меня «на счастье» за косичку перед каждым бейсбольным матчем. Стараясь не отставать от Сары, я продиралась сквозь высокую, спутанную траву, внимательно глядя себе под ноги, во-первых, чтобы не упасть, а во-вторых, чтобы мое лицо не покрылось веснушками. Я твердо знала, что если вечером у меня на носу будет хоть на одну веснушку больше, чем тетя насчитала утром, меня закроют дома на неделю.

Тетя Луиза считала, что веснушки могут помешать мне стать настоящей красавицей. По ее словам, все женщины в нашем роду были очень хороши собой, и мне нужно только немного подрасти, чтобы стать такой же, как они. Увы, каждый раз, когда я смотрела в зеркало на свое усыпанное веснушками лицо, я убеждалась, что желанное превращение навряд ли произойдет само собой и что помимо времени мне понадобится кое-что еще. Тетины суждения о женской красоте не вызвали у меня особенного доверия, поскольку она до сих пор носила корсеты, стягивала волосы в тугий пучок и никогда не пользовалась ни пудрой, ни румянами.

– Ну что, мы уже пришли? – спросила я в третий раз и вытерла пот со лба. Кожа на моей руке порозовела от солнца, и мне это совсем не понравилось.

– Почти пришли. Уже скоро, так что не ной.

Я ненадолго остановилась, чтобы перевести дух, и пот тотчас потек у меня по спине между лопатками. С некоторой завистью я посмотрела на Сару Бет – на ее темные вьющиеся волосы и гладкую кожу, которая никогда не обгорала и не покрывалась веснушками. Интересно, подумалось мне, как я объясню тете, где я получила солнечные ожоги, если предполагалось, что мы с Сарой несколько часов просидели в кинотеатре?

– Куда мы идем? – снова спросила я. Покинув центр Индиэн Маунд, мы прошли через застроенный полуразвалившимися домами окраинный квартал, хотя даже приближаться к нему нам запрещалось под угрозой самой настоящей порки, и вышли на окраину, где заросли высокой «индейской травой» отделяли город от хлопковых полей. Поглядев на свои пыльные туфли, я мельком подумала, что мне давно следовало снять их вместе с чулками и шагать босиком. С другой стороны, объяснить тете, откуда у меня на ногах следы от укусов клещей и других насекомых, было бы еще труднее, чем испачканные туфли.

Сара Бет тем временем вышла на узкую проселочную дорогу и зашагала по ней. Я двинулась следом – ничего другого мне просто не оставалось. Пройдя несколько шагов, подруга остановилась и стала ждать, пока я ее догоню.

Только тут я поняла, где мы находимся. Прямо перед нами виднелась невысокая кованая ограда и покосившаяся калитка, которая висела на одной петле немного наискось, словно

высунутый от жары собачий язык. Траву здесь кто-то пытался косить, но под самой оградой все равно осталось несколько длинных, неопрятных пучков.

Обернувшись через плечо, я увидела заднюю стену старой методистской церкви. Все местные жители ходили теперь в другую церковь, ближе к городу, а я никогда не спрашивала себя, что же случилось со старым зданием. Теперь я знала ответ. Ничего. Его просто забросили.

– Это же... кладбище! – произнесла я шепотом, словно боясь кого-то разбудить, и Сара Бет картинно закатила глаза.

– Ну конечно, кладбище, глупышка! Самое лучшее место для секретов!

Старательно делая вид, будто мне ни капельки не страшно, я двинулась за подружкой туда, где сразу за калиткой стояли в ряд высокие прямоугольные надгробия, странно похожие на торчащие из земли зубы. В дальнем углу кладбища, за оградкой из низко натянутой цепи, я увидела несколько грубых деревянных крестов, на которых краской были выведены от руки имена и даты. На некоторых я разглядела и короткие эпитафии: «Ушел, но не забыт» или «Теперь он в руках Господа».

Сара заметила, куда я смотрю.

– Это могилы цветных, – пояснила она. – У них нет денег на нормальные каменные надгробия, поэтому они ставят деревянные.

С этими словами она двинулась вдоль одного из рядов, внимательно глядя себе под ноги, чтобы не наступить на чью-нибудь могилу. Мы обе хорошо знали, что это, во-первых, очень плохая примета, а во-вторых, рассерженный дух покойника мог последовать за нами до самого дома. Вот почему я шла очень осторожно, стараясь наступать только туда, где только что прошла Сара. В нашем доме и без того хватало духов, и мне не хотелось привести туда еще одного.

– А почему они похоронены здесь, в углу? – спросила я.

Остановившись, Сара Бет обернулась ко мне и, преувеличенно громко вздохнув, сказала:

– Потому что они *цветные*.

Некоторое время я смотрела, как она идет вдоль могил, и думала о всех тех людях, которые лежали здесь под землей, – о том, что когда твое тело превращается в кости, уже не так важно, какого цвета у тебя была кожа.

Наконец Сара Бет остановилась и присела на корточки перед пятью небольшими камнями, стоявшими тесной группкой. У подножья центрального камня кто-то посадил розовый куст. Куст был подстрижен, трава вокруг была аккуратно выполота, и я подумала, что кто-то, должно быть, приходит сюда достаточно часто.

Черно-желтая оса, взлетев с цветка одуванчика, с гудением пронеслась перед самым моим лицом, и я отшатнулась с негромким криком.

– Тише! Чего ты орешь?! – недовольно прошипела Сара Бет, прижав палец к губам.

– Ненавижу осу! – прошипела я в ответ. – Если бы она меня укусила, тебе пришлось бы тащить меня к доктору Одому, иначе я могла бы задохнуться. И тогда бы ты пожалела, что кричала на меня.

Сара Бет снова повернулась к могильным камням и нахмурилась, а я встала у нее за спиной, чтобы быть подальше от одуванчиков, на которых могли сидеть другие осы или пчелы. Мой взгляд перебежал с одного надгробия на другое. На всех них была одна фамилия – Хитмен (имена были разные), и всего одна дата. Как я поняла, это означало, что год смерти был тот же, что и год рождения. Самая ранняя могила относилась к 1891 году, самая поздняя – к 1897 году. Сначала я даже не сообразила, что это именно даты – мне показалось, что это какие-то номера.

– Это же твоя фамилия! – сказала я Саре, спеша продемонстрировать свою наблюдательность и сообразительность, поскольку обычно эта роль доставалась моей подружке.

Сара Бет снова закатила глаза.

– Я *знаю*! Именно поэтому это – секрет!

Я только посмотрела на нее, но ничего не сказала, боясь, что стоит мне открыть рот, как она тотчас догадается: я понятия не имею, в чем суть.

С тем же преувеличенным терпением в голосе, какое прорывалось у тети Луизы каждый раз, когда она пыталась объяснить мне, почему в жаркие дни я не могу подбирать подол платья или стричь волосы, Сара Бет принялась объяснять:

– В этих могилах похоронены мои братья и сестры. Самая младшая из них, Генриетта, умерла за девять лет до моего рождения. Мама часто называет меня «чудесным ребенком», и теперь я знаю – почему.

– В Индиэн Маунд довольно много людей носит фамилию Хитмен. Откуда ты знаешь, что это твои родные братья и сестры, а не какие-нибудь дальние родственники?

– Я переписала в тетрадь всех городских Хитменов, и знаешь – среди всех моих теток, дядьев, кузенов и прочих нет никого, кто был бы достаточно взрослым, чтобы иметь детей в те годы, которые обозначены на могилах. Помнишь, как миссис Адамс рассказывала нам из Библии историю про Авраама и Сару, которая родила ребеночка, когда была уже совсем старая? Вот и моя мама тоже родила меня довольно поздно.

– Но почему тогда твоя мама ничего не сказала тебе про твоих братьев и сестер?

Сара Бет пожала плечами:

– Не знаю. Может, ей было слишком грустно об этом вспоминать?

– А ты не смотрела в вашей семейной Библии? Все дети, которые рождаются в семье, должны быть перечислены там на первой странице.

Сара Бет удивленно посмотрела на меня, потом отрицательно покачала головой, и я почувствовала себя ужасно умной.

– Мне не разрешают ее трогать. Наша семейная Библия хранится на полке в папином кабинете, и... Мама говорит – она слишком старая и слишком дорогая, и я не должна ее трогать, чтобы не повредить. Именно поэтому она подарила мне на день рождения новую маленькую Библию. Мою собственную!

Подруга снова окинула меня взглядом и медленно улыбнулась.

– После обеда мама спит, как все, а потом принимает еще одну ванну. А Берта каждую среду ходит за покупками в бакалейную лавку – и как раз в это время! Если мы не будем здесь прохладиться, то успеем заглянуть в Библию до того, как она вернется.

И, не дожидаясь моего ответа, она почти бегом бросилась к выходу с кладбища, а я последовала за ней, поскольку это была моя идея. Сара Бет жила ближе к городу, чем я, поскольку ее папа был президентом банка и все такое, и все равно, пока мы добежали до особняка Хитменов, я едва не скончалась от сердечного приступа, поскольку солнце все еще стояло довольно высоко и жара даже не думала спадать.

Особняк Хитменов выглядел точь-в-точь как старый плантаторский дом в Натчезе – с колоннами, портиком и прочим, только он был новым. Сара Бет частенько посмеивалась над моим домом, утверждая, что он, дескать, выглядит как не пойми что, но я знала, что она просто повторяет то, что слышала от своей матери. Мне подобные разговоры не особенно нравились. К счастью, для того, чтобы заставить Сару прикусить язычок, мне достаточно было напомнить, что мой дом принадлежит нашей семье уже больше ста лет и что когда-нибудь он будет моим.

Осторожно открыв входную дверь, мы немного помешкали на пороге, прислушиваясь, не донесется ли из комнат какой-нибудь подозрительный звук. Я, правда, никак не могла отдышаться после нашей пробежки по жаре, и Сара Бет, недовольно поморщившись, прижала палец к губам, показывая, что я должна вести себя как можно тише, но я не нуждалась в подобных напоминаниях. Я отлично знала, что если ее мама застанет нас на месте преступления и расскажет обо всем тете Луизе и дяде Джону, я не смогу сидеть нормально как минимум неделю.

На цыпочках мы пересекли застланную толстым ковром прихожую и прокрались в кабинет мистера Хитмена. В большой полутемной комнате было прохладно и слегка пахло трубоч-

ным табаком. Этот запах мне всегда нравился, однако в своих мыслях я так прочно связывала его с мистером Хитменом, что сейчас мне стало не по себе. Казалось, папа Сары Бет вот-вот войдет в кабинет и спросит, что мы тут делаем.

В кабинете Сара Бет сразу направилась к большому книжному шкафу, стоявшему позади рабочего стола, и сняла с верхней полки большую Библию в переплете из толстой черной кожи. Положив ее на стол, она набрала в легкие побольше воздуха и открыла первую страницу.

Надо сказать, что хотя, Сара Бет была почти на полгода старше меня, ростом я была на голову выше ее, поэтому мне не составило труда заглянуть в Библию поверх ее плеча. На развороте были аккуратными столбиками записаны имена всех родственников и даты их рождения и смерти. Ведя пальцем по столбцам, Сара Бет быстро просмотрела все записи и остановилась на последних пяти именах на полупустой правой странице. «Джон Хитмен, 1891; Уильям Хитмен, 1892; Маргарет Хитмен, 1893; Джордж Хитмен, 1895; Генриетта Хитмен, 1897», – прочла я.

Сара Бет подняла голову, и наши взгляды встретились.

– Видишь? – с торжеством прошептала она. – Я была права!

Я снова посмотрела на страницу Библии и прикусила губу. Новая мысль поразила меня как молния, и я выпалила:

– А почему тебя здесь нет?

Глаза Сары удивленно расширились. Опустив голову, она впилась взглядом в аккуратные столбцы дат и имен. Чуть ли не впервые в жизни Сара Бет не знала, что сказать.

– Ну я не знаю... Старики постоянно что-то забывают.

Я подумала о своей бабушке по отцу, которая перед смертью то и дело видела в нашем саду голых мужчин и звала меня именем моей погибшей матери. Правда, миссис Хитмен была совсем не такой старой, да и голые люди ей пока не мерещились.

Потом мы услышали наверху шаги и, поспешно убрав Библию на место, выскочили из кабинета. До лестницы мы добрались за секунду до того, как на верхней площадке появилась миссис Хитмен, одетая для выхода – в длинном платье, в шляпке и в перчатках. На сгибах ее рук белели полоски детской присыпки. По-видимому, миссис Хитмен очень торопилась: окинув нас быстрым взглядом, она велела Саре умыться (ее лицо и в самом деле лоснилось от испарины) и ушла в дамский клуб, где трижды в неделю играла в бридж с другими городскими леди. Я была очень рада, что миссис Хитмен не заметила наших пыльных туфель и спущенных чулок, поскольку в противном случае она могла устроить нам хорошую выволочку за то, что мы наследили на ее восточном ковре.

Когда дверь за ней закрылась, мы переглянулись и уже собирались вздохнуть с облегчением, когда донесшийся со стороны кухни тихий шорох заставил нас обернуться. В дверях кухни стояла дочь хитменовской кухарки Берты Матильда – стояла и смотрела прямо на нас. Она была моложе нас года на три, и я еще никогда не слышала от нее ни слова. Кожа у нее была темной, словно крепкий кофе, в который добавили самую капельку сливок, а большие карие глаза смотрели настороженно и внимательно. Сара Бет звала ее Черным Призраком, потому что Матильда передвигалась бесшумно, как привидение, появлялась неожиданно или следила за происходящим из какого-то укромного уголка, но стоило к ней обратиться, как она тотчас убегала.

– Привет, Черный Призрак! – сказала ей Сара Бет с улыбкой, которая мне совершенно не понравилась, поскольку в ней явно чего-то недоставало. Быть может, самой обычной доброжелательности. Думаю, если бы я позволила себе обратиться к черной прислуге с подобной улыбочкой, тетя Луиза засунула бы мне в рот целый кусок мыла «Лайфбой».

Матильда ничего не ответила, но и не двинулась с места. Еще некоторое время она продолжала смотреть на нас, потом, так и не издав ни звука, вернулась в кухню. Глядя на бесшумно закрывшуюся за ней дверь, я невольно спросила себя, как много Матильда видела и слышала.

Вскоре после этого за мной приехал дядя Джо, так что нам с Сарой так и не удалось поговорить о том, что мы узнали. Я, однако, продолжала спрашивать себя, как могло случиться, что все эти мертвые младенцы оказались в семейной Библии, а Сара Бет – нет. Глядя из окна автомобиля на хлопковые поля, я пыталась прикинуть различные варианты. «У каждого человека есть свои тайны», – подумала я наконец, вспомнив о своей матери. Я никак не могла понять, почему мама спрыгнула с моста.

Похоже, теперь я до конца жизни была обречена гадать, что было во мне такого, что мама не захотела остаться со мной.

Глава 3

Вивьен Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. Апрель, 2013

Я проснулась в комнате, в которой спала еще в детстве. Яркое солнце пробивалось сквозь розовые тюлевые занавески, и в его лучах плясали сверкающие пылинки. Большие яркие бабочки размером с мою ладонь все так же усеивали обои, которые, впрочем, слегка отклеились по углам и на стыках. Ничего удивительного: мне было восемь с небольшим, когда моя мать в очередной раз исчезла в неизвестном направлении, и Бутси повезла меня в магазин, чтобы я сама выбрала для своей комнаты новые обои. (Можно было подумать, что отъезд Кэрл-Линн был лишь поводом для того, чтобы слегка освежить обстановку, в которой проходило мое детство.) Предыдущие обои в моей комнате, кстати, тоже были с бабочками, но их нарисовала от руки сама Бутси еще до того, как я родилась; они мне ужасно нравились, поэтому в магазине я снова выбрала обои с бабочками, только не с розовыми, а с разноцветными. С тех пор, как эти обои наклеили на стены, прошло девятнадцать лет, и сейчас, глядя на их незамысловатый рисунок, я невольно подумала о том, что в этой части мира (по крайней мере, на первый взгляд) так ничего и не изменилось.

– Эй, я здесь!..

Я повернулась на голос и увидела Триппа, который сидел в кресле и протягивал мне аккуратно сложенный носовой платок. Он ослабил галстук, закатал рукава рубашки и стал больше похож на мальчишку, которого я когда-то знала.

Когда я не потянулась за платком – я просто не знала, зачем он мне нужен, Трипп добавил:

– Ты плакала во сне.

Не отвечая, я закрыла глаза и попыталась припомнить, что же мне снилось, но сновидения уже таяли, теряя фактуру и объем, словно оседающая мыльная пена. От моих прикосновений они исчезали еще быстрее, так что вскоре от них не осталось ничего, кроме гнетущего ощущения опустошенности.

Трясущимися руками я взяла платок и прижала к глазам.

Потом я вспомнила странный наряд моей матери, вспомнила Томми, вспомнила белый череп на черной земле, поваленный кипарис и разбросанную вокруг обугленную кору.

– Что... что это за кости? – проговорила я неуверенно, словно пробуя голос. – Чьи они?

– Пока не знаю. – Трипп пожал плечами. – Судебно-медицинская лаборатория штата обещала прислать экспертную бригаду, чтобы извлечь кости из земли по всем правилам. На вашем участке находится старый индейский курган, так что кости, возможно, оттуда, но я в этом сомневаюсь. Во-первых, они не настолько старые, к тому же курган находится довольно далеко от кипариса. С другой стороны, совершенно очевидно, что скелет пролежал в земле несколько десятилетий, так что сказать, кто это может быть, мы сможем только после нескольких экспертиз.

Речь Триппа звучала неторопливо, почти протяжно, и сейчас я обратила на это внимание, поскольку успела привыкнуть к телеграфной скороговорке жителей Западного побережья, к проглоченным окончаниям и кастрированным предложениям, похожим на эсэмэски. До этого момента я даже не представляла, насколько мне не хватало певучего южного говора с его растянутыми гласными и отчетливыми паузами между словами и предложениями – паузами, которые давали человеку возможность прислушаться и понять смысл сказанного.

Откинувшись на спинку кресла, Трипп несколько мгновений молча меня разглядывал.

– Помнишь, ваша служанка Матильда ни за что не хотела подходить к этому дереву? Она говорила, что это заколдованное место и там можно встретить дүхов, а мы этим пользовались.

Каждый раз, когда нам удавалось утащить из кухни печенье, мы сразу бежали к кипарису, зная, что туда-то Матильда за нами ни за что не пойдет!

Он еще что-то говорил, но я уже не могла сосредоточиться на его слова. Коварная головная боль сдавила виски, а в глазах потемнело.

– Трипп... – с трудом выдавила я. – Я оставила в машине свою сумочку с лекарством. Ты не мог бы...

Я осеклась, услышав знакомый звук. Отняв от лица носовой платок, я увидела, что Трипп держит в руке и слегка потряхивает знакомый пластиковый флакон.

– Это довольно сильное средство, Вив. Я уже не говорю о двух пустых флаконах из-под другого лекарства, которое тоже...

– Где ты это взял?! – воскликнула я, чувствуя, как первоначальное смущение уступает место гневу.

– Томми перенес в дом твои чемоданы и сумочку. Сумочка была не закрыта, таблетки выпали, а я их подобрал.

– Тебе обязательно надо было читать этикетку?

Трипп посмотрел на меня пристально, и я поняла, что он не ответит. Это, впрочем, было вполне в его характере, который я успела неплохо изучить за столько-то лет. С Триппом мы подружились еще в детском саду: наши фамилии начинались на одну букву (Мойс – Монтгомери), поэтому и в столовой, и в игровой мы сидели рядом.

– Это, конечно, не твое дело, – сказала я, – но я не принимала лекарства, пузырьки от которых ты нашел в моей сумочке. Я высыпала эти таблетки в туалет.

– Но сохранила флаконы, чтобы показать их в аптеке вместо рецепта, если лекарство снова тебе понадобится.

Я не стала спорить. Трипп всегда умел докопаться до правды.

– Кто этот доктор Макдермот?

Я закрыла глаза.

– Мой муж. Бывший муж, – поправилась я. – Он – пластический хирург.

Брови Триппа так выразительно поползли вверх, что я почувствовала непреодолимое желание сказать что-то в свое оправдание, хотя и понимала, что буду выглядеть жалко. Мне казалось – Трипп только что вынудил меня признаться, будто мои дела настолько плохи, что я готова без разбора принимать сильнодействующие антидепрессанты, выписанные, ко всему прочему, пластическим хирургом, потому что нормальные психиатры от меня давно отступились.

Трипп снова встряхнул флакончик, и таблетки внутри защелкали, застучали по пластику, словно кости.

– Между прочим, это средство вызывает привыкание. Кроме того, принимать их без наблюдения врача просто опасно.

Я передернула плечами, старательно притворяясь, будто мне наплевать.

– В последние несколько лет мне пришлось нелегко, так что... К тому же я принимаю их не все время, а только... только когда мне бывает особенно тяжело, а я сама не справляюсь. – Я отвернулась, чтобы Трипп не догадался по моим глазам, что я лгу. – Марк ничего такого мне не говорил. Он просто называл эти таблетки «счастливыми пилюлями», и они действительно... они действительно мне помогают, – закончила я с виноватым видом. Больше всего мне сейчас хотелось переменить тему, поэтому я села на кровати, опершись затылком на изголовье.

– Слушай, а ты и правда коронер? Почему? Что случилось? Мне казалось, ты собирался учиться на врача.

Его лицо осталось непроницаемым.

– Собирался и даже поступил. Но потом передумал.

– Но почему?! Насколько я помню, ты всегда мечтал стать кардиологом, и...

Немногословность Триппа могла подействовать обескураживающе на любого, кто не знал его достаточно хорошо. Мы вместе росли, поэтому я неплохо его изучила, однако его молчание меня буквально пугало. Каждый раз, когда Трипп замолкал, это означало, что он глубоко задумался, когда же он наконец открывал рот, то всегда говорил не то, что я ожидала.

– Ты уехала, – сказал он, предоставив мне самой догадываться, что могли означать эти слова.

Закрыв глаза, я изо всех сил сосредоточилась на том, что происходило у меня в голове, пытаюсь составить из отдельных слов правильные вопросы, хотя и не была уверена, что мне так уж хочется услышать ответы. Когда я снова открыла глаза, то увидела, что Трипп спокойно глядит на меня. Я уже собиралась спросить его, куда девалась Бутси и что случилось с моей матерью, но новый приступ мигрени мне помешал. Боль снова вспыхнула в висках и была такой острой, что у меня даже глаза заломило. Нет, поняла я, я *не хочу* знать ответы на свои вопросы. Впрочем, чтобы их задать, мне все равно нужно было принять мою «пилюлю счастья». Без нее я бы просто не справилась.

Невольно устремив жадный взгляд на флакончик в руках Триппа, я произнесла пересохшим ртом:

– Дай мне таблетку, Трипп. Всего одну!.. Нет, со мной все в порядке, просто нервы немного разгулялись. Ну дай!.. Это же такой пустяк – даже водой запивать не нужно.

Но он, похоже, не собирался отдавать мне таблетки. Вместо этого Трипп спросил:

– Когда ты ела в последний раз?

Моя голова буквально раскалывалась от боли, а перед глазами плыли красные круги.

– Не помню. Наверное, вчера... Или раньше?.. Кажется, это было еще в Арканзасе.

Трипп поднялся.

– Тебе нужно как следует поесть и заодно восстановить баланс жидкости в организме, не то обезвоживание тебя вот-вот доконает. Томми как раз готовит завтрак. Я принесу тебе яичницу, бекон и овсянку, а когда ты поешь – дам тебе твою таблетку, но только непременно со стаканом воды.

Я с силой прижалась затылком к деревянному подголовнику в тщетной надежде унять пульсирующую внутри боль.

– Что это ты тут раскомандовался?

Трипп засунул руку с зажатым в кулаке флакончиком глубоко в карман. Лицо его по-прежнему не выдавало никаких эмоций. Наконец он сказал:

– Я сейчас вернусь.

Он вышел, а я осталась рассматривать бабочек на обоях. Ничего другого мне просто не оставалось. Ах, если бы я только могла вскочить с постели, сбежать вниз и потребовать ответы на все вопросы, которые долбили мою голову изнутри! Увы, вряд ли это было мне по силам. Теперь уже не только руки – все мое тело сотрясала крупная дрожь, так что даже опустить ноги на пол и встать мне, пожалуй, не удалось бы.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем дверь снова отворилась и в спальню вошел Трипп. В руках он держал поднос с завтраком. Вытянув шею, я попыталась заглянуть ему за спину и испытала острое разочарование, когда убедилась, что он был один.

– А где... Томми?

Трипп не спеша поставил поднос мне на колени, потом опустил на тумбочку стакан с водой, предварительно убедившись, что я смогу до него дотянуться. Наконец он вернулся в кресло и только после этого заговорил:

– Томми... Он еще не готов с тобой разговаривать, ведь когда ты уехала, ты бросила и его тоже. – Он кивком показал на поднос. – Поешь, потом я дам тебе таблетку, и мы сможем поговорить.

Я хотела отказаться, но девять лет, которые я провела вдали от дома, лишили меня всякой способности сопротивляться. Даже упрямства во мне не осталось. Теперь я знала, что путь наименьшего сопротивления – самый легкий, и с готовностью сворачивала на него каждый раз, когда мне представлялась такая возможность. Кроме того, запах поджаренного бекона и горячей овсянки напомнил мне, что я действительно очень голодна. Я ела быстро и молча и расправилась с завтраком за считанные минуты. Наконец я отодвинула тарелку и потянулась к стакану с водой. Легко поднявшись, Трипп взял у меня с колен поднос и переставил его на журнальный столик. Только после этого он достал из кармана мой флакончик, открыл крышку и ловко вытряхнул мне на ладонь таблетку. Я проглотила ее в мгновение ока, потом, чувствуя на себе пристальный взгляд Триппа, осушила стакан.

Слегка качнув головой, он поставил флакончик с лекарствами на тумбочку, словно бросая мне вызов. Потом Трипп наклонился вперед, уперся локтями в колени и взглянул на меня, ожидая моих вопросов.

– Где Бутси? – тотчас выпалила я, не успев даже как следует подумать. Впрочем, мне казалось – теперь я была готова выслушать ответ. Дурное предчувствие, подспудно терзавшее меня с тех самых пор, как я увидела перед собой желтые стены усадьбы, никуда не исчезло, но таблетка начала действовать. Обнаженные нервы моей души покрылись если не броней, то, по крайней мере, чем-то вроде изоляции, и теперь мне казалось – я способна выдержать даже самый тяжелый удар. Сильнодействующее лекарство наполняло голову горячим туманом, в который я ныряла, точно в безопасную, мягкую постель, каждый раз, когда сталкивалась с реальностями собственной жизни... точнее, с тем, во что *превратилась* моя жизнь. Когда девять лет назад я бежала из этого дома, мою голову и мое сердце переполняли мечты, надежды и желания, свойственные всем восемнадцатилетним девчонкам. Сейчас мне было двадцать семь, я вернулась, и мои переметные сумы были пусты.

И только Бутси знала, как наполнить их вновь.

– Мне очень жаль, Вив, но... Твоя бабушка умерла прошлой весной. Воспаление легких. Все произошло очень быстро. Она просто заснула и не проснулась.

Несмотря на свой ужасный смысл, эти слова не проникли глубоко в мое сознание, скользнув по поверхности, как скользит по осеннему пруду стая гусей. Лекарство надежно блокировало боль, не давая ей вцепиться в мои внутренности, даже когда я вспомнила, как выбрасывала непрочитанные письма, как, переезжая на новое место, старалась не оставлять свой новый адрес, как добивалась, чтобы мои телефонные номера не были зарегистрированы в общедоступных телефонных базах. Да, я очень заботилась о том, чтобы никто из родных не смог меня разыскать... и теперь я не испытывала по этому поводу ни стыда, ни простого сожаления. Я даже сложила руки на груди, чтобы эти бесполезные эмоции не смогли проникнуть внутрь и добраться до моего сердца, до моей души.

– Томми и я... мы оба тебе писали. Хотели, чтобы ты знала.

Я отвернула голову и уставилась на огромную бабочку, нарисованную на обоях. Мне казалось, ее яркие крылья чуть-чуть шевелятся, словно бабочка готова взлететь.

– А... Кэрол-Линн? Что с ней?

– Пусть лучше Томми тебе скажет.

Я затрясла головой.

– Если он на меня обиделся, это может продолжаться очень долго... Томми способен не разговаривать со мной месяц, даже больше. А я пока даже не знаю, сколько еще я здесь пробуду.

Да, в нашей семье злопамятностью и умением дуться отличались не только женщины.

В лице Триппа что-то дрогнуло.

– У нее... старческое слабоумие, и мы боимся, что это может быть начальной стадией болезни Альцгеймера. К сожалению, твоя мама не хочет показываться врачу и проходить тесты,

так что... В общем, твоя помощь была бы очень кстати. Томми трудно одному заботиться о матери, ведь он занимается и фермой, и своим бизнесом по ремонту антикварных часов.

Я чувствовала себя так, словно мне делали сложную операцию под местным наркозом. Я ощущала давление, чувствовала скальпель, врезающийся в плоть, но не боль. Боли не было, и это казалось странным.

– Этого не может быть, – покачала я головой. – Ведь Кэрол-Линн... она же совсем не старая!

Я закрыла глаза. Воображаемое трепетание крыльев нарисованной бабочки вызвало у меня новый приступ головокружения.

– И Бутси... – продолжала я. – Она не могла умереть. Я бы знала! Я бы *почувствовала* это даже на другом конце страны!

Трипп долго не отвечал, и в конце концов я снова открыла глаза. Он все так же сидел рядом с кроватью, но черты его лица почему-то расплывались, и я никак не могла их рассмотреть.

– Томми хотел тебе позвонить, когда она только-только заболела, но не знал твой номер.

Мне захотелось заплакать, но я не смогла. Оцепенение охватило меня, обволокло, словно тяжелое, теплое одеяло, и я с готовностью закуталась в него плотнее. Мне хотелось сказать, что отсутствие матери нельзя извинить и оправдать, даже если она иногда возвращалась – возвращалась, как правило, слишком поздно, чтобы это могло иметь какое-то значение. Мне хотелось сказать ему, что мой отъезд, мое бегство было способом отомстить и Кэрол-Линн, и всей моей семье, которая каждый раз принимала ее назад. А если бы я могла обратиться к себе восемнадцатилетней, я бы сказала, что, даже убежав из дома, я все равно оставила здесь частичку души и что притяжение этой земли, этой реки и этих хлопковых полей я буду чувствовать всегда, как бы далеко я ни уехала. Но я молчала. Тепло и лень сковали меня по рукам и ногам, и даже язык во рту совершенно не желал мне подчиняться. Ну и пусть! Как говорится, не очень-то и хотелось...

Трипп наклонился ближе. В руке у него были какие-то бумаги, которые он протягивал мне.

– Томми принес их вместе с твоими чемоданами. Он нашел их на приборной доске твоего автомобиля, и я подумал – может, ты захочешь иметь их при себе.

Нехотя скосив глаза, я посмотрела на то, что Трипп держал в руке. Это были две фотографии, точнее – одно фото и одна сонограмма. Результат УЗИ-исследования. На снимке была запечатлена Кю в третьем классе. На сонограмме...

Я уставилась на снимки так, словно видела их впервые в жизни, и только в груди у меня что-то сжалось. Должно быть, мое бедное сердце подсказывало мне – эти изображения что-то для меня значат.

– Спасибо... – произнесла я непослушными губами.

Трипп ничего не сказал, но я видела в его взгляде невысказанный вопрос. Слегка пожав плечами, я позволила себе еще глубже погрузиться в блаженное забытие.

– Они... эти снимки больше не имеют ко мне отношения, – проговорила я и с удивлением почувствовала, как обжигают глаза непрошенные слезы. – Одно время мне казалось – я могу быть другой, но я ошиблась.

Трипп внимательно смотрел на меня.

– Почему ты вернулась?

«Потому что я превратила свою жизнь черт знает во что, и мне нужна была Бутси, чтобы все исправить. Но Бутси больше нет, и исправить ничего нельзя».

«Куда бы ты ни направилась, твое место здесь...» Закрыв глаза, я пыталась вспомнить, где я слышала эти слова. И тут же зажмурилась еще крепче, на этот раз от стыда, потому что вспомнила... Эти слова бросил мне вслед Трипп, когда я торопливо садилась в свой крошеч-

ный «Чеви Малибу», по самую крышу набитый барахлом, которое мне удалось скопить за первые восемнадцать лет моей жизни. Бутси, мама и Томми остались в доме, не желая мириться с моим отъездом. Трипп был единственным, кто провожал меня в тот день – но лучше бы не провожал. Эти последние слова он сказал очень негромко, словно заранее знал, что его спокойный, тихий голос с южным акцентом будет звучать у меня в ушах гораздо дольше, чем любые крики и проклятия, которыми родные осыпали меня, словно камнями.

Поднявшись, Трипп шагнул к двери.

– Не знаю, как долго ты собираешься пробыть в наших краях, но я бы попросил тебя задержаться. У меня могут возникнуть к тебе кое-какие вопросы, да и у шерифа тоже – ему ведь еще отчет писать. Я знаю, в кино все выглядит иначе, но в реальной жизни коронер, как правило, занимается только вскрытиями и бумажной работой. К самому расследованию нас обычно не привлекают. – Он немного помолчал и добавил: – Кроме того, тебе стоило бы помириться с братом. Твоя мама уже легла, но Томми все еще торчит у себя в мастерской и пытается спасти что можно.

Откинувшись головой на спинку кровати, я думала о том, как лучше ответить на его вопрос, но так ничего и не придумала. Трипп открыл дверь и шагнул в коридор – и только тогда я выкрикнула ему вслед:

– Я вернулась, потому что мне больше некуда было идти!

Трипп на мгновение замер. Рука его легла на дверную ручку.

– Мне очень жаль это слышать, – сказал он, не оборачиваясь, потом осторожно прикрыл дверь. Замок тихо щелкнул, и я осталась одна.

Некоторое время я полулежала в постели, потом села и повернулась к книжным полкам, которые Бутси развесила по стенам, чтобы разместить все призы, завоеванные мною на конкурсах красоты, все мои грамоты, медальки и красивые безделушки, которые мне вручали за школьные сочинения и эссе. Когда-то я мечтала стать актрисой, сценаристкой или, на худой конец, дикторшей, которая зачитывает по телику прогноз погоды, и в моей жизни было время, когда я действительно верила, что мои мечты могут осуществиться.

Спустив ноги на пол, я встала и отправилась бродить по дому. Я проходила по знакомым с детства комнатам и коридорам, и мне казалось, что за время моего отсутствия стены стали выше и как-то строже.

И все-таки дом меня узнал, узнал и был рад моему возвращению.

Спустившись на первый этаж по музыкально поскрипывавшей лестнице, я ненадолго замерла у нижних ступеней. Здесь на оштукатуренной в незапамятные времена стене было одно голое место, которое не закрашивали и не клеивали обоями. И я знала, что оно не будет закрашено или заклеено никогда, подобно тому, как никогда не будут замазаны выщербины и сколы на стенах и колоннах самых старых домов Виксберга, оставленные снарядами, выпущенными по городу артиллерией янки. Владельцы этих домов гордились оставленными войной шрамами; для них это была живая история, которая никогда не кончается. И точно так же для поколений женщин, живших в нелепой желтой усадьбе в Индиэн Маунд, предметом гордости был след воды на штукатурке – памятка о Большом Миссисипском наводнении 1927 года. Тогда погибло больше пятисот человек – в том числе кое-кто из наших родственников. Об этом событии в доме почти не говорили, но помнили всегда. Что касалось водяного следа, то это был такой же шрам, как следы от ядер и пуль северян. Свидетельство. Знак, что дом тоже пострадал вместе с обитавшей в нем семьей.

Я сделала еще шаг вперед и остановилась. Опустив ладони на шарообразное навершие нижней стойки резных перил, я вдруг вспомнила день, когда Кэрл-Линн вернулась домой в последний раз. Она вернулась навсегда, и все сразу переменялось.

Но я отогнала это воспоминание и отправилась искать брата в надежде, что он в состоянии вспомнить ту девчонку, какой я когда-то была и какой, как мне казалось, я могла бы стать

снова. Увы, я сама наполовину забыла себя прошлую, и теперь мне было страшно, что Томми меня тоже забыл.

Глава 4

Вивьен Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. Апрель, 2013

Когда я наконец осмелилась выйти из дома, утренняя свежесть уже уступила место дневной жаре. Мои туфли, покрытые засохшей грязью, кто-то аккуратно поставил на задней веранде возле кухонной двери – рядом с мамиными босоножками на высоченных шпильках, в которых я видела ее накануне. Водосточная труба в углу веранды покривилась, заржавела и прохудилась, и вода из желоба под крышей стекала прямо на пол. Сейчас вода уже ушла, но деревянный пол в этом месте так сильно выгнулся и покоробился, словно его заливало уже не первую весну.

Когда Бутси была жива, вдоль каждой дорожки в саду, у каждой двери и на каждой горизонтальной поверхности в самом доме буйно цвели самые разные цветы. Ее огород на заднем дворе мог заткнуть за пояс любую оранжерею: растения у нее получались какие-то особенно зеленые и мощные, а их стебли чуть не круглый год бывали усыпаны плодами. На нашем столе не переводились свежая кукуруза, дыни, бобы, баклажаны, лук, кабачки, патиссоны и канталупы, вкус которых казался – да и был – по-настоящему неповторимым. Я не знала овощей вкуснее, чем дары бабушкиного огорода.

Несмотря на свое утилитарное предназначение, огород Бутси выглядел не как огород, а скорее как райский сад. Над ним словно потрудились дипломированный ландшафтный дизайнер или, на худой конец, профессиональный агроном. Грядки были аккуратными, словно проведенными по линейке, и достаточно высокими для лучшего оттока воды, а росло на них буквально все. В нашей семье говорили, что огород устроила самая первая женщина по фамилии Уокер, жившая в этом доме, и что каждая последующая представительница нашего рода что-то улучшала или меняла, исключительно чтобы доказать своей собственной матери – что-что, а выращивать овощи она умеет лучше. Не знаю, так или нет, но факт оставался фактом: каждое поколение женщин Уокер получало с огорода потрясающие урожаи даже в самый засушливый сезон. Пожалуй, единственной, кому этот талант не достался (или, по крайней мере, никак себя не проявил), была моя собственная мать. Вот уж кто совершенно не интересовался ни временем созревания томатов, ни правилами ухода за стручковой фасолью! Я, например, не помню случая, чтобы Кэрол-Линн что-то сажала или полола.

Отличие от нее, я бывала в огороде регулярно: с самого раннего возраста я ходила туда вместе с Бутси, послушно держа в руках корзиночку с семенами, горшочки с рассадой, секатор или ворох бечевки для подвязывания стеблей. Я, однако, никогда не работала в огороде по-настоящему, не вставала на колени рядом с бабкой и не запускала пальцы в нагретую солнцем черную землю, словно уже тогда решила не создавать привязанностей, от которых мне потом будет трудно избавиться.

Стараясь не смотреть в сторону поваленного кипариса, рядом с которым снова возились какие-то люди, я спустилась с веранды и направилась к заборчику, ограждавшему огород Бутси. Здесь смерть бабушки чувствовалась даже острее, чем если бы я стояла возле ее могилы. Большинство остроконечных реек в заборе отсутствовало, а те, что остались, облезли и покосились, склоняясь к земле под самыми разными углами. Можно было подумать – просто упасть в грязь им было недостаточно, и они из последних сил пытались продлить агонию в надежде привлечь чье-то внимание. Сорванная с петель калитка стояла на земле, прислоненная к столбу, на котором она когда-то висела. Из грядок и клумб, сплошь засыпанных мертвыми листьями и мусором, торчали похожие на пальцы обломанные стебли, а на небольших полянках, где когда-то стояли садовые кресла, не было даже травы.

Смотреть на это было так тяжело, что я отвернулась – и снова оказалась стоящей лицом к поваленному дереву. В грязи, медленно заполняясь водой, виднелись свежие колеи от колес, а совсем рядом с кипарисом стояла полицейская труповозка с открытой задней дверцей. На краю ямы, оставшейся от вывороченных корней, я увидела Триппа, который, присев на корточки, на что-то показывал полицейскому в форме.

На мгновение мне захотелось вернуться в дом, собрать вещи и выйти через парадную дверь, но... Вчера я сказала Триппу сущую правду: мне было некуда бежать.

Опустив голову, я уставилась на свои туфли, покрывшиеся свежим слоем мокрой грязи, но эти слова продолжали эхом отдаваться у меня в голове. *Некуда бежать!!!* Потом я вспомнила о Кло – о сказках, которые я когда-то читала ей на ночь, и о том, как в раннем детстве она любила сидеть у меня на коленках. Сейчас Кло выросла: в последние годы я видела ее исключительно с мобильным телефоном, который она не выпускала из рук буквально ни на секунду. Хотела бы я знать, стала бы она другой, если бы в свое время я не опустила руки и не отказалась от попыток вырастить ее нормальным человеком?

Задумавшись о Кло, я споткнулась и, чтобы не упасть, была вынуждена схватиться за остатки забора. Любимой сказкой Кло когда-то была история о маленькой девочке, которой фея-крестная подарила на день рождения Книгу Полезных Советов На Все Случаи Жизни. Сейчас такая книга мне бы очень пригодилась. Мне хотелось знать, что мне теперь делать, поскольку никакого запасного плана у меня не было и в помине, а бегство было возможно только в случае, если бы я согласилась считать своим пунктом назначения дешевый номер в безымянном мотеле.

В конце концов я немного собралась с духом и, расправив плечи, захлопала по грязи по направлению к кипарису, старательно перешагнув заполненные водой следы автомобильных колес. Яма в земле была уже огорожена желтой полицейской лентой. Заднее крыльцо и часть крыши старого хлопкового сарая были разрушены упавшим деревом, но парадная дверь была открыта, а на пороге я увидела своего брата.

Томми тоже заметил меня и в смятении отступил в глубь сарая, но это только заставило меня ускорить шаги. Брат был старше меня почти на десять лет – и на шесть дюймов выше моих пяти футов и десяти дюймов, но я никогда его не боялась. Мы всегда знали, что можем рассчитывать друг на друга, как бы далеко ни уехала наша мать. У меня был Томми, а у него – я, а еще у нас были Бутси, ее двоюродный брат дядя Эммет, желтая усадьба и ферма – и этого нам вполне хватало. И только когда Кэрол-Линн неожиданно вернулась, чтобы остаться насовсем, я стала всерьез задумываться о большом мире, который лежал за Миссисипи – о том, что он может отказаться лучше и красивее, чем наши болотистые равнины.

В сарае было темно, и я некоторое время стояла на пороге, дожидаясь, пока мои глаза привыкнут к сырому, теплему полумраку. Когда Томми унаследовал часовую мастерскую дяди Эммета, он сразу перевел ее с Мэйн-стрит поближе к дому, чтобы иметь возможность заниматься одновременно и ремонтом старинных часов, и фермой. Для этого он переоборудовал старый хлопковый сарай: надстроил второй этаж, провел электричество и канализацию, поставил кондиционер. На первом этаже Томми занимался всем, что имело отношение к ферме, а часы обрели новый дом на втором этаже. Со временем брат пристроил к сараю крохотную кухню и спальню, в которой он ночевал во время сева и уборки урожая, когда дорог был каждый час и на сон времени почти не оставалось.

Изнутри стены сарая были обшиты древесно-слоистым пластиком – в полном соответствии с мужскими представлениями о домашнем уюте, однако даже Бутси не мешала внуку самовыражаться, пусть даже при этом он и погрешил против вкуса и здравого смысла. Сейчас пластик выцвел, потрескался и потерял всякий вид. У самого порога я чуть не наткнулась на переполненную корзину с предназначенным для стирки бельем и сразу подумала, уж не переселился ли Томми в сарай насовсем. При мысли об этом мне стало грустно, и не столько

потому, что мой брат так и остался холостяком, сколько потому, что на самом деле я ничего о нем не знала. Было время, когда мне очень хотелось выяснить, есть ли у моего брата жена и дети, но преследовавшие меня неудачи и разочарования помешали мне переступить через ложную гордость и позвонить или написать письмо, а потом... потом Марк начал выписывать мне таблетки «от нервов», и мне стало наплевать. Одна маленькая белая пилюля – и я переставала волноваться и переживать по *любому* поводу.

Я посмотрела в грязное окошко – туда, где Трипп и полицейский продолжали оживленно жестикулировать над ямой в земле, потом снова перевела взгляд на бельевую корзину брата. На самом верху лежал старый, застиранный носок с дыркой на пятке. Почему-то сейчас он казался мне символом всей нашей жизни. Словно старые товарные вагоны на запасном пути, мы ржавели и разваливались, не зная, как переключить главную стрелку, чтобы снова вернуться на главную рельсовую магистраль.

У лестницы наверх стоял большой стол, заваленный какими-то бумагами. Среди бумаг затерялись три кружки с остатками мутного кофе и древний ноутбук, которому самое место было в музее. Лестницу Томми обновил, еще когда перестраивал сарай, однако отверстие в потолке оставалось прежним, поэтому ступеньки вышли узкими и крутыми. Бутси говорила – Томми сделал это намеренно, чтобы посторонние не совались в его святая святых – туда, где он мог спокойно ковыряться в антикварных часовых механизмах, которые присылали ему со всех концов света.

Прижимаясь к неповрежденной стене, я вскарабкалась на верхнюю площадку и снова остановилась, чтобы перевести дух и заодно осмотреть повреждения, нанесенные сараю стволлом и ветвями упавшего дерева. Часть стены и пол возле пролома потемнели от воды, повсюду были разбросаны щепки, листва, промокшие бумажки с мелким типографским текстом и небольшие пластиковые пакетики с различными часами и часовыми деталями внутри. Когда-то на каждом из них была соответствующая этикетка с описанием, но сейчас они отклеились и разлетелись по полу вперемежку с кусками коры, а надписи на них расплылись и стали неудобочитаемыми. На трех уцелевших стенах по-прежнему висели старинные и просто старые ходики; их маятники раскачивались, механизмы крутились, а минутные и (у некоторых экземпляров) секундные стрелки продолжали бежать по циферблатам, словно напоминая, что время не останавливается ни для кого и никогда.

Когда часовой мастерской в деловом центре Индиэн Маунд еще владел дядя Эммет, я любила заходить к нему, разглядывать циферблаты старых часов, слушать их разноголосое тиканье и бой и раздумывать о десятках и сотнях совершенно незнакомых мне людей, чьи жизни когда-то отмерял размеренный ход потускневших маятников. Я, кстати, довольно долго верила, что человек, который не будет забывать заводить часы прежде, чем они остановятся, будет жить вечно, и сейчас я невольно спросила себя, что было бы, если бы я была рядом, когда Бутси заболела. Уж я бы не забывала каждый день заводить ее старые ходики с кукушкой, и тогда, быть может, бабушка бы не умерла.

Потом я увидела Томми. Он стоял спиной ко мне и разглядывал что-то на большом столе на козлах, который когда-то стоял в мастерской на Мэйн-стрит, а потом переехал в старый хлопковый сарай. Перед Томми лежала стопка пустых пластиковых пакетиков и поблескивала груда шестеренок, валов, пружин. Лампа в большом полукруглом абажуре над его головой была включена, и в ее свете рыжеватые волосы брата, которые были лишь на полтона светлее, чем у меня, слегка поблескивали, словно он их только что вымыл и не успел высушить до конца.

– Привет, Томми, – сказала я, обращаясь к его ссутуленной спине. – Похоже, тебе повезло, когда это дерево упало. – Еще раз оглядевшись по сторонам, я взмахнула в воздухе руками, словно пытаюсь стереть сорвавшиеся с губ слова. – То есть... я хотела сказать, что... В общем, все могло быть гораздо хуже.

Какое-то время я не двигалась, страстно желая, чтобы Томми хоть что-то сказал. Например, чтобы он улыбнулся и ответил, мол, все в порядке, не стоит волноваться. Эти или похожие слова я часто слышала от него в детстве, но сейчас брат молчал. И он по-прежнему стоял ко мне спиной! В другое время я, наверное, могла бы обидеться, разозлиться, но не теперь. Теперь мне было ужасно важно, чтобы Томми сказал хоть несколько слов, и я попробовала еще раз:

– Как ты думаешь, чьи это кости там, под деревом? Довольно жутко сознавать, что они были там все время, пока мы... Помнишь, как мы испугались, когда размыло старый индейский курган и мы нашли несколько костей? Мне тогда было по-настоящему страшно. Кажется, я успокоилась только тогда, когда Бутси сказала, что это куриные кости.

Томми еще некоторое время разглядывал на просвет очередной пакетик, в котором что-то лежало, потом спросил, не оборачиваясь:

– Разве ты уже написала завещание?

Во рту у меня мгновенно пересохло. Это был сигнал, который подавало мне мое тело – сигнал, означавший, что Томми подобрался к правде гораздо ближе, чем мне хотелось.

– Что... что ты имеешь в виду?

Томми написал что-то на обрывке липкой ленты, приклеил к пакетику и бросил его в большую картонную коробку.

– Даже у старой собаки хватает ума спрятаться в конуру, когда идет такая гроза. Неужели вчера вечером тебе даже не пришло в голову укрыться от бури? Или ты ее вообще не заметила?

Я слотнула.

– Мне... мне просто хотелось поскорее попасть домой. Об остальном я просто не думала, – проговорила я и сама поморщилась – настолько глупо это прозвучало.

По-прежнему не глядя на меня, Томми сказал:

– Одно торнадо прошло совсем рядом с Мурхедом, другое зацепило Язу-Сити. Пожарные sireны выли всю ночь – как можно было их не заметить? Верно говорят: глупость не лечится.

Теперь он был больше похож на моего брата, и я вздохнула с невольным облегчением.

– Я тоже рада тебя видеть, Том.

Он снова написал что-то на липкой ленте, приклеил ярлычок к очередному пакетику и опустил в ту же коробку.

– Кто такая Кло?

Его вопрос застал меня врасплох.

– Откуда ты знаешь про Кло?

– Это имя написано на обороте фотокарточки, которую ты поставила на свой ночной столик. Кстати, сонограмму я тоже видел...

В старом сарае было тепло, но сейчас меня как будто обдало морозом, и я подумала, что с моей болью и с моими ошибками не справиться даже самым сильным лекарствам.

– Кто тебе позволил рыться в моих вещах? – произнесла я каким-то не своим голосом.

По-прежнему склонившись над столом, Томми покачал головой.

– Я не рылся. Вчера я пришел к тебе в комнату, чтобы поговорить, но ты уже спала. Фотографии... они просто лежали на столике, вот я и решил на них взглянуть. Мы не видели тебя больше девяти лет, поэтому мне показалось – мне надо знать, чего от тебя ждать и что ты можешь выкинуть в следующий момент.

– Все равно у тебя не было никакого права...

Томми пожал плечами:

– Мы одна семья, Вив. Возможно, ты об этом забыла, но я не забыл.

Я вспомнила, как Трипп сказал мне, что я бросила всех, Томми в том числе, и немного смягчилась. Еще в детстве мой брат был намного спокойнее и уравновешеннее меня и даже в самых острых ситуациях редко терял над собой контроль. Когда-то мне казалось, что это скорее хорошо, чем плохо – особенное если учитывать мой собственный вспыльчивый характер, но

так было не всегда. Многое, если не все, переменилось в тот день, когда мой брат первым сбежал с крыльца, чтобы обнять совершенно незнакомую женщину, в которой я с трудом и не сразу признала собственную мать.

Чувствуя, что для дальнейшего разговора мне понадобятся все силы, я опустилась на жесткую деревянную скамью, которая, кажется, стояла еще в мастерской дяди Эммета.

– Кло была моей приемной дочерью, – сказала я негромко. Лекарства продолжали действовать, и поэтому я не поморщившись произнесла имя девочки, одно воспоминание о которой причиняло мне боль. Глядя на широкую спину брата, обтянутую застиранной футболкой с рекламой пива поперек лопаток, я рассеянно подумала, что ему давно пора подровнять отросшие волосы на затылке.

Его руки на мгновение замерли, но Томми все не оборачивался.

– Была?.. – уточнил он.

– Ее отец и я... мы развелись, – сказала я. – И мне не удалось добиться, чтобы Кло оставили со мной. Это было... практически невозможно. – Я постаралась отогнать от себя воспоминание о том, каким грустным и одновременно сердитым было лицо девочки в тот день, когда я уезжала. Мне самой расставание далось гораздо легче, потому что все мои чувства притупились, а мозг заволакивал плотный химический туман. В глубине души я надеялась, что дома, в Миссисипи, мне больше не нужно будет смотреть на это лицо и читать во взгляде глубокую обиду, но ошиблась: печальная мордашка Кло то и дело возникала перед моим мысленным взором, и тогда моя рука сама тянулась к таблеткам.

– Марк и я были женаты семь лет, – продолжала я свой грустный рассказ. – Мы поженились, когда Кло едва-едва исполнилось пять. Ее настоящая мать уехала в Австралию со своим новым мужем, родила нового ребенка, а о Кло забыла. Ближе меня у девочки никого не было, но... – Я снова сглотнула. – Когда мы развелись, Марк добился, чтобы мне запретили даже видеться с падчерицей. Я... я была вынуждена оставить ее с отцом.

Томми продолжал стоять, опустив голову. Со стороны могло показаться, будто он продолжает рассматривать грудку деталей на столе, но руки его оставались неподвижны: он не перебирал и не раскладывал по пакетикам пружинки и шестеренки – он слушал.

– А... сонограмма?

Когда я наконец ответила, собственный голос показался мне чужим. Должно быть, потому, что меня никогда об этом не спрашивали, и мне еще не приходилось рассказывать о том, что было больнее всего.

– Я была беременна, но у меня случился выкидыш. На двадцать восьмой неделе. Это была девочка... должна была быть девочка, но... Собственно говоря, отчасти из-за этого наш брак и распался. Я очень хотела своего ребенка, а Марк не хотел, и... Впрочем, то, что случилось, наверное, к лучшему.

Томми довольно долго молчал – только еще больше ссутулился, и я догадалась: он понимает, что означало для меня хотеть ребенка – а потом потерять еще до того, как он появился на свет. А еще он понимал, чего мне стоило оставить Кло, пусть она и не была мне родной. В конце концов, это я всегда говорила, что я буду другой и никогда не стану поступать так, как поступала моя собственная мать.

– Мне очень жаль, Вив, – проговорил Томми. Он наконец повернулся и окинул меня взглядом светло-синих глаза, доставшихся ему от отца, которого Томми никогда не видел. – И все-таки ты могла бы позвонить. Хоть разочек!

Я выпрямилась и расправила плечи, стараясь поскорее избавиться от острого обломка льда, который вонзился в мое многострадальное сердце.

– Ты тоже мог бы меня разыскать, если б захотел по-настоящему.

Он не опустил взгляд, как я рассчитывала, а еще мгновение спустя мы оба поняли, что каждый из нас сказал чистую правду... правду, которая была абсолютно бесполезной. Как говаривала Бутси, если бы упрямство было добродетелью, мы с Томми мигом оказались бы в раю.

– Скажи лучше, что с Кэрол-Линн? – Я так и не смогла заставить себя назвать нашу мать «мамой». – Она поправится?

Томми выпрямился и запустил обе руки себе в волосы.

– Господи, Вив, ты что, с луны свалилась? Болезнь Альцгеймера не лечится. Мама живет в своем маленьком мирке, который с каждым днем будет становиться все меньше и меньше. Боюсь, что очень скоро мы и вовсе перестанем ее узнавать... Большую часть времени маме кажется, что на дворе по-прежнему шестидесятые, поэтому она и одевается в свои старые платья. Или даже находит что-то среди вещей Бутси. А говорит она... в общем, никогда нельзя знать заранее, что она скажет в следующую минуту. Я не знаю, болезнь это виновата или просто возраст такой, но тормоза у нее абсолютно не работают.

Томми шагнул в сторону и, подобрав с пола кусок парусины светло-голубого цвета, аккуратно накрыл им стол вместе со всеми пакетиками, коробочками и детальками. Только теперь я заметила под столом и рядом с ним десятки стоявших друг на друге картонных коробок. Большинство из них потемнели от воды и готовы были развалиться. Похоже, дела у Томми обстояли хуже, чем я себе представляла. На мгновение мне даже захотелось хоть что-то почувствовать, но я справилась с собой. Сейчас это было ни к чему.

– Мне пора, – сказал Томми. – Вода понемногу спадает, и мне надо объехать поля – посмотреть, что там творится. Нам повезло, что мы еще не начали сеять, но... В общем, мне бы не хотелось откладывать эту работу, и я надеюсь, что вода уйдет быстро.

Мои мозги ворочались на удивление туго, словно и они были заполнены глинистой водой, затопившей поля.

– А как же Кэрол-Линн?.. Она в состоянии о себе позаботиться, или... То есть я хотела сказать: ее не опасно оставлять в доме одну?

Томми поправил парусину на столе и отступил на шаг назад. Его черты дрогнули, и я припомнила день, когда брат смотрел на меня с точно таким же выражением на лице. Тогда я запихнула в волосы жевательную резинку, чтобы посмотреть, приклеится она или нет, и Бутси пришлось подстричь меня почти наголо.

– Нет, – сказал он. – Не опасно. К тому же я нанял Кору Смит – внучку Матильды. Она присматривает за мамой и заодно делает кое-какую домашнюю работу. Мама зовет ее Матильдой, а Кора не возражает. В общем, все получилось более или менее удачно... – Томми бросил взгляд на часы. – Мама обычно спит до полудня. Кора приходит чуть раньше, чтобы подать ей завтрак и проследить, чтобы мама никуда не уехала в бабушкином «Кадиллаке».

Вслед за братом я спустилась по узкой лестнице на первый этаж хлопкового сарая. Беспокойство, вызванное, вероятно, накрепко привитыми нам обоим с детства представлениями о порядочности, все-таки пробилось сквозь мою «подушку безопасности», и я спросила:

– Неужели ничего нельзя сделать? Ведь существуют, наверное, какие-то терапевтические процедуры, упражнения, которые она могла бы выполнять. Чтобы сохранить память. Я где-то читала, что больным с Альцгеймером очень полезно разгадывать кроссворды...

Томми обернулся, чтобы взглянуть на меня, и я впервые обратила внимание на то, каким усталым и измотанным он выглядит. Кожа у него была совсем бледной, и из-за этого темные тени под глазами напоминали лиловые синяки.

– Ты когда-нибудь видела, чтобы мама решала кроссворды? – спросил он. – Я – нет, но если хочешь, можешь попробовать предложить ей что-то в этом роде. Большую часть времени она занята тем, что собирает чемоданы, словно для того, чтобы куда-то ехать, или разговаривает с Бутси.

– С Бутси?! – ахнула я, и Томми кивнул.

– Да. Мама пытается уговорить ее устроить в доме большую вечеринку. Я несколько раз пытался... пытался что-то ей объяснить, да так и отступился. Другое дело – Кора. Она умеет найти к маме правильный подход, да и терпения ей не занимать.

С этими словами он снял с крюка возле двери бейсболку и вышел наружу. Я бросилась следом, спеша догнать его и задать главный вопрос, прежде чем мои мысли успеют убежать слишком далеко.

– Но она же... она *знает*, кто мы такие, правда?

Томми кивнул.

– Да, знает. Вчера вечером мама узнала тебя, хотя ей и показалось, что ты все еще учишься в старшей школе и только что вернулась с занятий, на которые отправилась ранним утром. Она уверена, что ты отсутствовала всего несколько часов.

Я бросила взгляд в направлении кипариса и заметила, что мужчины собираются уходить, вероятно, для того, чтобы перекусить и вернуться, когда станет попрохладнее. Интересно, задумалась я, куда направится Трипп? Есть ли у него жена и приготовила ли она ему обед?... В первые годы своего неудачного брака я пыталась делать все, что полагается хорошей жене и хозяйке, и бросила, только когда Марк перестал приходить домой обедать, отправляясь из клиники в гольф-клуб, а Кло обвинила меня в том, что от моей еды она толстеет.

Снова сосредоточившись на лице Томми (что потребовало от меня некоторых усилий), я спросила:

– А еще что-нибудь она помнит? На ее месте... В общем, было бы неплохо, если бы она попросила у нас прощения...

Брат сунул руку в задний карман, достал связку ключей и принялся нетерпеливо подкидывать их на ладони.

– Это за что же?

– За то, что поломала нашу жизнь.

Томми сжал ключи в кулаке и посмотрел на меня в упор.

– Мне кажется, *это* она предоставила нам. – С этими словами он надел бейсболку и, повернувшись, быстро зашагал прочь по раскисшей подъездной дорожке. – Я вернусь к шести, – крикнул он через плечо. – В это время мы обычно ужинаем.

Совершенно машинально я двинулась за ним, но остановилась, уловив краешком глаза какое-то движение. Повернув голову, я увидела Кэрол-Линн, одетую в хорошо мне знакомые расклеванные джинсы, свободную блузку с цветочным орнаментом и воротом на шнурке. Ее распущенные волосы ложились на плечи густой тяжелой волной и были все того же светло-земляничного оттенка, какой я хорошо помнила по своим детским годам. Мне часто говорили, что я очень похожа на мать, но мне это не нравилось: я не хотела иметь с ней ничего общего и поэтому старалась делать все, чтобы мы *не были* похожи. Сейчас Кэрол-Линн было уже шестьдесят семь, но выглядела она не старше пятидесяти, и я подумала, что это, пожалуй, единственное, что мне хотелось бы получить от нее по наследству.

Насколько я могла видеть, Кэрол-Линн проникла за ограждение из желтой ленты и стояла босиком на самом краю ямы, которая со вчерашнего дня стала еще больше. Похоже, ее специально раскапывали в поисках еще каких-нибудь костей или предметов, способных пролить свет на то, кто был здесь похоронен и почему. Чуть поодаль я видела и лопаты, аккуратно уложенные на кусок брезента, точно хирургические инструменты перед операцией. Что касалось скелета, то теперь он был на виду уже целиком – включая дуги ребер, к которым прилипли грязные остатки одежды или погребального савана.

Дальше я рассматривать не стала и поскорее отвернулась – меньше всего мне хотелось увидеть еще какие-то детали, способные заставить мое воображение облечь старые кости плотью и превратить скелет в реального человека, который когда-то ходил по той же земле, что и я.

На ближайшей сосне закричали, ссорясь, вороны, но я даже не подняла головы, чтобы взглянуть, что они не поделили. Вместо этого я подошла к Кэрол-Линн и встала рядом, по-прежнему старательно отворачиваясь от костей, которые лежали теперь в считанных футах от меня. Я изо всех сил старалась припомнить все, что мне когда-то хотелось сказать матери о тех обидах и о горечи, которые она причинила мне своим отсутствием. Да, тогда я была еще ребенком, но... Есть вещи, которые невозможно забыть, как бы далеко от дома ты ни уехал. Сейчас мне представился шанс наконец-то высказать матери все, что столько времени жгло и мучило мою душу. Я даже задрожала в предвкушении: столько времени мне приходилось молчать, но теперь-то я скажу!.. Правда, Томми утверждал, что наша мать все забыла, но я ни секунды не сомневалась, что заставлю ее вспомнить. Одной лишь силы моих эмоций должно хватить, чтобы...

– Я думаю, она так и не уехала.

Голос матери застал меня врасплох.

– Что-что?

Изящным бледным пальцем она показала на обнаженные кости в яме.

– Она не могла вернуться, потому что никуда не уезжала.

Я собиралась спросить, что она имеет в виду, но ее плечи вдруг задрожали, а еще через секунду Кэрол-Линн разрыдалась, окончательно сбив меня с толка. Не зная, что предпринять, я растерянно взглянула на нее, а она вдруг шагнула вперед и положила голову мне на плечо, так что мне не оставалось ничего другого, кроме как обнять ее обеими руками. Впрочем, видеть ее слезы мне было неловко, поэтому я сразу отвела глаза и некоторое время рассматривала стайку ворон, круживших над бесконечными, плоскими полями. Потом я и вовсе зажмурилась и вдохнула запах жирной, сырой земли. Вороний грай затих в отдалении, мамины всхлипывания тоже понемногу стихали.

Как же давно меня здесь не было!..

Взяв мать за руку, я оттащила ее за желтую ленту, отвела в дом, усадила в гостиной на диван и оставила дожидаться Кору, предварительно включив телевизор, по которому как раз шла какая-то «мыльная опера». Сама я отступила в свою комнату и поскорее приняла еще одну «счастливую пилюлю».

Интересно было бы знать, хватит ли мне таблеток до тех пор, пока я разберусь, что мне делать дальше?

Глава 5

Кэрл-Линн Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. 5 августа, 1962

ДНЕВНИК

Сегодня мне исполнилось семнадцать лет, и мне подарили эту красивую тетрадь, чтобы вести дневник. Дядя Эммет подарил. По странному совпадению, как раз сегодня умерла Мэрилин Монро, которая много лет была моим кумиром. Настоящим кумиром! В моей комнате, в стенном шкафу, обе дверцы сплошь оклеены ее портретами – правда, только изнутри, чтобы Бутси не увидела и не заставила меня их выбросить. Она, видите ли, считает, что наклеивать на стенки выдранные из журналов картинки вульгарно! О том, что я все-таки наклеила фото Мэрилин, знает только Матильда, но она умеет держать язык за зубами.

Я давно решила, что сегодня я должна выкурить свою первую сигарету. В конце концов, мне уже семнадцать – пора начать вести себя как взрослая! Снаружи льет как из ведра, но я все равно открыла настежь все окна, потому что мне будет гораздо легче объяснить Бутси, почему полы и подоконники мокрые, чем придумывать, почему в комнате пахнет табачным дымом.

Бутси – это моя мама, но все зовут ее Бутси, включая меня. Так уж повелось. Когда я была совсем маленькая, она убежала из дома, оставив меня с папой, который сошел с ума на войне, и с папиными родителями, которым приходилось заботиться о нас обоих.

Папа был не настоящий сумасшедший. Просто на войне у него разыгрались нервы, поэтому его все время трясло. Кроме того, он не мог спать. Врач, который приходил к нему довольно часто, давал ему какие-то лекарства, но они почти не помогали. Большую часть времени папа лежал в постели и кричал, что у него в голове поселился сам дьявол! Однажды он затих, а когда мы пришли посмотреть, оказалось, что папа умер. Все говорили, что это было настоящее благо для всех, но я так не думала. Мне казалось, что его смерть была... как бы это сказать... ну расточительством, что ли? Например, как выбросить кусок алюминиевой пищевой фольги, который использовали только один раз.

На похоронах я не плакала, потому что не могла. Правда, я никогда не знала папу как следует, то есть – не знала по-настоящему. И я думаю, что это-то и было настоящим благом! Если уж тебе суждено потерять кого-то из родителей, лучше никогда не знать его как следует, потому что только в этом случае ты не будешь слишком о нем горевать.

К этому времени Бутси уже вернулась из своих странствий, и мы снова стали жить вместе в желтой усадьбе. Мне к этому времени уже исполнилось шесть, поэтому я так и не привыкла называть ее мамой. Иногда мне кажется – она бы предпочла, чтобы я называла ее Джеки, как Джеки Кеннеди. Бутси ее просто обожает. Думаю, она обклеила бы ее портретами все стены в доме, если бы не считала, что это вульгарно. Одевается Бутси точь-в-точь как Джеки – она даже завела себе такую же кошмарную шляпку-«таблетку» и постригла волосы «под каре» – снизу чуть подвито, сверху все очень пышно. Несколько раз она даже заговаривала о том, чтобы перекрасить свои рыжие волосы в черный цвет, но пока что не собралась. В общем, если честно, то выглядит она довольно неплохо. Во всяком случае, все вокруг постоянно твердят, что Бутси очень красива и что лицо у нее – точь-в-точь такое же, как у этих новых кукол Барби. Матильда тоже говорит, что в моей семье все женщины были очень красивыми и что им нужно только дать время «дозреть». Я не совсем уверена, что это значит, но мне все равно хочется «дозреть» как можно скорее. Несколько раз я заговаривала с Бутси, чтобы меня тоже постригли под каре, как Джеки, но она продолжает завязывать мне волосы в «конский хвост», как будто я еще маленькая.

По-моему, если я буду делать все так, как велит Бутси, я вообще никогда не вырасту!

Ну вот, сейчас попробую курить. Брижит Бардо (она тоже мой кумир) смотрится с сигаретой очень стильно. Я тоже хочу выглядеть как Брижит – словно я только и делаю, что провожу время в шикарных кафе в Риме или Париже... да где угодно, только не в нашем занюханном Индиэн Маунд!..

Ну ладно, придется ненадолго оставить дневник. Раз уж я решила курить, нельзя отлынивать.

Так я и знала!.. После первой же затяжки я закашлялась, и тут вошла Матильда. Ни слова не говоря, она принесла мне одну из пепельниц, которую Бутси использует, когда в дом приходят ее подруги по бридж-клубу, и сказала, чтобы я не сыпала пепел на мебель и на кровать. Потом Матильда ушла, словно застать меня с сигаретой было для нее в порядке вещей. Я знаю, что она на меня не наступит. Как я уже писала, наша черная служанка умеет хранить секреты.

Глава 6

Вивьен Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. Апрель, 2013

Я проснулась от запаха жарящихся на кухне цыплят, и на мгновение мне показалось, что какая-то сила перенесла меня назад во времени – что в кухне снова колдуют Бутси и Матильда, что дядя Эммет спозаранок уехал в поля, Томми в своей спальне разбирает на части очередной подобранный на свалке старый будильник, а наша мать скитается неведомо где. Но едва открыв глаза, я увидела флакончик таблеток на ночном столике, увидела недоразобранный чемодан у стены и почувствовала горькое разочарование от сознания того, что мне уже никогда не вернуться в те времена, когда мне было так хорошо и уютно.

Потом я разглядела на столике циферблат часов и поняла, что проспала почти всю вторую половину дня и что близится время ужина. Голод тоже давал о себе знать, и я отправилась в кухню, наскоро ополоснув лицо и руки холодной водой.

Но прежде чем спуститься вниз, я задержалась в коридоре второго этажа, разглядывая развешанные по стенам семейные фотографии. Расположены они были как попало, но меня это никогда не смущало, поскольку отсутствие хронологического порядка каким-то образом сочеталось с хаотичной архитектурой самого дома. Пожалуй, только написанные маслом фамильные портреты самых первых представителей рода Уокеров более или менее отражали ход времен, но они были настолько большими, что занимали почти все свободное пространство на стенах гостиной и столовой, и к моменту, когда был изобретен фотоаппарат, свободного места там уже не осталось. С тех пор семейные снимки помещали в деревянные или металлические рамки и развешивали в коридорах и на лестнице. Сколько я себя помнила, с пожелтевших черно-белых фото равнодушно взирали на меня многочисленные предки, чьих имен я никак не могла запомнить. Обои, насколько мне было известно, в коридорах не меняли с пятидесятих годов, и сейчас я подумала, что под каждым портретом должен был остаться невыцветший островок, способный дать хоть какое-то представление о том, как выглядел интерьер дома задолго до моего рождения.

Дольше всего я простояла перед одним из первых цветных снимков, который висел на почетном месте – над полукруглым приставным столиком в прихожей. Это была фотография из школьного выпускного альбома моей матери, сделанная в 1963 году. На ней мать выглядела совершенно нормально, несмотря на густо подведенные глаза и глуповатый пучок в стиле «французская ракушка». Во всяком случае, на школьном снимке она ничем не напоминала своевольного подростка, чьим девизом на многие годы станет «Врубись, настройся, заторчи!»⁴ и который в конце концов окажется в калифорнийской коммуне хиппи и родит двоих детей от двух разных мужчин, чьих имен она то ли не будет знать вовсе, то ли очень скоро выбросит из памяти.

Когда я училась в старших классах, я специально разыскала в домашней библиотеке мамин выпускной альбом, чтоб посмотреть на фотки. На первой же странице мне бросилась в глаза цитата: «Время уезжать все равно настанет, даже если ехать тебе некуда». Поразительно, но те же самые слова Теннесси Уильямса я сама использовала в качестве девиза для *своего* выпускного альбома (правда, Трипп, который входил в школьный выпускной комитет и отвечал за то, чтобы наши альбомы выглядели «пристойно», вычеркнул его вместе с еще одним изречением, которое я сейчас не помнила).

---

⁴ «Врубись, настройся, заторчи!» – эти слова, приписываемые Тимоти Лири, относятся к психоделическим переживаниям. Были очень популярны в молодежной среде в 1960-х гг.

Наконец я добралась до дверей столовой, но на пороге снова задержалась, разглядывая высокие, увенчанные карнизами стены и многостворчатые окна со стойками, который установил здесь один из предков – большой поклонник готического стиля. Моя мать, одетая в то же старомодное платье, которое я уже видела, но в потрепанных домашних тапочках вместо босоножек на каблуках, хлопотала у стола, расставляя на нем семейный фарфор, хрусталь и серебряные приборы – совсем как в те дни, когда Бутси, бывало, ждала гостей.

Меня мать не заметила, и я потихоньку шмыгнула в кухню, не желая участвовать в этом патетическом и жалком спектакле. Всю жизнь я только и делала, что уклонялась от участия в подобных театральных постановках, и не чувствовала себя в силах подыгрывать матери сейчас, когда моя собственная жизнь приняла столь драматический оборот.

В кухне я увидела стройную чернокожую женщину, чьи черные курчавые волосы были лишь чуть-чуть тронуты сединой, стоявшую у зеленой, как плод авокадо, плиты выпуска семидесятых годов. На женщине были отутюженные брюки цвета хаки, синий трикотажный топ и кухонный фартук. Кожа у нее была гладкой, почти без морщин, из-за чего ей нельзя было дать больше сорока, но я знала, что внучке Матильды сейчас должно быть хорошо за шестьдесят.

Увидев меня, женщина широко, приветливо улыбнулась.

– Добрый день, мисс. Вы, наверное, Вивьен? Я – Кора Смит. Извините, у меня все руки в муке, и я не могу поздороваться с вами как положено... – И она слегка развела локти в знак приветствия, поскольку ее руки действительно были погружены в блюдо со смесью муки и специй, которыми она посыпала сырые цыплячьи грудки.

– Рада познакомиться, Кора, – сказала я и сглотнула слюну при виде большого блюда, где уже лежали готовые цыплячьи грудки и окорочка, покрытые соблазнительной хрустящей корочкой. Вот уже много лет я не ела ничего жареного. Марку поначалу очень нравились блюда южной кухни в моем исполнении, но потом он набрал три лишних фунта, после чего с нашего домашнего стола было изгнано решительно все, что имело хоть какой-то вкус и запах. Мне он готовить запретил, наняв специального повара, который потчевал нас исключительно блюдами из сырых продуктов.

Правда, когда я знала, что мне это сойдет с рук, я нарушала правила. Я делала это исключительно ради Кло. Мне очень хотелось сделать ей хоть что-нибудь приятное, поскольку другого столь же несчастного ребенка я не встречала еще никогда в жизни. Несчастнее ее была только я – в те далекие дни моего детства, когда Кэрл-Линн объявляла о своем очередном отъезде невесть куда, невесть насколько. Должно быть, именно этим и объяснялось, что меня с такой силой тянуло к девочке. Сама я, во всяком случае, считала, что коль скоро в свое время я была такой же заброшенной и одинокой, сделать Кло счастливой мне удастся без особого труда.

Глупо это было, глупо и самонадеянно. Кажется, даже тогда я это понимала, но это не мешало мне продолжать попытки.

– Тут звонили из местных газет, мисс Вивьен, – сообщила Кора. – Корреспонденты хотят знать, что случилось у вас на заднем дворе. Я записала их номера в блокнот, который лежит на столике рядом с телефонным аппаратом, на случай, если вы захотите кому-то из них перезвонить, но предупредила, что разговаривать они должны только с вами или с мистером Томми... – Она ненадолго подняла голову от очередной порции цыплячьих грудок и посмотрела на меня. – Мистер Томми предупредил меня, что вы вернулись, но ему нужно было срочно уезжать, поэтому я не успела расспросить его про дерево и про полицейское ограждение. Если вы что-то знаете, расскажите мне, потому что я должна что-то отвечать вашей маме. Она все время смотрит в окно, видит эту желтую ленту и спрашивает меня, что там происходит, а я ничего не знаю.

Тут я припомнила, как вчера моя мать стояла на краю зияющей ямы в земле, и почувствовала, как у меня пересохло во рту. Заглянув в буфет, я довольно быстро нашла стаканы –

правда, не на той полке, где они всегда стояли, а на соседней, и, торопливо налив из-под крана воды, сделала несколько глотков. Только после этого я снова смогла говорить.

– Гроза повалила старый кипарис, – сказала я. – Вывернула вместе с корнями. Уж не знаю, молния это виновата или просто ветер был такой сильный... В яме под корнями оказался скелет, причем, судя по виду, довольно старый.

Кора на мгновение перестала натирать специями кусок курятины.

– Скелет, мисс? В смысле – человеческий?

Я кивнула.

– Коронер уже побывал на месте. Сейчас он собирается перевезти кости в другое место, где ими смогут заняться специалисты, но я думаю, что на это потребуется время. Сейчас полиция продолжает копаться в яме – они надеются найти там какие-нибудь вещи, которые помогут установить личность этой женщины.

– А разве полиция уже узнала, что это – женщина? – Руки Кору снова на несколько секунд замерли. Я удивленно взглянула на нее и только потом осознала, что я только что сказала. Интересно, что это мне взбрело в голову? *С чего* я взяла, будто кости в могиле под кипарисом принадлежат именно женщине?

– Нет. – Я покачала головой. – Полиция еще ничего не выяснила, просто... Утром, когда мы с Кэрл-Линн подходили к яме, она сказала странные слова... Мол, *она* не вернется, потому что никуда не уезжала, или что-то вроде того. Сейчас я их вспомнила, вот и все...

Кора чуть заметно улыбнулась с понимающим видом, потом снова вернулась к своему занятию.

– Мне очень жаль, что с вашей мамой случилось такое несчастье. Очень нелегко смотреть, как человек, которого ты знал всю жизнь, постепенно превращается в постороннего.

Я непроизвольно стиснула в руке стакан.

– Что ж, мне, наверное, легче, потому что для меня она всегда была посторонней. – Я осторожно поставила стакан на стол рядом с раковиной. – Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Окинув меня откровенно оценивающим взглядом, Кора кивком показала мне на холодильник.

– Я приготовила салат и домашнее пахтанье. Вон там на столе лежит несколько помидоров с моего огорода. Порежьте их в салат и заправьте, хорошо?

При этих словах в моей голове неожиданно ожили воспоминания – словно кто-то повернул невидимый выключатель, и, вооружившись ножом, я занялась хорошо знакомым мне делом – готовкой. Все необходимые движения я совершала словно на автопилоте, и это странным образом утешало и успокаивало. Наверное, точно так же я чувствовала бы себя, если бы через много лет нашла на чердаке свою любимую куклу и прижала к груди.

– Давно ты у нас работаешь? – спросила я, открывая ящик буфета, где должен был лежать специальный «помидорный» нож с лезвием-пилкой. Но нож я отыскала не сразу – похоже, за время моего отсутствия кто-то переставил и переложил все вещи в кухне на новые места.

– Да с тех самых пор, как скончалась мисс Бутси. Мистеру Томми был нужен человек, который помог бы ему с вашей мамой, а я как раз вышла на пенсию – последние тридцать лет я преподавала английский в старшей школе. Оба моих сына сейчас живут в Джексоне, внуков у меня пока нет, вот я и подумала – почему бы не поработать еще немного? Сидеть целыми днями в пустом доме – это не по мне, а так от меня будет хоть какая-то польза.

– Мы, вероятно, встречались раньше, но я тебя почему-то не помню, – сказала я и, придерживая коленом дверцу холодильника, потянулась за кувшином с пахтаньем и салатной миской.

Не оборачиваясь, Кора продолжала сноровисто обваливать куриные грудки в муке со специями.

– Мы действительно встречались, только это было давно. Ничего удивительного, что вы меня не узнали. Когда вы здесь жили, я занималась главным образом своими детьми, но иногда я приходила помогать моей бабушке Матильде. Она ушла на покой вскоре после того, как вы уехали. Тогда ей было девяносто с хвостиком, но она по-прежнему прыгала как молодая. Наверное, она бы проработала и дольше, но у нее начали быстро слабеть глаза. Она не различала даже пальцев на вытянутой руке, хотя очки у нее были толщиной с доньшки от кока-кольных бутылок. Однажды Матильда разбила старинную супницу, которая должна была стоять в самом центре стола, и хотя мисс Бутси сказала, мол, это просто случайность, мы решили, что бабушке действительно пора отдохнуть. – Кора вздохнула. – И моя бабушка, и ваша – они обе очень расстроились, что приходится расставаться. Они ведь были очень дружны, и им было нелегко друг без друга.

Кора стала укладывать цыплят в сковороду, раскаленный жир тут же принялся шкворчать и плеваться, и мы некоторое время молчали. Наконец она накрыла сковороду крышкой и сказала:

– Бабушка много о вас рассказывала. По ее словам, вы были очень милой девчушкой – всегда помогали ей вытирать пыль и чистить столовое серебро, когда у бабушки разыгрывался артрит. А еще ей очень нравились коротенькие рассказы, которые вы писали, а потом читали ей вслух. Бабушка говорила – у вас отлично получалось. Она всегда думала, что когда-нибудь вы станете настоящей писательницей. Или кинозвездой. Бабушка говорила – у вас есть «искра Божья», так она это называла.

Я старательно резала помидоры, и их сок стекал на оранжевый пластик рабочего стола. Коре я старалась не поворачиваться, чтобы она не увидела написанного на моем лице стыда и почти непреодолимого желания как можно скорее принять еще одну таблетку. Действие предыдущей пилюли, которую я приняла всего-то полчаса назад, уже ослабело настолько, что я чувствовала себя мишенью, в которую каждое слово Кору вонзалось как стрела. Судорога страха стиснула мое горло; больше всего я боялась, что сейчас она скажет – мол, я забыла, бросила Матильду, как и всех остальных. Бутси и старая служанка были одним из моих самых дорогих воспоминаний. В их присутствии я всегда чувствовала, что достойна любви, даже если родная мать меня оставила.

Слегка откашлявшись, я сказала:

– Ты так много готовишь... Мы что, кого-то ждем? Да и Кэрол-Линн накрывает стол как минимум человек на двенадцать.

Кора убавила огонь в плите и слегка приподняла брови.

– Ну, ваша мама действительно иногда так делает, даже когда за столом, кроме нее, мистера Томми и меня, никого не бывает. Думаю, это пошло от мисс Бутси – она ведь любила обедать в столовой, любила хорошую посуду и столовое серебро. Наверное, ваша мама думает, будто она снова молодая девушка и ваша бабушка попросила ее накрыть на стол.

Некоторое время Кора молчала, задумчиво хмурясь.

– Когда мисс Бутси умерла, для всех нас это была большая потеря, но вашей маме пришлось тяжелее всех. Потерять родную мать, наверное, хуже всего, и неважно, сколько тебе лет – пятнадцать или пятьдесят. Вместе с матерью ты всегда хоронишь свое детство.

Я хотела сказать ей, что она ошибается. К примеру, если бы я, вернувшись домой, узнала, что Кэрол-Линн умерла, я бы не особенно расстроилась. Так мне, во всяком случае, казалось, но я промолчала, сосредоточившись на салате. Я укладывала красные помидоры в бледно-зеленую миску, и только салатные щипцы у меня в руке отчего-то расплывались. Не рискуя лезть в глаза рукой, которой я только что резала овощи, я несколько раз моргнула – и с удивлением обнаружила, что мои глаза полны слез. Слава богу, Кора по-прежнему стояла ко мне спиной и ничего не видела.

Я как раз собиралась спросить, куда поставить готовый салат, когда дверной звонок несколько раз звякнул, и в тот же момент зазвонил городской телефон.

Кора мгновенно сунула руки под кран.

– Я возьму трубку, а вы откройте дверь, хорошо? – предложила она.

Я кивнула и направилась в парадную прихожую, постаравшись поскорее миновать столовую, где моя мать, стоя перед камином, пристально разглядывала тысячу раз виденную фотографию на каминной полке. В каждой руке у нее было по хрустальному бокалу, словно она собиралась поставить их на стол, да так и забыла, что собиралась сделать.

Она не обернулась, когда я прошла за ее спиной к массивной входной двери, которую кто-то из наших предков привез морем из Ирландии лет сто пятьдесят назад. Когда-то эта дверь охраняла вход в давно разрушенный замок какого-то аристократа, но в нашем доме она выглядела так же нелепо и неуместно, как многостворчатые окна в столовой или лучевое окошко из иризирующего стекла⁵ над входной дверью. Мне, однако, и раньше казалось, что подобные детали придают усадьбе крайне независимый вид. Одним своим обликом она на протяжении десятилетий как бы говорила окружающим: «Мне наплевать, что вы обо мне думаете!» Что же удивляться, что сходными чертами характера были наделены и большинство обитательниц экстравагантного дома?

Я отперла замок и отворила дверь. При этом дверные петли пронзительно скрипнули – похоже, парадным входом в последнее время пользовались редко.

– А дверь-то не мешало бы смазать, – сказал и Трипп после того, как поздоровался. Сейчас он был без галстука, в котором я видела его раньше. Руки Трипп засунул глубоко в карманы, отчего сразу напомнил мне мальчишку, с которым я росла, разве что теперь в его карманах вряд ли лежали лягушки и головастики, которых он обычно всюду таскал с собой.

При мысли об этом я невольно улыбнулась.

– Бутси держала банку с дверной смазкой под раковиной. Я обязательно туда загляну, но попозже, – сказала я, отступая в сторону, чтобы пропустить его в прихожую. – Ты по делу или просто так зашел, без повода?.. Вообще-то для официальных визитов уже довольно поздно, – добавила я, – но коль скоро ты решил воспользоваться парадным входом, у тебя, вероятно, возникли какие-то вопросы?

Все это я отбарабанила на одном дыхании (откуда что взялось?!), после чего вопросительно уставилась на него.

Трипп слегка откашлялся.

– Повод есть, – сказал он почти басом. – Твой брат позвонил и пригласил меня на ужин, но если позволишь, несколько вопросов я все-таки задам. Насколько я знаю, шериф уже допросил Томми, но когда он пришел сюда, чтобы поговорить с тобой, твоя мать сказала, что ты еще в школе. Шериф просил передать тебе, что он снова заглянет завтра около девяти часов. Ему очень нужно взять у тебя показания. Это, конечно, чистая формальность, и тем не менее... – Трипп побренчал в кармане мелочью. – А парадной дверью я воспользовался из-за тебя. Ты так долго жила в Калифорнии, что, наверное, уже забыла – в наших краях друзья и родственники обычно приходят без стука, через кухонную дверь.

Я непроизвольно сжала в пальцах дверную ручку.

– Как ты узнал, что я жила в Калифорнии?

– По штемпелю на открытке, которую ты прислала мне в самом начале. На той самой открытке, в которой ты просила передать Бутси, дяде Эммету и Томми, что ты благополучно добралась до места. Штемпель был лос-анджелесский...

– А-а... – протянула я, не без труда разжав руку. Я совершенно забыла о той открытке и вспомнила только теперь. Что там на ней было, какая картинка?.. Должно быть, пальмы или

---

⁵ Иризирующее стекло – декоративное стекло, изделия из которого в отраженном свете отливают радужными цветами.

океанский берег. Точно я не помнила – от тех времен в памяти осталось только чувство глубокого изумления: как это я так далеко забралась? Но сейчас я припомнила и еще кое-что... Лицо матери, каким оно было в тот день, когда я уезжала. На нем смешались разочарование, горечь и печаль, и это было очень... неожиданно. Во всяком случае – для меня.

– Значит, Томми пригласил тебя на ужин? – спросила я, чтобы что-нибудь сказать. – Одного?

Уголок его губ слегка подпрыгнул, словно Трипп изо всех сил сдерживал улыбку.

– У меня нет ни девушки, ни жены, которая ждала бы меня дома, – сказал он. – Ты ведь *это* хотела спросить?

– Нет, *не* это. – Я закрыла глаза и начала медленно погружаться в теплую, ватную пустоту, заполнившую мой разум. Не поднимая головы, я сделала шаг назад, в полутемную прихожую.

– Мне нужно еще немного помочь Коре. Ужин почти готов, так что если ты немного подождешь...

Но у дверей столовой я едва не столкнулась с матерью, которая двигалась мне навстречу, по-прежнему держа в руках хрустальные бокалы. Похоже, она нисколько не удивилась, увидев в прихожей меня и Триппа, словно в ее сознании мы оба лишь ненадолго вышли и тут же вернулись.

– У нас сегодня вечеринка? – только и спросила она.

Трипп заглянул в столовую, где сверкало на столе идеально начищенное серебро и высились крошечными заснеженными вигвамами накрахмаленные салфетки.

– Похоже на то, – заметил он с самым серьезным видом. – Вы позволите мне вам помочь?.. – Бережно взяв бокалы из рук Кэрол-Линн, Трипп прошел в столовую и поставил их на стол.

Моя мать посмотрела ему вслед, потом перевела взгляд на окно, где в сгущающихся синих сумерках еще виднелось упавшее дерево и желтая полицейская лента.

– Дерево упало, – сказала она.

– Да, мэм, – подтвердил Трипп как ни в чем не бывало. – Вчера вечером разыгралась настоящая буря, и в него ударила молния.

– Буря? – Кэрол-Линн наморщила лоб. – Не помню...

– Вы, вероятно, в это время уже спали. – Трипп сделал шаг и остановился прямо напротив нее. – И знаете, в яме под корнями мы нашли кое-что интересное, что пролежало там много, много лет. Вы ничего об этом не знаете?

Бутылочно-зеленые, как у меня, глаза Кэрол-Линн испуганно распахнулись.

– Мне нельзя туда ходить! – почти выкрикнула она.

Трипп наклонил голову и слегка прищурился.

– Кто же вам запрещает?..

Но внимание матери уже вернулось к накрытому столу.

– У нас сегодня вечеринка? – повторила она.

Я посмотрела на мать и почувствовала внутри неприятный холодок.

– Нет, – сказала я. – Просто семейный ужин.

– А ты посидишь с нами?..

Мое дыхание сделалось частым и таким неглубоким, что мне пришлось буквально заставить себя набрать в легкие побольше воздуха, иначе я могла бы просто задохнуться. Я не садилась с матерью за один стол с тех пор, как она окончательно вернулась домой. Завтракала, обедала и ужинала я в кухне, с Матильдой. Сначала Бутси и Томми уговаривали меня присоединиться к ним в столовой или гостиной, но потом отступились, и только мать никогда не просила меня поесть со всеми.

И только сейчас она почему-то об этом попросила.

Сглотнув вставший в горле комок, я с трудом произнесла:

– Да-да... Сегодня я посижу со всеми.

В одно мгновение лицо Кэрол-Линн осветилось улыбкой, которую я помнила по фотографиям в старом «магнитном» фотоальбоме⁶ Бутси, где было полным-полно цветных «полароидов». Сейчас эти снимки, наверное, уже выпцвели, как увяли и изображенные на них женщины.

Развернувшись, я решительно двинулась в направлении кухни – и едва не столкнулась с Корой, которая протягивала мне старый кнопочный телефон на длинном спиральном шнуре, растянутом почти до предела. Зажимая ладонью микрофон, Кора проговорила громким шепотом:

– Она звонит уже во второй раз, мисс Вивьен. В первый раз я просто повесила трубку, потому что подумала, что кто-то хулиганит. Сейчас она перезвонила снова и... Знаете, мне показалось – ей действительно очень нужно поговорить с вами, поэтому я сказала, что посмотрю, дома ли вы. Она...

– Да кто это – «она»? О ком ты говоришь?! – воскликнула я. На свете было не так уж много людей, которым я была бы по-настоящему нужна. Если исключить Томми и тех, кто находился сейчас рядом со мной, во всем мире сыскался бы, наверное, только один такой человек, и это была...

– Она сказала – ее зовут Хлоя Макдермот.

Еще несколько мгновений я тупо пялилась на телефон в руке Кору. В кои-то веки мне хотелось, чтобы ко мне вернулась способность мыслить ясно и четко. Потом я встретилась взглядом с Триппом, и испытующее выражение его глаз заставило меня на несколько минут снова стать отважной восемнадцатилетней девчонкой, которую он когда-то знал. Выхватив телефон из руки Кору, я поднесла его к уху.

– Алло?..

Кора тем временем бережно взяла мою мать под локоть и повела в столовую.

– Ты что, специально не отвечаешь на звонки по мобиле? Зачем тогда она тебе нужна?

Это была она, Кло. Не узнать ее было невозможно, и я крепче прижала трубку к уху, жалея, что не могу так же прижать саму девочку. Прошло несколько секунд, пока я пыталась вспомнить, что же случилось с моей «мобилей». Наконец я сказала:

– Извини. У меня аккумулятор сдох. Это было еще в Оклахоме, поэтому я убрала телефон подальше да и забыла. – Прикусив губу, я немного подумала и добавила: – Кроме того, у меня не было никаких особых причин держать мобильник заряженным.

Телефонная линия донесла до меня тяжелый вздох, в котором я без труда уловила нотки характерного подросткового страха.

– Ты сама сказала, чтобы я звонила, если ты мне понадобишься. Разве это не причина, чтобы зарядить чертову мобилу?

Я прикрыла глаза, пытаюсь припомнить все, о чем я обещала себе подумать когда-нибудь потом, когда у меня будет время. А также то, о чем мне вовсе не хотелось думать.

– Я полгода снимала квартиру в Лос-Анджелесе, все ждала, что ты позвонишь. Но ты не позвонила, и я... – Что-то мягкое коснулось моей руки. Я повернула голову и увидела, что Трипп протягивает мне полотняный носовой платок. Сначала я не поняла, зачем, но потом до меня дошло. Оказывается, по моему лицу рекой текли слезы, а я этого даже не заметила.

– Так что случилось, Кло? Ты сказала – я тебе нужна...

– Да, нужна. Мне пришлось влезть в отцовский компьютер, чтобы найти твой адрес в этой гребаной Свиной Заднице в Миссисипи – или где ты там живешь...

---

⁶ «Магнитный» фотоальбом – фотоальбом со страницами из плотной бумаги или тонкого картона, на которые нанесено клейкое покрытие. Сверху страница закрыта прозрачной пленкой, которая зафиксирована на внешнем ребре страницы. Фотографии в таком альбоме держатся за счет того, что пленка прилипает (как бы примагничивается) к странице. При этом снимки не повреждаются, так как их тыльная сторона не приклеивается к странице.

Я была так рада слышать ее голос, что у меня язык не повернулся упрекнуть девочку в том, что она ругается как сапожник... или как подросток, каковым она, собственно, и являлась.

– Город называется Индиэн Маунд, Кло. Индейский Курган, а вовсе не Свиная За...

– Да какая разница! Главное, что даже в этой чертовой дыре мне будет лучше, чем дома.

Я привалилась к стене, боясь, что колени меня подведут и я шлепнусь на пол прямо посреди коридора.

– Что случилось? – снова спросила я.

Последовал еще один, куда более протяжный вздох, на сей раз – с явным оттенком театральщины.

– Отец снова женился – на какой-то манекенщице или стриптизерше, я не разобрала. Сейчас у них медовый месяц, и они отправились в какой-то отстойный круиз по Южной Америке, что ли, а для меня отец нанял гувернантку, которая вообще не говорит по-английски, представляешь? В общем, на данный момент даже твоя Индейская Задница в Миссисипи – лучший для меня вариант.

Новость о том, что Марк снова женился, не произвела на меня особенного впечатления, однако ощущения двенадцатилетней девочки, которую в очередной раз предал единственный самый близкий родственник, были мне знакомы слишком хорошо.

– Я очень тебе сочувствую, милая, – проговорила я. – Ты только держись, ладно?

На линии возникла пауза, и в наступившей тишине я отчетливо расслышала сначала невнятный гомон многолюдной толпы, а затем – какое-то объявление, раздавшееся по системе громкой связи, какая бывает установлена в аэропортах или на вокзалах. В чем суть объявления, я впопыхах не разобрала, но слово «Атланта» в нем прозвучало, тут ошибки быть не могло.

– Кстати, откуда ты звонишь? – спросила я, стараясь справиться с нарастающей тревогой.

– Из аэропорта. Я взломала отцовскую учетную запись в «Экспедии»⁷ и узнала, где находится ближайший к тебе аэропорт, а потом купила билет, воспользовавшись его кредиткой. – В голосе девочки явно звучала гордость, и я не могла не признать, что все это было проделано довольно ловко. Сейчас, однако, меня беспокоило кое-что другое.

– Послушай, Кло, ты должна как можно скорее вернуться домой! Я... я была бы очень рада, если бы ты приехала ко мне в гости, но ведь ты сама знаешь: твоему папе это очень не понравится. Кроме того, ты отправилась в дорогу без его разрешения, а это еще хуже. Обещаю, что позвоню ему и все объясню, но на это потребуются время, а пока... Тебя просто не пустят на борт, ведь ты пока несовершеннолетняя, а несовершеннолетним нельзя путешествовать без сопровождения взрослых.

– Черта с два меня не пустят! – услышала я в трубке. – Уже пустили. Ты думаешь, я звоню тебе из Лос-Анджелеса?.. Вот и нет! Я в аэропорту Джексона, если это тебе что-нибудь говорит.

– Но... как ты туда попала? И как ты попала в самолет?! – Я действительно не ожидала, что Кло сможет пересечь всю страну и не привлечь к себе внимания бортпроводников и наземных служб.

– Да очень просто. Чтобы выглядеть старше, я надела туфли на высоком каблуке и позаимствовала косметику у этой дуры, на которой женился отец, а в качестве удостоверения личности предъявила загранпаспорт.

Я слотнула.

– Значит... значит, ты уже у нас, в Миссисипи?

– Я же только что сказала – я в аэропорту Джексона. Здесь довольно отстойно, поэтому я тебе и звоню. Приезжай за мной поскорее, да позвони Имельде – это моя гувернантка. Она

---

⁷ «Экспедия» – онлайн-компания, которая обслуживает путешественников и обеспечивает продажу и бронирование авиабилетов, номеров в отелях, аренду автомобилей и многое другое.

просто крезанется, когда поймет, что я пропала. А отцу можешь не звонить, потому что он все равно не возьмет трубку. Он с самого начала сказал, мол, он не хочет, чтобы его беспокоили во время его медового месяца.

– Ну хорошо... – проговорила я, стараясь, чтобы мой голос дрожал не слишком заметно. – Джексон – это довольно далеко. Я приеду за тобой, но не раньше чем через два часа, понятно? А пока меня нет, ты должна подойти к пункту выдачи багажа и ждать там. Никуда не отходи и ни с кем не разговаривай, поняла? Тебе еще только двенадцать лет, Кло, и тебе нельзя находиться в аэропорту одной!

– Не кричи на меня! Пойди лучше прими одну из тех таблеток, которую тебе отец прописал.

Я бросила быстрый взгляд на Триппа, гадая, как много он слышал, но его лицо оставалось непроницаемым.

– Жди меня у выдачи багажа. Я буду через два часа, – повторила я как можно тверже. – Я куда-то задела автомобильную зарядку от мобильного, но я возьму телефон у кого-нибудь напрокат. Как только я доберусь до аэропорта – я тебе сразу позвоню. Или лучше сделаем так: я пришлю тебе мой контактный номер по СМС, чтобы он был у тебя на случай, если я тебе срочно понадоблюсь.

– Пожалуйста, приезжай скорее! – воскликнула Кло с интонациями ребенка, которому одиноко и страшно. Впрочем, она и была ребенком. Пусть Кло и выглядела на шестнадцать, на самом деле она оставалась маленькой девочкой, которая отчаянно нуждалась в заботе, внимании и любви.

На этом разговор закончился. Не прощаясь, Кло дала отбой, а я еще некоторое время молчала, не в силах собраться с мыслями. Наконец Трипп отобрал у меня телефон.

– Проблемы? – коротко спросил он.

– Мне нужно срочно ехать в Джексон, в аэропорт, – выдавила я, с трудом приходя в себя. – Моя падчерица... то есть моя бывшая падчерица сбежала из дома, и я должна ее забрать, пока с ней не случилось какой-нибудь беды.

– Так заведи ее, и дело с концом!

– Дело в том, что... По условиям развода, мне нельзя с ней видеться. На суде Марк заявил, что я была ей... безответственной матерью. – Видимо, последняя таблетка еще действовала, поскольку я сумела произнести последние два слова и не поперхнуться.

Трипп внимательно взглянул на меня.

– Ты говоришь – она сбежала из дома. Почему же она приехала к тебе, если ты была ей плохой матерью?

Я пожалала плечами, радуясь, что все еще могу контролировать себя. Вот только долго ли это продлится?

– Наверное, потому, что кроме меня у нее никого больше нет.

Трипп продолжал рассматривать меня, и я внутренне напряглась.

– Иными словами, ей больше некуда бежать. Как и тебе. – Он произнес эти слова с усмешкой, но без злобы. – Да вы просто идеальная пара!

Оттолкнувшись от стены, я сделала шаг к лестнице.

– Извини, мне нужно торопиться.

– Я сам тебя отвезу. В таком состоянии тебе нельзя садиться за руль. Тем более что на обратном пути тебе придется везти ребенка.

Когда он назвал Кло ребенком, я чуть не рассмеялась. Я-то хорошо ее знала, но Трипп... Видел бы он этого ребеночка!.. Вместе с тем я не могла не признать, что Трипп прав. Мне очень повезло, что я добралась до Миссисипи без происшествий. Да, я поступила самонадеянно и глупо, отправившись через всю страну под действием замедляющих реакцию таблеток (и это

было не единственное их побочное действие), но такой уж я стала: глупой, безответственной и... несчастной.

– Что ж, спасибо. – Я всмотрелась в его лицо. – Хотела бы я только знать, отчего ты так со мной любезен?

Трипп не отвечал так долго, что я успела пожалеть о своем вопросе. Я совсем забыла: задавать вопросы Триппу Монтгомери было все равно что ходить по минному полю.

– Наверное, оттого, – промолвил он наконец, – что я не вижу очереди из желающих тебя подвезти.

Возразить на это мне было нечего, и я отправилась в кухню, чтобы предупредить Кло о нашем отъезде. На улицу я вышла через заднюю дверь. Ветви на упавшем дереве слегка раскачивались под ветром, словно оно все еще было живым, но черные силуэты ворон на них неожиданно показались мне зловещими. Пока кипарис стоял, птицы регулярно садились на его ветки, но сейчас они напоминали падальщиков на трупе. Яму у вывороченных корней кто-то прикрыл брезентом, но желтая полицейская лента была по-прежнему на месте.

Низкое закатное солнце заливало теплым оранжевым светом поля, болота и задний двор, играло на стенах желтой усадьбы и на ветвях упавшего дерева. За каких-нибудь двадцать четыре часа моя жизнь круто переменялась, а владевшие мною безнадежность и растерянность сменились ощущением, будто я, словно отцепившийся вагон, стремительно несусь с горы вниз, навстречу мощной кирпичной стене.

– Эта желтая лента еще долго будет здесь висеть? – спросила я Триппа, думая о Кло, которая, подобно всем подросткам, испытывала нездоровую тягу ко всему связанному со смертью и гниением.

– До тех пор, пока мы не убедимся, что в земле больше не осталось ничего важного, – ответил он.

Прохладный вечерний ветер подхватил мои волосы, остудил покрытую липкой испариной шею.

– А вам уже удалось что-нибудь выяснить?

– Пока со всей определенностью могу сказать только одно: эти кости принадлежат женщине, к тому же они пролежали в земле довольно много времени.

– Как ты узнал? По-моему, они не выглядят достаточно... старыми.

– Вокруг скелета много мощных корней. Такие за год не вырастут. И за пять лет – тоже.

Я кивнула, не в силах отвести взгляд от ямы, где останки неизвестной женщины много лет дожидались вчерашней грозы, которая повалила дерево и наконец-то явила их миру. Мне было жаль ее, эту женщину, к которой я испытывала что-то вроде родственного чувства. Как и она, я хорошо знала, каково это – быть похороненной в безымянной и безвестной могиле, среди оплетающих твои члены корней.

Только я была похоронена заживо.

Мгновение спустя мне почудился хорошо знакомый с детства звук, и я слегка наклонила голову, прислушиваясь. Над болотами разносилась то ли песня, то ли жалоба, то ли горестное стенание. Бутси говорила, что кипарисы на болоте поют, когда под ветром один сук трется о другой. А Матильда утверждала, что так звучат голоса одиноких душ, навеки заключенных в дуплистых кипарисовых стволах. Мол, на небо им не попасть, вот они и жалуется. Как бы там ни было, мне всегда казалось, что это – настоящая музыка, которую исполняли сказочные струнные инструменты, вот только мелодия, которую они выводили, была порой слишком одинокой и тоскливой. Для меня песня кипарисов всегда ассоциировалась с домом, и, услышав ее сейчас, я вдруг почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Не говоря ни слова, Трипп взял меня под локоть и повел к своей машине, а кипарисы все стонали, жалуясь на судьбу голому саду и упавшему дереву на могиле неизвестной женщины.

Глава 7

Аделаида Уокер Боден. Индиэн Маунд, Миссисипи. Апрель, 1922

– Простая... Хромая... Кочерга кривая... – нараспев приговаривала Сара Бет, ловко прыгая на одной ножке по разложенным на полу парадной гостиной выстиранным и отутюженным отцовским носовым платкам, заменявших нам начерченные на мостовой «классики». Платки Сара вытащила из ящика комода. Ее идея мне сразу не понравилась, но подруга сказала, что это ничего – никто не узнает.

Матильда сидела на полу в уголке и, обняв руками колени, молча наблюдала за нами, должно быть, гадая, с чего это двум взрослым девушкам вздумалось поиграть в «классики». Впрочем, я видела, как шевелятся ее губы, когда Сара Бет и я распевали знакомую с детства считалку.

Еще вчера тетя Луиза собиралась вынести из дома ковры и как следует выбить, но из-за начавшегося дождя добралась только до заднего крыльца. Дядя Джо, глубокомысленно поглядывая в окно на затянувшие небо облака, пустился рассуждать о том, удастся ли в этом году вырастить приличный урожай и выдержат ли дамбы. Эти разговоры он заводил каждый раз, когда начинались весенние дожди – просто противно было слушать! Лично меня уже тошнило от его бесконечных разглагольствований на тему погоды, поэтому я при первой же возможности сбежала к Саре.

Увы, у Хитменов было ненамного веселей. Ненастная погода вынуждала нас сидеть дома. От скуки мы и принялись играть в детские игры вроде «классиков» и бабок, а ведь приходилось еще соблюдать тишину, поскольку миссис Хитмен слегла с очередным приступом мигрени и сейчас отдыхала в постели в своей спальне наверху.

Я бросила биток – большую пуговицу, которую мы отыскали в Бертиной корзине для рукоделия, и промахнулась, не попав в намеченный квадрат – то есть носовой платок.

– Пропускаешь, пропускаешь! – злорадно воскликнула Сара Бет. – Теперь я.

Это было одно из правил игры, которые, как я подозревала, моя подруга сочиняла на ходу, но спорить я не стала. Сара Бет не любила и не умела проигрывать, поэтому играть с ней было мукой мученической. Волей-неволей приходилось идти на уступки, к тому же сегодня мне было абсолютно все равно, кто победит. Больше всего мне хотелось, чтобы дурацкий дождь поскорее закончился и можно было выйти на улицу.

Кивнув в знак согласия, я отступила в сторону, чтобы не мешать Саре прыгать по отцовским платкам, и тут мне на глаза снова попала Матильда. Ага... Я повернулась к девочке (главным образом для того, чтобы дать подруге возможность сжульничать и, таким образом, поскорее покончить с игрой, которая мне порядком надоела), но Матильда отпрянула за спинку дивана, словно пытаюсь от меня спрятаться.

– Эй, ты в школу ходишь? – спросила я, но Матильда только сверкнула большими карими глазами и ничего не ответила. Может, она немая?... Мне приходилось слышать о людях, которые не умели говорить, но их обычно отправляли в приют в Джексоне, так что сталкиваться с настоящими немыми мне пока не приходилось.

– Сколько тебе лет? – снова спросила я. Я знала, что ей одиннадцать, но мне хотелось проверить, сумею ли я ее разговорить.

Потом я вспомнила, что Берта приехала вместе с миссис Хитмен из Нового Орлеана. Что, если ее дочь говорит только по-французски?

– Ты умеешь говорить по-английски? – произнесла я громко и очень отчетливо.

– Оставь ее в покое, все равно она ничего не скажет. – Сара Бет сделала последний прыжок в «дом» и, поправляя растрепавшиеся волосы, шагнула ко мне. – Нам, во всяком слу-

чае... Со своей матерью-то она разговаривает нормально, я сама сколько раз слышала. Но нам Матильда никогда ничего не говорит – я так и не смогла вытянуть из нее ни словечка, как ни старалась. Мама говорит, наверно, она в детстве упала с лавки и ударилась головой, потому-то она такая странная.

Я слегка нахмурилась.

– Не говори так, это... нехорошо. Она, может, и не говорит, но ведь слышит же!

Сара Бет только отмахнулась, потом швырнула пуговицу-биток куда-то в угол и нарочито зевнула.

– Ну и скучища!.. – протянула она. – Чем бы таким заняться? А, придумала! Пойдем послушаем папин приемник.

Словно в подтверждение моих слов о том, что Матильда вовсе не глухая, чернокожая девочка уставилась на Сару Бет с очевидным ужасом. Как и я, впрочем. Мистер Хитмен заплатил за новенький радиоприемник целых шестьдесят пять долларов – огромную сумму, и Саре было строго-настрого запрещено к нему прикасаться. Приемник хранился в его кабинете – в том самом, где мы заглядывали в семейную Библию Хитменов. Лично я всегда старалась, чтобы меня даже не видели поблизости от радиоприемника, не говоря уже о том, чтобы его включать. Пусть мне лучше выдерут на голове все волосы, но я к нему и пальцем не прикоснусь!

Как раз в этот момент в прихожей раздались шаги, и Матильда, подскочив, словно ошпаренная кошка, бросилась собирать носовые платки. Схватив их в охапку, она прижала платки к груди и юркнула за спинку дивана за мгновение до того, как отворилась дверь и в комнату заглянула Берта.

– Уж вы, девочки, ведите себя потише. Мисс Хитмен что-то нездоровится.

Мы с Сарой дружно кивнули и состроили постные лица, но Берта все равно оглядела нас с очень большим подозрением. Поджав губы, она качнула головой и снова исчезла.

Матильда, стоя на коленях за диваном, несколько раз встряхнула один из платков и аккуратно сложила его по складкам. Опустившись на пол рядом с ней, я взяла из кучи другой платок и попыталась проделать то же самое.

– Спасибо, Матильда. Ты только что спасла Сару Бет от порки, – сказала я совершенно искренне. – И меня тоже... – Я мрачно посмотрела на подругу, которая плюхнулась на диван и принялась обмахиваться номером «Домашнего журнала для леди».

– Тут жарче, чем в чертовой преисподней! – заявила Сара Бет. Недавно она решила, что брань делает ее старше, и с тех пор не упускала случая вставить в речь «взрослое» словечко. – Я просто задохнусь, если останусь здесь еще хотя бы на минуточку.

На секунду подняв взгляд, я увидела, что Матильда внимательно за мной наблюдает. Впрочем, девочка тут же отвернулась, сделав вид, будто очень занята складыванием платков.

Сара Бет снова вздохнула.

– Папа велел, чтобы я сходила в ювелирную лавку Пикока и отнесла в починку его часы, но в такой дождь я ни за что не выйду из дома. Позвони-ка Уилли, может быть, он нас подвезет?

Я так и не узнала, когда именно Сара Бет успела втрескаться в моего кузена Уилли, который был на пару лет старше меня. О своих чувствах она мне тоже не рассказывала, но я давно заметила: с тех пор, как Уилли исполнилось шестнадцать и дядя Джо разрешил ему ездить на своем стареньком «Форде», Сара Бет стала пользоваться любым предлогом, чтобы включить его (и машину) в нашу программу развлечений во все дни, когда нам не нужно было идти в школу.

Я сложила последний платок и посмотрела на часы на каминной полке.

– Позвоню, если хочешь, – сказала я. – Уилли, наверно, уже дома: он и дядя Джо ездили к мистеру Элкинсу, чтобы нанять часть его полевых работников на время посева. Ну что, звонить?..

Не удостоив меня ответом, Сара Бет продолжала обмахиваться журналом.

Слегка пожав плечами, я взялась за телефон. Когда Уилли взял трубку и узнал, в чем дело, в его голосе послышались нотки самого настоящего восторга, и это вызвало у меня острый приступ раздражения. На мой взгляд, кузен Уилли был достаточно хорош собой, к тому же он постоянно (и достаточно удачно) шутил, но для меня он был скорее как брат, поэтому я не понимала, что такого Сара Бет в нем нашла. С другой стороны, если для того, чтобы увезти подружку подальше от отцовского радиоприемника, нужен был Уилли, я готова была терпеть его присутствие достаточно долго.

Уилли обещал, что заедет за нами минут через двадцать, и я повесила трубку. Сара Бет все так же сидела на диване и разглядывала Матильду, которая снова переместилась в угол и стояла там, держа сложенные платки в руках.

– Ступай наверх, – сказала Сара Бет в точности таким же голосом, какой бывал у миссис Хитмен, когда та обращалась к черным слугам, – и положи эти чертовы платки в комод, пока отец ничего не заметил. Только смотри, чтобы мама тебя не застукала, иначе тебе влетит.

Матильда молча вышла, напоследок покосившись в мою сторону. Я не была уверена, но мне показалось, что девочка улыбнулась, прежде чем исчезнуть.

Приезда Уилли мы дожидались на веранде с колоннами, где стояли чугунные скамьи, которые миссис Хитмен выписала из самой Франции. Лично мне куда больше нравились деревянные кресла-качалки, которые стояли на нашей веранде, поскольку сидеть в них было гораздо удобнее и приятнее, чем на этих железных чудовищах, но мама Сары Бет всегда была поклонницей того, что она называла «стилем». Что это за стиль такой, от которого тебе и холодно, и жестко, я не знала, однако жаловаться подружке мне не хотелось. Сара Бет восприняла бы мои слова как личное оскорбление и, конечно, не удержалась бы, чтобы не повторить то, что ее матушка говорила по поводу *моего* дома. А я сама слышала, как миссис Хитмен утверждала, что ни одному нормальному человеку и в голову не пришло бы громоздить готическую башенку на крыше дома с колоннами в греческом стиле и что устанавливать вместо обычной парадной двери «крепостные ворота» – безвкусно и вульгарно.

Стараясь скоротать время до появления моего кузена, я спросила у подружки:

– А что тебе сказала мама?

– По поводу чего? – Сара Бет сделала вид, будто действительно не понимает. В этом она была вся: если ей не хотелось о чем-то говорить, она готова была до последнего притворяться, будто не понимает, о чем идет речь.

– По поводу могил, которые мы видели на кладбище, – пояснила я. – И еще – почему тебя не вписали в семейную Библию.

С тех пор, как мы побывали на кладбище, прошло почти два года, но каждый раз, когда я задавала Саре эти вопросы – не чаще двух раз в месяц, ей-богу! – она начинала нести всякую чушь, дескать, она выжидает удобного момента, чтобы расспросить мать как следует. Я давно подозревала, что Сара Бет просто боялась услышать, что ей ответит мать, но не оставляла своих попыток – главным образом потому, что мне было очень трудно, почти невозможно вообразить, что может настолько пугать мою подружку, которая вообще не боялась никого и ничего. Кроме того, я очень не любила, когда Саре Бет было известно что-то такое, чего не знала я, потому что тогда она начинала ужасно задаваться. А мне это, сами понимаете, было не слишком приятно.

– Я... я еще не спрашивала. Сейчас не самое подходящее время, – был ответ, и я тихонько вздохнула. Эти слова я слышала уже много раз. – Кроме того, мама рассердится, если узнает, что я трогала семейную Библию, – добавила Сара Бет. – Возможно, она даже захочет меня наказать, и тогда мне просто *придется* рассказать, что я была не одна, а с тобой. Тогда ма непременно расскажет все твоей тете Луизе, и тебя тоже накажут. В общем, я не хочу лиш- ний раз злить родителей. Папа и без того постоянно грозитя, мол, еще одна выходка с моей

стороны, и он отправит меня в Северную Каролину – в какую-то «школу мисс Портмен для юных леди».

Я молча уставилась на Сару Бет, пытаюсь представить, почему она не вспомнила про «школу мисс Портмен», когда собиралась включить отцовский радиоприемник. Возражать я не собиралась – Сара Бет выходила из себя каждый раз, когда я указывала ей на многочисленные противоречия в ее словах и заявлениях.

К тому времени, когда Уилли подкатил к крыльцу на отцовском «фордике», дождь почти прекратился, однако, едва выйдя из машины, он все равно раскрыл зонтик, чтобы помочь Саре Бет пересечь несколько футов дорожки и усесться на переднее сиденье. Мне, как всегда, досталось место сзади.

Улицы в городе – даже в центре – были мокрыми и грязными после дождя, и Уилли вел машину очень осторожно, старательно объезжая самые глубокие ухабы. Это, впрочем, делалось исключительно ради Сары, поскольку, когда кузен вез одну меня, он гнал во всю мочь, и мне приходилось крепко стискивать зубы, чтобы не прикусить язык. Впрочем, несмотря на сравнительно медленную езду, дорога до ювелирной мастерской не заняла много времени, и вскоре Уилли уже остановил машину напротив вывески «Дж. Пикок. Ювелирные изделия и часы».

Семья Пикок владела в нашем городе единственным универсальным магазином еще в те времена, когда сам Индиэн Маунд был размером с носовой платок. Город быстро рос, торговля процветала. Когда окрестные фермеры стали сами открывать небольшие лавчонки, где продавались продукты и самый необходимый инвентарь, Пикоки довольно быстро переключились на продажу предметов роскоши. Как объясняла мне тетя Луиза, у этой семьи была самая настоящая предпринимательская жилка. «Нюх на деньги», – добавлял дядя Джо, и это было проще и доходчивее. Я так и видела, как Пикоки рыщут по окрестностям Индиэн Маунд, с сопением втягивая воздух сморщенными носами.

Когда машина остановилась, Уилли помог нам обоим выйти, а потом придержал входную дверь ювелирной лавки. До сих пор я была внутри только один раз – вскоре после того, как моя мама шагнула с моста, навсегда исчезнув из моей жизни. Тетя Луиза взяла меня с собой, когда решила продать кое-что из маминых драгоценностей. Сначала, правда, она велела мне выбрать несколько вещиц, которые мне хотелось бы сохранить; что касалось остального, то тетя объяснила – она вынуждена продать золото, чтобы заплатить налог на ферму. Но я не стала ничего оставлять. Мне не хотелось, чтобы серьги или кольцо напоминали мне о матери, которая даже не вспомнила о своей единственной дочери, когда прыгала с моста.

Когда мы вошли, мистер Пикок вышел из-за своего стола, на котором стояла лампа в черепашковом абажуре, и сделал несколько шагов нам навстречу.

– Мистер Боден... – сказал он, и Уилли, сняв шляпу, с готовностью пожал протянутую руку.

– Мисс Боден, мисс Хитмен... – продолжал мистер Пикок, приветливо кивая нам с Сарой. У него были блестящие светлые волосы, расчесанные на косой пробор и уложенные фиксатуаром, но отдельные завитки все равно слегка топорщились, как молодая поросль на огороде.

– Вы один, мистер Боден? – спросил мистер Пикок, глядя поверх наших голов на дверь, словно ожидал кого-нибудь еще. – Ваш отец не с вами? Очень жаль, я как раз собирался пригласить его на Монро-стрит. Открываю, знаете ли, новую поилку для свиней. Мне казалось, вашего отца это могло бы заинтересовать.

И он подмигнул Уилли, который слегка поежился, словно ему жал его накрахмаленный воротничок.

– Нет, сэр, мой отец вернулся на ферму, но я обязательно передам ему ваши слова. Думаю, он действительно заинтересуется, хотя, как вам известно, он баптист и строго придерживается канонов веры.

– Обязательно передайте, – сказал мистер Пикок и еще раз подмигнул.

Мне тоже хотелось посмотреть новую поилку для свиней, а еще больше – самих свинок (наш город хотя и располагался в сельскохозяйственном районе, свиней мы видели редко, поскольку все они находились на фермах), однако попросить мистера Пикоча пригласить и меня я не решилась. В его улыбке было что-то такое, отчего мой кузен покраснел как помидор, и я прикусила язык.

Тем временем мистер Пикок сложил перед собой свои крупные ладони (на одном из его чисто отмытых розовых пальцев я увидела массивный золотой перстень с крупным бриллиантом) и осведомился елейным голосом:

– Ну а чему я обязан удовольствием видеть вас, юные леди?

Сара Бет открыла свой ридикюль и стала в нем рыться.

– У папы сломались часы – просто остановились, и все, и он надеется, что вы сумеете их починить. Это... это очень ценные часы, они принадлежали еще папиному дедушке, который служил в кавалерии под началом генерала Форреста, и прошли с ним всю войну. Кажется, эти часы были при нем, я имею в виду – у дедушки, когда он сражался под Шайлоу. В общем, папа их очень любит. Мама сказала – она просто не представляет, что делать, если часы не починятся.

С этими словами она вытащила за цепочку большие золотые часы с двумя брелоками: один был с гербом рыцарей-тамплиеров, в другой был вставлен отполированный черный камень. Я в них не очень разбираюсь, но, по-моему, это был оникс.

Мистер Пикок достал из кармана увеличительное стекло и, вставив его в глаз, внимательно осмотрел часы.

– Вещь действительно очень ценная. Настоящее произведение искусства, – сказал он.

– Их сделали в Швейцарии, – сказала Сара Бет. – Моя прабабушка подарила их моему прадедушке, когда они ездили туда в свой медовый месяц.

Мистер Пикок слегка наклонил голову и ловко уронил увеличительное стекло в подставленную ладонь.

– Стало быть, эти часы не только произведение искусства, но и историческая, а также семейная реликвия, – заявил он с легкой улыбкой. – Что ж, попробуем что-нибудь с ними сделать. Должен сказать, мисс Хитмен, вам и вашему батюшке очень повезло – я буквально на днях нанял нового мастера, очень талантливого молодого человека. Он приехал к нам из Миссури, но здесь у него есть родственники... Вы, вероятно, их знаете – это Скотты, которые торгуют фуражным зерном. У юноши оказались слабые легкие, и ему было трудно переносить суровые северные зимы, поэтому родители и отправили его на юг, к родне. Отец молодого человека владел часовой мастерской, и юный Джон проводил там все свое свободное время, наверное, с тех самых пор, как выучился ходить. Я его, конечно, испытал, и сдается мне – он знает о часах и часовых механизмах все, что только можно о них знать, да и руки у него золотые, просто золотые. Как говорим мы, часовщики, этот парень из тех, кто способен заставить ходить даже часы без механизма внутри... – Мистер Пикок засмеялся собственной шутке, и я улыбнулась, но лишь из вежливости.

– Я почти уверен, что он сможет починить и ваш экземпляр, – продолжал мистер Пикок. – Сейчас Джон в мастерской. Если позволите, я отнесу ему ваши часы, и он скажет, сколько времени может потребоваться на ремонт. – Лицо Пикоча стало серьезным. – А чтобы он не слишком копался, я напому ему, что мистер Хитмен является президентом банка, видным членом городского совета и весьма уважаемым членом местного общества и что такому важному лицу

негоже слишком долго ходить без часов. Не можем же мы допустить, чтобы он опаздывал на важные встречи и деловые переговоры, не так ли?..

Он снова улыбнулся и, повернувшись на каблуках, направился к неприметной двери в глубине лавки. Пока он отсутствовал, мы любовались разложенных в низких стеклянных витринах украшениями. Над каждой витриной находилось зеркало в позолоченной раме, а перед ней стояла небольшая атласная козетка.

Меня больше всего заинтересовала витрина, в которой были выложены изящные женские часики. Стараясь рассмотреть часы в дальнем ряду, я наклонилась вперед и даже облокотилась рукой о стекло.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

Раздавшийся над самым моим ухом мужской голос заставил меня обернуться и покраснеть. Передо мной стоял молодой человек лет девятнадцати или двадцати – высокий, худой, с красивыми темно-синими глазами, волосами цвета спелой пшеницы и премиленькой ямочкой на левой щеке. Улыбался он так, что я мигом простила ему густой акцент северянина-янки. Никого красивее я в жизни не видела.

– Нет, спасибо, – пролепетала я, чувствуя, что язык мне едва повинуется. – Я здесь с подругой... – добавила я, не слишком вежливо ткнув пальцем (настолько я растерялась) в Сару Бет, которая, облокотившись на другую витрину, показывала Уилли приглянувшиеся ей золотые кольца.

– Жаль, – проговорил молодой человек, глядя мне прямо в глаза. Слегка прикусив губу, я лихорадочно пыталась придумать что-нибудь умное, но ничего такого, как назло, в голову не приходило. Я могла только стоять и хлопать ресницами, чувствуя, как мои щеки буквально пылают под его взглядом.

Меня спас мистер Пикок, вновь появившийся из двери в глубине лавки.

– Познакомьтесь, мисс Хитмен, это и есть Джон, Джон Ричмонд – тот самый джентльмен, о котором я вам рассказывал. Давайте-ка еще раз взглянем на ваши часы... – И он жестом подозвал Джона к своему столу, куда Сара Бет положила отцовские часы. Я держалась позади, гадая, почему у меня с такой силой захватило дух от одного вида его мускулистых рук (рукава рубашки Джона были закатаны до локтя) и тонких пальцев, которые осторожно поворачивали в свете лампы сверкающие золотые часы. Я буквально задыхалась – меня как будто укусила пчела, и воздух совершенно перестал поступать в мои охваченные огнем легкие.

Некоторое время Джон и мистер Пикок обменивались какими-то замечаниями, которых я не слышала, потом молодой мастер поднес часы к уху, несколько раз встряхнул и пообещал, что сможет исправить их к пятнице.

На этом разговор закончился, и мы с Сарой и Уилли вышли из лавки. Спиной я чувствовала направленный на меня взгляд Джона, но мне хватило сил не обернуться. Я свято помнила наставления тети Луизы, утверждавшей, что только очень легкомысленные девушки могут поощрять столь откровенное поведение. Я никогда не считала себя легкомысленной, и хотя Луиза утверждала обратное, сейчас я могла привести ей железные доказательства того, что в этом грехе меня обвинить нельзя.

Дело в том, что у меня в голове не было вообще ни одной мысли!

Пока мы находились в лавке, дождь зарядил снова. Это был настоящий ливень, а Уилли ухитрился оставить зонтик в машине, так что нам пришлось стремглав пересечь улицу и укрыться в аптеке на углу, где мы выпили по шоколадному коктейлю, дожидаясь, пока дождь перестанет или ослабеет. Уилли и Сара Бет о чем-то шептались, доверительно наклонившись друг к другу, и никто не мешал мне грезить о Джоне и удивляться своей чересчур сильной реакции от знакомства с ним.

На обратном пути я снова сидела на заднем сиденье, но меня это вполне устраивало – я продолжала мечтать о Джоне и немного пришла в себя, только когда Уилли въехал в такую

глубокую яму, что меня подбросило к самому потолку кабины. Вновь устраиваясь на сиденье, я вдруг вспомнила одну вещь, которую сказал мистер Пикок.

Наклонившись вперед, я спросила у сидевших на переднем сиденье подруги и кузена:

– Где мистер Пикок открыл новую поилку для свиней? На Монро-стрит?.. Но ведь эта улица находится в самом центре города: там и лошадь-то редко когда увидишь, а уж свинью и подавно. Так зачем же?..

Вместо ответа Сара Бет и Уилли заговорщически переглянулись, а потом прыснули со смеха, так что я снова почувствовала себя полной душой. Ну и пусть! Откинувшись на спинку моего сиденья, я стала размышлять и прикидывать, как устроить дело так, чтобы Сара Бет снова взяла меня с собой, когда поедет за часами в пятницу.

Глава 8

Вивьен Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. Апрель, 2013

– Пристегнись.

Я бросила на Триппа мрачный взгляд.

– Терпеть не могу ремни безопасности. Они меня... стесняют.

Я не стала объяснять, что перестала пользоваться автомобильными ремнями безопасности после выкидыша. Сыграло свою роль – пусть косвенную – и судебное запрещение видется с Кло. После него я окончательно убедилась в своей нерешительности и неспособности предпринимать активные действия; единственное, что мне оставалось, – это трусливо искушать судьбу: ездить без ремней, переходить улицу на красный свет и так далее. Но об этом я тоже не стала распространяться.

Вместо того чтобы настаивать на своем, Трипп перегнулся через мои колени и, нашарив у дверцы пряжку ремня, одним движением пристегнул меня к сиденью своего «Бьюика». На мгновение он оказался совсем близко, и я почувствовала его запах, напомнивший мне осенние футбольные матчи и пиво, тайком принесенное в кинотеатр.

– Что-то ты раскомандовался. Раньше ты был не таким, – только и сказала я. Спорить и возражать мне не хотелось – последняя принятая мною таблетка почти перестала действовать, но тянущая усталость и апатия еще не прошли.

Трипп запустил двигатель и тронул машину с места. Большой, тяжелый «Бьюик» двигался по подъездной дорожке на удивление плавно и покачнулся лишь раз, когда правое переднее колесо попало в глубокую, все еще до половины наполненную водой яму.

– Ты тоже изменилась, – парировал Трипп. – Честно говоря, я с трудом тебя узнаю.

Я сбросила с ног туфли и попыталась свернуться на сиденье калачиком – насколько позволял мне привязной ремень. Домашнюю привычку ходить босиком я сохранила даже в Южной Калифорнии, благо там подобные вещи считались нормой.

Эсэмэску Кло я отправила с телефона Триппа. Я сообщила ей номер, по которому она могла связаться с нами в случае необходимости, и добавила, что мы уже в пути. После этого я прислонилась затылком к подголовнику сиденья и попыталась подавить зевок.

– Когда ты спала в последний раз?

Некоторое время я смотрела в боковое окошко, любуясь медленно тающими в сумерках высокими дубами, стоявшими вдоль подъездной аллеи, словно часовые.

– Я поспала сегодня после обеда, – ответила я. – А до этого я немного подремала на придорожной площадке близ Амарилю. Оттуда до Миссисипи я добралась исключительно благодаря крепкому кофе.

Трипп побарабанил пальцами по рулевому колесу.

– Кофеин и таблетки... Отличное сочетание! Ты, должно быть, чувствуешь себя так, словно тебя размазало по шине многотонного грузовика.

– У меня уже есть психоаналитик, Трипп, – огрызнулась я. – И другой мне не нужен, так что практикуйся-ка ты лучше на своих трупях.

– Между прочим, они умеют прекрасно слушать и никогда не возражают. – По его тону я догадалась, что Трипп улыбается. – Могу даже сказать, что как психоаналитик я добился стопроцентного успеха: все мои пациенты покидают мой кабинет спокойными и не испытывают никакого напряжения.

Я снова отвернулась к окну, чтобы он не видел моей ухмылки.

– Сделай одолжение, не упоминай при Кло, что ты – коронер. Она как раз в таком возрасте, когда детям нравятся зомби, вампиры и прочие гадости. Во всяком случае, так было,

когда мы виделись в последний раз. Кло одевалась во все черное и использовала исключительно черные тени для глаз. Очень много теней. Это выглядело...

– Она что, гот?

– Кло терпеть не может всякие ярлыки. Ей всего двенадцать, но она старается вести себя так, словно ей как минимум двадцать два. Когда она отправилась в дорогу, то переделалась в одежду мачехи, чтобы выглядеть старше, так что приготовься...

Трипп слегка притормозил перед поворотом на шоссе.

– Вы с ней были близки?

Я некоторое время молчала, пытаюсь найти самые точные слова, чтобы охарактеризовать наши отношения с Кло.

– Ее родная мать живет в Австралии и совершенно не интересуется дочерью. Что касается отца, то он глубоко убежден в том, что Кло нужно сбросить фунтов семь и сделать ринопластику. В этом проявляется практически вся его отцовская забота. Из всех окружавших Кло людей я была, пожалуй, ближе всего к тому, что обычно считается нормой.

Далеко впереди сверкнули фары встречной машины. Если не считать луны, это был единственный источник света на мили вокруг.

– Вы были близки с девочкой? – снова спросил Трипп. Его упорство, вероятно, делало его хорошим коронером: желая добиться ответа, он не стеснялся несколько раз задать один и тот же вопрос.

– Да, – сказала я наконец и тут же поправилась: – Настолько близки, насколько этого хотелось самой Кло. После того, как отец и мать фактически ее бросили, она непроизвольно устанавливала в общении определенную дистанцию, чтобы не обжечься вновь.

– Значит, у вас есть много общего.

Я метнула на него быстрый взгляд.

– Я бы так не сказала. В отличие от Кло, я никогда не была одинока. У меня были Бутси и Томми – а также дядя Эммет и Матильда, поэтому я не так уж нуждалась в матери... и в отце тоже. Кем бы он ни был.

На этот раз Трипп молчал так долго, что я невольно забеспокоилась. Насколько я его знала, он никогда не затевал спора, если был убежден в своей правоте. Что касалось меня, то я чувствовала подспудную необходимость доказывать свою правоту в любом случае, поэтому малейшей провокации, малейшего сомнения со стороны собеседника обычно оказывалось достаточно, чтобы слова начинали сами вылетать у меня изо рта.

– В самом начале, – сказала я, – мне было просто жаль девочку, которая, надо признать откровенно, не сделала ровным счетом ничего, чтобы завоевать мою симпатию. – Я немного помолчала, ожидая, что Трипп что-нибудь возразит, но он не проронил ни слова, и мне ничего не оставалось, кроме как продолжать. – Кло была одинокой маленькой девочкой, которая из всех сил делала вид, что ей наплевать на собственное одиночество, что ей и так неплохо. Мол, не очень-то и хотелось... Но меня ей обмануть не удалось. Я видела ее насквозь.

Говоря эти слова, я невольно нащупала на правой руке небольшое самодельное кольцо из проволоки и нанизанных на нее бусин и тут же почувствовала, как уголки моих губ сами собой приподнимаются в улыбке.

– На самом деле Кло обладает развитым воображением и пытливым умом. Ей всегда хочется знать, что из чего сделано и как оно работает. Я заметила это практически сразу, когда вышла за Марка, а ведь тогда Кло было всего пять. Ее куклы и мягкие игрушки всегда были наряжены в довольно оригинальные платья и костюмы, которые она придумала и сделала сама – не говоря уже об игрушечных украшениях, которые она изготавливала из любых подручных материалов. До сих пор Кло любит искусство, любит рисовать красками, фломастерами, карандашом... Но до тех пор, пока в ее жизни не появилась я, ни одному человеку из ее ближайшего

окружения и в голову не пришло вставить ее рисунок в рамку и повесить на стену – или хотя бы просто прикрепить магнитом к холодильнику.

Я снова ощупала кольцо.

– Лично мне Кло всегда напоминала балерину, которая вкладывает в танец всю душу, но танцует перед пустым залом. – Я пожала плечами. – И один зритель оказался лучше, чем вообще ни одного. С тех пор я старалась сделать все, чтобы у девочки было нормальное детство – такое же, какое в свое время подарила мне Бутси. Я водила ее по музеям, текстильным и художественным выставкам и даже ходила вместе с ней в кружок вышивания и рисунка. И надо сказать, что это нравилось и ей, и мне. Но потом... – Я замолчала, не желая вскрывать нарыв без соответствующего наркоза.

Последовала еще одна долгая пауза, потом Трипп сказал:

– Нам еще долго ехать, Вив, и я никуда не денусь. Рассказывай, может, тебе станет легче.

«Я никуда не денусь». От этих слов я едва не заплакала. Именно их он говорил мне каждый раз, когда я звонила ему посреди ночи, а звонила я довольно часто. Я хваталась за телефон, когда чувствовала, что мое сердце снова разбито, когда мне было больно или когда наступал мой день рождения, а от матери не было ни письма, ни открытки. Трипп был отличным слушателем и стоически терпел мои долгие паузы, дожидаясь, пока я снова почувствую себя способной говорить. И каждый раз, когда я спрашивала, где он, желая удостовериться, что Трипп не повесил трубку и не отправился спать, он произносил эти свои слова: «Я здесь, Вив, и я никуда не денусь».

Набрав в грудь побольше воздуха, я сказала:

– Ну а потом Марк начал терять ко мне интерес. А это такая вещь, которую очень трудно скрыть от ребенка – особенно если не особенно стараешься. Марк и не старался. Я думаю, именно охлаждение наших отношений испугало Кло больше всего. По-моему, она решила, что я тоже собираюсь ее бросить, и начала к этому по-своему готовиться.

– А ты *собиралась* ее бросить? – спросил Трипп. Его голос звучал мягко, и все равно я почувствовала в сердце тупую боль. Скорее по привычке, чем осознанно, я открыла сумочку и стала рыться в ее содержимом в поисках таблеток. Только потом я вспомнила, что оставила аптечный флакон на столике возле кровати. На заданный мне вопрос я отвечать не спешила, ибо не была уверена, что слышу голос Триппа, а не голос собственной совести. Несколько раз я потеряла виски, жалея, что нельзя вернуть горькие слова, сказанные в попытке скрыть боль, нельзя вновь склеить разбитое сердце. Глядя в темное лобовое стекло перед собой, я прислушивалась к шороху шин по асфальту, и этот мерный звук приносил мне странное успокоение.

– Я не знаю, – проговорила я наконец. – Я даже не уверена, что... – Я осеклась, потом попробовала начать сначала. – Случилось так, что я забеременела. Это была именно случайность, потому что Марк не хотел больше иметь детей, да и я не особенно стремилась стать матерью. Женщины в моей семье, как правило, оказывались никудышными родительницами, и мне не хотелось повторять их ошибки. – Я пожала плечами. – Но когда я рассказала обо всем Кло, она... она была по-настоящему счастлива. Казалось, этот еще не родившийся человечек даст нам обеим возможность начать с чистого листа. Мы вместе мечтали, как обеспечим ребенку нормальную, счастливую жизнь, как мы всегда будем рядом с ним и тем самым избежим от ошибок и исправим то, что пошло не так в наших собственных судьбах.

Мое сердце едва билось, а воспоминания вязли в мозгу, словно в жидкой глине, и их приходилось вытаскивать оттуда чуть не силой.

– Выкидыш случился, когда я была на седьмом месяце. Это была девочка... должна была быть девочка. Когда Кло узнала о несчастье, она пришла в такое отчаяние, что даже обвинила меня в том, будто я... будто я намеренно спровоцировала выкидыш. Теперь я, конечно, понимаю – она сказала это потому, что действительно глубоко переживала, но тогда... Тогда я была слишком убита своим горем, чтобы разобраться, что к чему. Что касалось Марка, то он откры-

тым текстом заявил мне, что даже рад случившемуся, поскольку «еще одна Кло» ему не нужна. Его не остановило ни мое состояние, ни даже присутствие самой Кло, которая слышала, впитывала каждое сказанное нами слово.

Тут я крепко прижала кулаки к груди, надеясь хоть так унять ноющую боль в сердце.

– И вот тогда-то, впервые за все время нашего брака, я отважилась высказать Марку все, что у меня накипело. Я сказала ему, что он ужасный отец и что Кло нужно забрать у него как можно скорее. Именно тогда... – Я сглотнула, пытаясь найти самые точные слова, чтобы описать то, о чем я собиралась рассказать. – Тогда-то он меня и вышвырнул. Марк велел мне убираться и добавил, что больше не хочет быть женатым на такой, как я. Не думаю, чтобы в прошлом кто-то осмеливался ему возражать или критиковать его действия и поступки. Похоже, я стала первой, и это предопределило его реакцию. Марк очень быстро подал на развод и добился судебного ордера, согласно которому мне запрещалось общаться с Кло. Таким образом он хотел наказать меня, а о дочери в очередной раз не подумал. Кроме того, на процессе он выдумал обо мне разные отвратительные подробности – что я ужасная, безответственная мать и что я... что я страдаю наркотической зависимостью. После такого заявления вердикт суда мог быть только один: мне было отказано в праве приближаться к девочке меньше чем на двести ярдов.

Неожиданно мне стало душно, и я опустила окно, за которым летела назад темная южная ночь. Прислонившись головой к стойке салона, я с наслаждением подставила лицо потоку прохладного, напоенного ароматом цветущих магнолий воздуха, который остужал мою покрытую испариной кожу и наполнял весенней свежестью легкие.

Я всегда думала, что я-то буду другой, не такой, как моя мать...

– Будь ты действительно такой ужасной матерью, Кло не прилетела бы к тебе сейчас.

Повернувшись к Триппу, я долго рассматривала его лицо, чуть подсвеченное огоньками приборной доски.

– Тебе надо было пойти в священники. У тебя хорошо получается... исповедовать.

– Я это учту, если мне придет в голову переменить профессию, – серьезно ответил он. В полутьме салона сверкнули его зубы, и я поняла, что Трипп улыбается, но мне было уже все равно. Я устала так, как не уставала еще никогда в жизни.

– Извини, – сказала я, – но на этом психотерапевтический сеанс закончен. Я хочу хоть немного подремать, прежде чем мы доберемся до аэропорта. Чтобы иметь дело с Кло, мне понадобятся силы, а их у меня осталось не слишком много.

Немного прикрыв окно, я поудобнее устроилась на подголовнике и закрыла глаза. Через минуту я уже спала. Мне снилось, что я бегу босиком по хлопковым полям, на которых зреет урожай, и что вместе со мной бегут две девочки, чьих лиц я разобрать не могла. Втроем мы подбежали к огромному кипарису, лежащему на земле, и прыгнули в оставшуюся от корней яму. Прыжок длился невероятно долго, как бывает только во сне, – я даже успела почувствовать тепло солнечных лучей, согревших мои лодыжки. Потом я опустила взгляд. Под собой я увидела оскалившийся череп и почувствовала густой запах аллювиальной глины, плывущий в воздухе, точно дым ладана.

* * *

Я проснулась от того, что «Бьюик» остановился. Щека моя прижималась к чему-то теплomu и мягкому. Открыв глаза, я увидела клетчатую ткань ковбойки Триппа – это к его бицепсу я прильнула, словно к диванной подушке. Вздвогнув, я резко выпрямилась.

– Извини... – пробормотала я, не зная, что еще можно сказать в подобной ситуации.

– Все в порядке, – отозвался он и, вытянув руку вперед, несколько раз согнул и разогнул пальцы. – Ну где твоя мятежная принцесса?

– Там... – Я неопределенно махнула рукой в сторону терминала аэропорта, потом зевнула и открыла дверцу, собираясь выйти. Трипп сделал то же самое, и я удивленно посмотрела на него.

– Ты что, пойдешь со мной?

– Мне показалось – тебе может понадобиться помощь, – сказал он, и, прежде чем я успела возразить, Трипп уже выдернул ключ из замка зажигания и захлопнул дверцу со своей стороны. Обойдя машину, он помог мне выбраться из салона и нажал кнопку на брелке, поставив «Бьюик» на сигнализацию.

– Знаешь, сначала я хотела тебя спросить, почему ты так и не женился, но теперь мне все ясно. Похоже, ты слишком любишь командовать.

Трипп слегка отступил в сторону, пропуская меня вперед. Все-таки знаменитая южная галантность – это у нас в крови, подумалось мне, и ее не вытравят никакие перемены, никакой так называемый «прогресс».

– Кажется, я еще в первом классе сказал тебе, что на свете есть только одна девочка, на которой я хочу жениться, но она удрала в Калифорнию и вышла за другого.

Я остановилась, оперев руки в бока.

– Ты это серьезно? Брось, Трипп! Нам тогда было всего по семь или восемь лет, и я только что стукнула тебя по носу за то, что ты не взял меня в свою кикбольшую⁸ команду. А еще я сказала тебе, что не выйду ни за кого из местных, потому что не собираюсь всю жизнь торчать в Миссисипи.

Он кивнул.

– И тем не менее ты здесь.

Я несколько мгновений вглядывалась в его лицо, но так и не сумела прочесть, о чем он думает.

– Да, тем не менее я здесь, – проговорила я. – Но я задержусь в этих краях только до тех пор, пока не разберусь... пока не пойму, что мне делать дальше. – Я решительно зашагала ко входу в аэропорт. – Кроме того, я никогда не выйду за парня, который не взял меня в кикбольшую команду.

Трипп пожал плечами:

– Мне всегда нравилось выигрывать, а ты играла в кикбол... так себе. По правде сказать – отвратительно играла. Думаю, что даже свалившись с парохода посреди океана, ты все равно ухитрилась бы промахнуться и упала бы не в воду, а на берег.

Несмотря на свое подавленное настроение, я все же улыбнулась и сразу почувствовала, как успокаиваются напряженные нервы, чего, похоже, и добивался Трипп. Потом я быстро набрала эсэмэску Кло, в которой сообщала о нашем приезде, и первой вошла в здание аэропорта.

Несмотря на сравнительно поздний час, в зале прилета было многолюдно. Пассажиры с багажными тележками, чемоданами и дорожными сумками сновали во всех направлениях, и, очутившись в самой гуще этой суеты, я снова ощутила беспокойство, хотя для него пока не было никаких особых причин. Разыскав скамью напротив багажной «карусели» авиакомпании «Дельта», где в ответной эсэмэске обещала ждать Кло, мы, однако, никого не обнаружили. Скамья была пуста, и я почувствовала, как мое горло стискивает подступающая паника.

– Наверное, она пошла в туалет, – растерянно пробормотала я, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

– Может быть, да, а может быть, и нет, – отозвался Трипп. – А это, случайно, не она? – добавил он, глядя куда-то мне за спину.

---

⁸ Кикбол – детская игра с мячом, вариант бейсбола. Игрется надувным мячом, подачи отбиваются ударом ноги, а не битой.

Я обернулась к ближайшей багажной «карусели», которая была выключена, и увидела сидящую на неподвижной ленте девушку, которая выглядела точь-в-точь как Кло могла бы выглядеть лет через десять – если бы стала уличной проституткой. Девушка врасос целовалась с парнем лет двадцати двух. У обоих были совершенно одинаковые длинные черные волосы, глаза были одинаково подведены черным, а на шее, на запястьях и на одежде поблескивали многочисленные цепи и заклепки. Одеты оба были в черное, только на девушке были ярко-красные босоножки на высоченном каблуке, которые Кло любила больше других. Когда парень на секунду поднял голову, чтобы глотнуть воздуха, я увидела у него на подбородке жиденькую козлиную бородку. Шею парня украшала татуировка в виде большой ящерицы, которая как будто выползала из-под воротника приталенной курточки.

Прежде чем я сообразила, что мне следует делать, Трипп уже шагнул к «сладкой парочке». Выражение его лица было настолько решительным, что я поспешила его догнать.

– Это ты – Кло? – спросил он строго.

Девушка посмотрела на него. Черный карандаш у нее под глазами расплылся и потек, а подбородок был в алой помаде. В той же помаде была измазана и козлиная бородка юноши.

– А ты кто такой? – с вызовом ответила она.

Не отвечая, Трипп схватил ее кавалера за плечо и рывком заставил подняться. Он был почти на целую голову выше парня, так что, даже выпрямившись во весь рост, тот был вынужден смотреть на него снизу вверх. Чего Трипп и добивался.

– Эй, в чем дело? Ты кто вообще? Ну-ка отпусти меня, пижон!.. – возмутился парень.

Одним движением Трипп притянул его к себе, так что их лица оказались совсем близко друг от друга.

– Ты хоть знаешь, сколько ей лет?

По лицу парня скользнула тень беспокойства.

– Она сказала – ей недавно исполнился двадцать один.

– На самом деле ей *двенадцать*. – Последнее слово Трипп особо выделил голосом, после чего оттолкнул парня от себя. Толчок вышел довольно сильным, так что пятившийся задом Мистер Козлиная Бородка пошатнулся и едва не упал. Цепи, украшавшие его одежду, громко звякнули.

Ему, по крайней мере, хватило здравого смысла притвориться потрясенным. Схватив с пола черный рюкзачок, он проворно закинул его на плечо и в примирительном жесте выставил вперед обращенные к нам ладони.

– Эй, я же не знал! Мне не нужны неприятности! – С этими словами парень снова начал пятиться, потом повернулся и, не удостоив Кло даже взгляда, растворился в толпе. Несколько секунд спустя я увидела его уже довольно далеко – перепрыгивая через три ступеньки, парень несясь вверх по эскалатору и вскоре окончательно пропал из вида.

– Этот мужик – он кто? – спросила Кло вместо приветствия, показав на Триппа небрежным движением подбородка.

– Его зовут мистер Монтгомери, и он мой старый знакомый. Еще со школы. – Я показала рукой в сторону эскалатора. – А кто это был с тобой?

– Это был *мой* старый знакомый. – Кло самодовольно ухмыльнулась. – Он сел в самолет, когда мы делали посадку в Атланте.

Мне хотелось накричать на нее, чтобы она поняла, каким глупым и опасным было ее поведение, но я сдержалась. Взгляд Кло был неподвижным и пустым, однако я знала, на что нужно смотреть, поэтому сразу заметила, как дрожит ее нижняя губа. Когда Кло была совсем маленькой, это означало только одно: она отчаянно нуждается в том, чтобы ее обняли и приголубили. Когда-то этого хватало, чтобы мир снова начинал казаться девочке прекрасным и добрым местом, но сейчас она выросла, и вместе с ней стали глубже и острее ее обиды и переживания. Теперь Кло нельзя было успокоить одними словами, особенно исходящими из уст

женщины, которая вынуждена принимать сильнодействующие лекарства, так как не знает другого способа справиться с болью.

Стараясь не обращать внимания на направленные в нашу сторону любопытные взгляды (а также на тот факт, что Кло выглядела как шлюха после рабочей ночи), я улыбнулась как можно безмятежнее.

– Я очень рада тебя видеть Кло. Знаешь, мне тебя не хватало.

С этими словами я сделала движение вперед, собираясь обнять девочку, но Кло ловко увернулась. В следующее мгновение она уже вскинула на плечо огромную дорожную сумку – такую тяжелую, что под ее весом девочка даже покачнулась.

– Ну что, может быть, пойдём уже? – буркнула она.

– Кло, прошу тебя... Когда мы виделись в последний раз, у меня не было возможности попрощаться с тобой по-человечески. С тех пор мне все время хотелось сказать тебе, что я *не хотела* тебя бросать. У меня просто не было другого выхода!

– Ага! Тебе так хотелось мне это сказать, что за полгода ты даже ни разу мне не позвонила и не написала!

Кло была совершенно права. Возразить мне было нечего, поэтому я только смотрела на нее и пыталась придумать какие-то слова, которые могли бы заставить ее смягчиться. И хоть немного подбодрить. Увы, ничего путного мне в голову не приходило.

Тут в дело вмешался Трипп. Не говоря ни слова, он забрал у Кло ее сумку (не обошлось, правда, без небольшой заминки, когда каждый тянул сумку к себе) и первым направился к выходу из аэропорта. Мы двинулись за ним следом, все еще держась друг от друга на некотором расстоянии. Отключив сигнализацию, Трипп убрал сумку в багажник «Бьюика» и решительно повернулся к девочке.

Кло была не особенно велика ростом. Трипп возвышался над ней, как скала, поэтому она посмотрела на него с невольным уважением.

– Добро пожаловать в штат Миссисипи, Кло, – произнес он мягким и дружелюбным тоном, плохо сочетавшимся с его почти угрожающей позой. – Твоя мачеха действительно очень рада тебя видеть, хотя ты и не дала ей сказать – *насколько* она рада. Можешь не сомневаться, она сделает все, чтобы тебе здесь понравилось. Я, однако, должен сказать тебе одну вещь: я не знаю, как принято в тех местах, откуда ты приехала, но, как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не суйся. Понятно?.. – Трипп улыбнулся, но его улыбка отнюдь не успокоила ни Кло, ни меня.

– Непонятно... – пролепетала девочка.

– Сейчас поясню. – Трипп улыбнулся еще более устрашающе. – Мы здесь гордимся нашими хорошими манерами и уважаем старших, поэтому, если я еще раз услышу или просто узнаю, что ты грубишь Вивьен или любому другому взрослому, я лично отвезу тебя в аэропорт и посажу в первый же самолет до Лос-Анджелеса. – Он наклонился чуть ниже, и я увидела, как обведенные черным лайнером глаза Кло испуганно расширились. – Ну *теперь* тебе понятно?

Но девочка только упрямо сжала губы и ничего не ответила.

– Я задал тебе вопрос, Кло, и жду ответа. – Трипп еще немного подался вперед, и Кло невольно отступила, уткнувшись в блестящий борт машины.

– Д-да... – пробормотала она.

– Когда разговариваешь со старшими, надо говорить «да, сэр».

– Ты что, шутишь, что ли?! – взорвалась Кло.

– Я вижу, ты уже забыла, что я только что тебе говорил, – покачал головой Трипп и шагнул к багажнику. – Придется отправить тебя обратно прямо сейчас. Ты *этого* хочешь?

– Нет, сэр, – проговорила Кло дрожащим голосом.

– Вот, уже лучше, – наставительно сказал Трипп. – Я рад, что мы поняли друг друга. – Он отпер заднюю дверь и широко распахнул. – Тогда садись.

После того, как мы все уселись в машину, Трипп глянул в зеркальце заднего вида.

– И еще одна вещь, Кло...

При этих словах я невольно затаила дыхание, гадая, что он еще скажет. Кло, похоже, тоже замерла.

– Ты очень красивая девочка, и я искренне рад, что большая часть твоей косметики осталась на бороде у твоего дружка. Она ему нужнее, чем тебе. – Трипп покачал головой и включил зажигание. – Такой рожей, как у него, только ворон пугать, – добавил он. – Я уверен, что ты сможешь без труда найти себе приятеля получше... лет этак через пятнадцать, когда подрастешь.

Обернувшись, я посмотрела на Кло. Она сидела, крепко сжав губы, словно не могла решить, то ли сказать Триппу, что он ей не отец и не имеет права командовать, то ли поблагодарить за то, что он назвал ее красивой. Я решила прийти к ней на выручку.

– Уже поздно, а нам ехать еще два часа, – сказала я. – Ты, наверное, очень устала после перелета. Попробуй немного поспать, хорошо?

Сложив руки на груди, Кло сердито отвернулась.

– Я никогда не сплю в машинах.

Слегка пожав плечами, я снова села прямо и поглядела на Триппа, который отбивал пальцами по рулю какую-то неслышную мелодию. Мне хотелось поблагодарить его за то, что он помог мне и оказался таким хорошим другом, но я никак не могла забыть слова, которые он произнес, пока мы спорили на парковке. «И тем не менее ты здесь».

Трипп тронул «Бьюик» с места. Когда мы выехали на шоссе, я снова посмотрела назад и увидела, что Кло крепко спит, привалившись головой к оконному стеклу. Удовлетворенно вздохнув, я стала смотреть в непроглядную миссисипскую ночь. «Бьюик» стремительно несся по шоссе номер 20, и мне казалось, что ночная мгла вот-вот поглотит нас и мы исчезнем без следа. Как по мне, это было бы неплохо, вот только я так и не успела решить, что мне делать дальше.

Глава 9

Кэрл-Линн Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. 21 октября, 1962

ДНЕВНИК

Бутси затеяла красить дом, и меня уже тошнит от запаха краски. А еще в этом году хлопок уродился на славу, поэтому она решила устроить на Рождество большую вечеринку, чтобы отпраздновать это дело вместе с соседями. Представляю!.. У меня уже заранее болят руки – столько серебра мне придется перечистить к приходу гостей!

Но это когда еще будет, а пока я стараюсь дышать не слишком глубоко, чтобы не чувствовать запахов краски, скипидара и растворителей. Началось, впрочем, с того, что Бутси потратила не меньше тысячи часов, выбирая подходящий колер, да еще заставила нас с Матильдой разглядывать бесчисленные образцы и высказывать наше мнение. Впрочем, что бы мы ни сказали, наше мнение вряд ли что-то изменило, потому что Бутси, как и следовало ожидать, выбрала точно такую же желтую краску, какой дом был выкрашен со дня сотворения мира.

Я, правда, не удержалась и сказала, мол, раз дом непременно нужно красить, могла бы выбрать что-нибудь новенькое, но Бутси ответила в том смысле, что, дескать, традиций еще никто не отменял.

Это она имеет в виду наши семейные традиции. На человеческом языке это означает, что мы должны из года в год пользоваться одними и теми же старинными сервизами и столовым серебром, которые хранятся в нашей семье уже несколько столетий, и хвастаться перед гостями водяными разводами, которые оставило на стене в коридоре Большое наводнение 1927 года. Кроме того, традиции – это еще и работа в саду, который был заложен моей прапрапрабабкой двести лет назад, а также на огороде, где мы выращиваем те же самые овощи и фрукты, которые выращивали все наши предки уж не знаю до какого колена. Если нам и позволено посадить в саду что-то новенькое, то только такое, что не очень сильно его изменит. А еще традиции означают, что нельзя выкинуть, наконец, эту кошмарную кровать из черного дерева, которая стоит в хозяйской спальне, хотя я уже много раз говорила Бутси, что меня бросает в дрожь от одного ее вида.

Мне было всего шесть, когда Бутси и я снова стали жить в усадьбе. Поначалу меня поселили в маленькой комнате, которая до сих пор считается моей, сама же она обосновалась в спальне, где стояла эта жуткая кровать. Бутси сказала, что такова семейная традиция. Я была еще совсем маленькой, но все равно спросила, является ли нашей семейной традицией бросать собственных детей на дальних родственников. За это Бутси промыла мне рот с мылом – она сказала, что не потерпит никаких дерзостей, но ведь я вовсе не собиралась дерзить! Мне просто хотелось знать, только и всего.

Бутси часто говорит, что традиции – это то, что объединяет членов одной семьи, принадлежащих к разным поколениям. Наверное, она имеет в виду использование серебряных столовых приборов с монограммой в виде буквы «У», что означает «Уокер». Ну не знаю... Я бы предпочла пластмассовые ложки и вилки, их, по крайней мере, не нужно полировать перед каждым гостем.

Еще Бутси говорит, что, как только я выйду замуж, большая черная кровать на четырех столбиках станет моей и что мои дети должны родиться именно там, как в свое время появилась на свет и я. Это, дескать, тоже семейная традиция. Я, однако, сомневаюсь, что до этого когда-нибудь дойдет. Про себя я давно решила, что как только немного подрасту – сразу уеду отсюда, уж больно мне хочется посмотреть мир. Вряд ли у меня найдется время, чтобы

возиться с мужем и детьми, не говоря уже о старом доме и антикварной кровати, которой самое место в музее. Нет, если когда-нибудь у меня и будет собственный дом, он совершенно точно будет другим – современным, выкрашенным в какой-нибудь яркий цвет и с металлической или пластиковой мебелью внутри.

Бутси называет традиции клеем, который соединяет вместе членов семьи.

На самом деле они только мешают нам двигаться навстречу переменам.

Я обожаю перемены. Правда, здесь, на Юге, мало что меняется, но кое-что все-таки меняется. Взять хотя бы волнения в Университете Миссисипи в Оксфорде, когда какой-то чернокожий захотел там учиться⁹. Это означает, что мы все-таки движемся навстречу чему-то новому и лучшему. Вот почему, когда Бутси снова решила покрасить наш дом в желтый цвет, я почувствовала себя спеленатой по рукам и ногам, словно какой-то младенец. Я не понимала, какой смысл так цепляться за традиции – за то, что когда-нибудь все равно обратится в прах.

Традиции, традиции, традиции!.. Порой просто не знаешь, куда от них деваться. Например, сегодня воскресенье, день отдыха, но Бутси все равно потащила меня в сад – мол, нужно подготовить его к зиме. Но я так ныла и двигалась так медленно, что она в конце концов сказала, чтобы я не путалась у нее под ногами, а потом усадила меня в одно из садовых кресел и велела смотреть и учиться. Когда я спросила, а *зачем*, собственно, нужно готовить сад к зиме, Бутси ответила – затем, чтобы на будущий год получить хороший урожай. Тогда я объяснила ей, что есть такие магазины, где можно купить любые овощи и фрукты, и что я не вижу никакого особенного смысла возиться с землей и выращивать то, что продается на каждом углу. На это Бутси не нашлась что ответить – наверное, поняла, что я права. Часа через два она пошла в дом, чтобы выпить немного ледяного чая, а я решила, что лучшей возможности ускользнуть мне может и не представиться. Пока Бутси не вернулась, я поскорее вышла из сада и помчалась к моему любимому кипарису. Это дерево растет у нас на заднем дворе довольно далеко от своих родных болот и выглядит так, словно оно оказалось здесь случайно. Мне кажется, в этом кипарис похож на меня. Я тоже чувствую себя чужой в этом нелепом желтом доме с его дурацкими традициями и мрачной черной кроватью.

Добравшись до кипариса, я села на землю у самого ствола – лицом к болотам, чтобы Бутси не могла заметить меня из сада. Я знала, что она пошлет на поиски Матильду, но была уверена, что та ни за что не найдет меня здесь. Наша служанка никогда и близко не подходила к моему дереву – она утверждала, что кипарис заколдован и что возле него бродит одинокий дух, который кого-то ищет. Мне, конечно, очень хотелось взглянуть на настоящее привидение, но Матильда сказала, мол, сколько ни гоняйся за призраками, толку не будет.

И от того, *как* она это сказала, мне почему-то стало очень грустно, словно она говорила про меня.

Под кипарисом я просидела до позднего вечера, когда уже включился свет на веранде. В какой-то момент я ненадолго задремала, и мне пригрезилась сотканная из тумана фигура, которая появилась рядом с деревом. Во сне я бросилась за ней, но, как бы быстро я ни бежала, ни догнать, ни просто рассмотреть ее как следует мне не удавалось. Проснувшись я оттого, что мне не хватало воздуха. Пот градом катился по моему лицу, словно я и вправду бежала изо всех сил, и это так меня испугало, что я вскочила и со всех ног бросилась к дому. Только на веранде я остановилась и обернулась, но таинственная фигура бесследно исчезла. Только тени деревьев чуть покачивались во тьме да плыл по небу тонкий серпик луны.

---

⁹ В 1962 г. в штате Миссисипи произошли массовые волнения, связанные с попытками чернокожего юноши Джеймса Мередита зарегистрироваться в университете штата в качестве студента. Несмотря на то что на сторону Джеймса встали президент и Верховный суд США, власти штата категорически отказались выполнять их решения. 30 сентября 1962 года Джеймс Мередит в сопровождении военной охраны направился в университет с намерением войти в него. Данная попытка спровоцировала массовое возмущение белых граждан и массовое избивание чернокожих.

Бутси отправила меня спать без ужина за то, что я убежала из сада, а потом пряталась, но я не очень расстроилась, да и есть мне не особенно хотелось. Уже ложась в постель, я включила маленькую лампу-ночник, которую зажигала только в раннем детстве, а потом подошла к окну и закурила сигарету. Глядя на маленький красный огонек, который ярко вспыхивал при каждой затяжке, я вдруг снова вспомнила слова Матильды, которая так настойчиво советовала мне не гоняться за призраками.

Глава 10

Вивьен Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. Апрель, 2013

Проснувшись, я обнаружила, что лежу поперек кровати и на мне надета та же одежда, в которой я была накануне вечером. Сейчас, однако, было уже утро, и яркий солнечный свет, пробивавшийся между незадернутыми шторами, бил мне прямо в лицо. В висках пульсировала боль, и я поняла, что свалилась с ног от усталости, не успев даже принять таблетку.

Выбравив себя вполголоса за то, что накануне я не задернула шторы и не опустила жалюзи, я отвернулась от света и закрыла глаза. Я почти задремала снова, когда меня как молния поразила мысль о Кло. Я представила, как девочка просыпается одна в чужом доме и никак не может понять, где она и как здесь очутилась.

Одного этого хватило, чтобы я вскочила с постели как ошпаренная. Запутавшись в простыне, я налетела на туалетный столик и едва не упала, но сумела удержать равновесие. Распахнув дверь, я выскочила в коридор, в самой середине которого располагалась ведущая вниз главная лестница. Всего в коридор выходили двери трех спален, еще одна дверь вела на чердак. За пятой дверью находился короткий лестничный пролет и так называемый верхний коридор, куда выходили двери еще двух спален. В конце этого второго коридора располагалась черная лестница, по которой можно было спуститься в кухню.

Ближайшая к моей комнате дверь гостевой спальни, куда накануне вечером я поместила Кло, была распахнута настежь. Внутри я увидела только неубранную постель, возле которой стояла раскрытая дорожная сумка. Ее содержимое было в беспорядке разбросано по полу, по спинкам стульев и кресел, словно здесь промчался маленький смерч.

Я заглянула за дверь, чтобы убедиться, что девочка от меня не прячется.

– Кло? – позвала я на всякий случай, хотя мне было уже ясно, что в комнате никого нет.

Заглянув в пустующую третью спальню, я поднялась по ступенькам, ведущим в верхний коридор. Там я ненадолго задержалась на пороге хозяйской спальни. Центральное место в ней занимала огромная черная кровать на четырех столбиках, по сравнению с которой прочая мебель была почти незаметна. Никто из моих родственников не знал точно, что старше: кровать или сам дом. Когда-то меня это очень интересовало, но я уже давно перестала задавать себе этот вопрос.

Гости часто спрашивали, почему хозяйская спальня находится фактически в боковом крыле дома, и мне каждый раз приходилось объяснять, что по первоначальному замыслу эта часть дома и была главной и что не случайно оба окна хозяйской спальни выходят напрямиком на обсаженную дубами аллею, которая ведет к парадному входу. В наших краях считается, что хозяин и хозяйка должны жить в комнате с видом на подъездную дорогу, чтобы точно знать, кто приехал и когда пора спускаться, чтобы приветствовать гостей. Впрочем, в случае с моей семьей подобное расположение хозяйской спальни, откуда легко было попасть на черную лестницу, давало владельцам усадьбы отличную возможность уклониться от нежелательной встречи.

Старинная кровать была аккуратно заправлена, на коврик перед ней стояли домашние тапочки – те самые, в которых вчера вечером ходила Кэрол-Линн. Старинные часы на каминной полке начали громко вызванивать время, и я с удивлением увидела, что стрелки показывают девять часов. Со слов Томми я знала, что Кора обычно приходит в дом незадолго до полудня, чтобы помочь моей матери одеться и приготовить ей завтрак. Что касалось Кло, то в дни, когда ей не надо было идти в школу, она никогда не вставала раньше часа дня. Даже если учесть смену часовых поясов, девочка ни при каких обстоятельствах не должна была проснуться так рано – или это была уже не Кло.

– Кэрол-Линн? – позвала я, быстро шагая к ванной комнате, которую пристроили к хозяйской спальне примерно через год после того, как моя мать вернулась домой в последний раз и Бутси уступила спальню ей. Мне тогда было шестнадцать, и поначалу я решила, что бабушка поступила так потому, что ей хотелось как-то отблагодарить свою дочь за то, что она все-таки вернулась... Возможно, Бутси даже думала, что это заставит Кэрол-Линн остаться навсегда. Не знаю, как отнеслась к этой попытке подкупа моя мать, но в моих отношениях с бабушкой сразу наметилась трещина, которая стремительно расширялась, пока не превратилась в пропасть, преодолеть которую я так и не смогла.

В ванной на крытом пластиком туалетном столике возле раковины я увидела разложенные в идеальном порядке гребни и щетки для волос с серебряными накладками, тюбики с помадой и тушью, коробочки с компакт-пудрой разных оттенков, несколько кремов, бутылку косметической основы и флакон «Росы юности». Флакон был матового стекла, и от этого темно-коричневая жидкость внутри казалась густой, как масло, хотя на самом деле это были обычные (пусть и достаточно дорогие) духи. Когда-то Бутси очень любила этот запах, а Кэрол-Линн, напротив, терпеть его не могла, и я задумалась, что заставило мою мать поставить «Росу юности» на свой туалетный столик.

Несмотря на растущее беспокойство по поводу того, куда могли подеваться моя мать и Кло, я не удержалась, чтобы еще раз не оглядеть спальню, которая пребывала почти в идеальном порядке, что было как минимум странно. Та Кэрол-Линн, которую я помнила, была неорганизована и неряшлива, а в ее голове всегда роилось столько фантастических, далеко идущих планов и проектов, что она почти не обращала внимания на то, что творилось у нее под носом. Впрочем, ни один из своих грандиозных планов мать осуществить так и не смогла, поскольку постоянно перепрыгивала от одной идеи к другой, подобно беспечной бабочке на лугу, которая, едва присев на один цветок, тут же перепархивает к другому. Беспорядочное вихреобразное движение, в котором Кэрол-Линн пребывала практически постоянно, подпитывалось самыми разными химическими стимуляторами и алкоголем, что также не способствовало повышенной концентрации внимания, так что если продолжить сравнение с бабочкой, то можно сказать – постоянно паря высоко в поднебесье, Кэрол-Линн спускалась на грешную землю крайне редко, а если и спускалась, то почти ничего не замечала вокруг. Так, в те непродолжительные периоды, когда она жила в усадьбе (я тогда была совсем маленькой), ее спальня напоминала скорее комнату Кло в калифорнийском особняке отца, чем кусочек приглаженного, аккуратного, тщательно упорядоченного мира Бутси.

Выйдя из спальни, я захлопнула за собой дверь и быстрым шагом направилась к черной лестнице, ведущей в кухню. Внизу я сразу увидела сложенный листок бумаги, лежавший на столе рядом с раковиной для мытья посуды. Это была записка от Томми. В ней брат сообщал мне номер своего мобильного и просил позвонить.

Машинально я сунула руку в задний карман джинсов и только потом вспомнила, что так и не удосужилась зарядить аппарат. Досадно, черт!.. В первую минуту я даже сделала движение к двери, собираясь подняться наверх, чтобы поставить мобильник на зарядку, а заодно – принять таблетку, поскольку в висках у меня снова начинала пульсировать боль, но почти сразу я вспомнила о Кэрол-Линн и Кло. Если эти двое сейчас вместе, ничего хорошего из этого не выйдет, подумала я, а значит, с таблеткой придется обождать.

Сунув записку в карман, я вышла через кухонную дверь на задний двор и направилась в сад, почти не обращая внимания на заполонившую грядки и клумбы траву, которая, казалось, стала со вчерашнего дня еще выше и гуще. Земля после дождя по-прежнему была влажной, но луж почти не было, а те, что еще оставались, были неглубоки. Почти не намочив ног, я за пару минут добралась до упавшего кипариса и увидела, что кто-то прорыл вокруг ямы довольно глубокие дренажные каналы, отводившие воду в сторону. Должно быть, это сделали криминалисты, разыскивавшие следы и улики. Или – оставшиеся в земле мелкие кости. Сам скелет уже

увезли, но Трипп предупредил меня, что работа еще не закончена и что сегодня в яме снова будут работать специалисты. Я понимала, что полиции, вероятно, крайне важно не пропустить ни одной мелочи, ни одной улики, но все равно присутствие посторонних так близко от дома меня нервировало.

Кроме того, мне было не слишком приятно смотреть на ущерб, который причинили нашему заднему двору как действия полиции, так и разгулявшаяся третьего дня стихия. Если бы не гроза, кипарис бы не упал, а кости неизвестной женщины спокойно лежали бы в земле до тех пор, пока не обратились в прах. На самом деле дело, конечно, было не в том, что наш задний двор превратился то ли в место преступления, то ли в площадку, где идут археологические раскопки, просто картина разрушения и хаоса, которую я наблюдала, слишком напоминала мне мою собственную жизнь. Привычные вещи исчезли, вокруг полно посторонних, а события идут совсем не так, как ожидаешь, – кому такое понравится?

Я уже собиралась вернуться в дом, как вдруг услышала знакомые голоса. Они раздавались где-то возле бывшего хлопкового сарая, и я, развернувшись, двинулась на звук. Звон миллионов цикад наплывал на меня знойными волнами, солнце пульсировало точь-в-точь как музыка в нашем старом радиоприемнике, когда красный волосок настройки заедало между станциями. Потом с моих глаз словно пелена упала, и я увидела, что желтая лента, ограждавшая яму, порвана, а рядом со сдвинутым в сторону брезентом – держась за руки и попирая босыми ногами жирную плодородную землю – стоят моя мать и Кло. Как ни странно, черные волосы моей падчерицы, которые обычно торчали во все стороны непослушными кудряшками (особенно если никто не брал на себя труд с самого утра расчесать их как следует), были не только аккуратнейшим образом собраны в «хвост», но и подвязаны ярко-красным платком, очень похожим на тот, который я видела на своей матери.

Несколько мгновений я молча разглядывала обеих, жадно хватая ртом воздух и чувствуя где-то внутри легкую горечь от того, что меня предали. Уж больно легко и быстро эти двое нашли друг друга! Это было непонятно и немного обидно. Можно было подумать, что я им совершенно не нужна. Что Кэрол-Линн нет до меня дела – это-то как раз было понятно, но Кло?!

– Кло! – в тревоге крикнула я, заметив, что две фигуры передо мной начинают раскачиваться из стороны в сторону и вот-вот сорвутся в яму. Должно быть, жара и головная боль сыграли со мной злую шутку, поскольку уже в следующее мгновение я убедилась, что Кэрол-Линн и Кло по-прежнему стоят неподвижно и никто никуда не падает. С силой прижав пальцы к вискам, чтобы хоть немного обуздать боль, я спросила как можно спокойнее:

– Что вы здесь делаете? Или вы не знаете, для чего нужна желтая полицейская лента?

Кло обернулась. За ночь черный карандаш-подводка у нее под глазами окончательно размазался, что в сочетании с черной майкой придавало ее коже мертвенный, пепельно-серый оттенок. Тем не менее ее мордашка выглядела несколько приветливее, чем накануне, и это меня слегка утешило.

– Какой-то мужик, которого звать Томми, приготовил нам завтрак, а потом сказал, что в этой яме нашли настоящий скелет, – сообщила Кло.

– Я в курсе, – кивнула я, мысленно проклиная брата. Когда накануне вечером мы вернулись, он и мать уже спали, но я надеялась, что утром успею предупредить его насчет девочки.

– А я ничего такого не знала, – величественно сообщила Кэрол-Линн, качая головой. – Надо расспросить Бутси, может быть, ей что-нибудь известно.

Я почувствовала, как мозги у меня в голове створаживаются, как подогретое молоко.

– Но ведь Бутси... – Я вовремя прикусила язык, вспомнив слова Томми. «Мама живет в своем собственном маленьком мирке, который с каждым днем будет становиться все меньше».

– Но ведь Бутси здесь нет, – сказала я несколько более отрывисто, чем собиралась, и добавила, спеша перевести разговор на что-нибудь нейтральное: – Вы обе должны отойти за

полицейское ограждение. Сегодня утром сюда собирался приехать шериф, и я не хочу, чтобы он застал вас там, где посторонним находиться не полагается.

К моему огромному облегчению, Кэрол-Линн послушно попятилась от края ямы. Сделав таким образом несколько шагов, она развернулась и подошла ко мне. С протяжным театральным вздохом Кло проделала то же самое, хотя и гораздо медленнее. Как только обе вышли из-за ограждения, я наклонилась к земле и, подобрав концы разорванной ленты, связала их узлом. Оставалось надеяться, что шериф ничего не заметит.

Кэрол-Линн тем временем взяла Кло за руку и повела по направлению к саду, говоря на ходу:

– Тебе непременно нужно познакомиться с Бутси. Я уверена, она подберет тебе какую-нибудь другую одежду. Молодая девушка должна одеваться поярче. Быть может, после обеда мы трое поедem в город, в универмаг «Хемлин», и купим тебе подходящую косметику. Я думаю, тебе больше подойдут естественные цвета...

Я уже собиралась сказать, что на одежду, которая продается в «Хемлине», Кло даже не взглянет, не говоря о том, чтобы ее носить, и что мне запрещалось пользоваться косметикой (если не считать гигиенической помады и лосьона от загара), пока мне не стукнуло четырнадцать. Накануне моего дня рождения Бутси сама отвезла меня в универмаг, где был отдел косметики «Мерле Норман» – это и был ее подарок. В ящике моего ночного столика в спальне до сих пор хранилась коробочка блеска для губ. Я очень долго им не пользовалась, думая, что накрашу губы, когда вернется мама, но она все не возвращалась, а когда, наконец, вернулась, мне уже не хотелось посвящать Кэрол-Линн в один из так называемых «обрядов взросления»¹⁰. Какой смысл, думала я, если до сих пор я переходила из одной возрастной категории в другую без ее участия?

Перед глазами у меня запрыгали черные мушки – верный признак подступающей мигрени.

– Бутси больше нет! – выкрикнула я и сразу почувствовала жгучий стыд, но было уже поздно.

Кэрол-Линн и Кло удивленно уставились на меня. Потом мать слегка выпрямилась и расправила плечи.

– Ступай к себе в комнату, Вивьен Ли. Сейчас же! Я запрещаю тебе разговаривать со взрослыми таким тоном.

При этих словах брови Кло подскочили аж до самых волос.

Я набрала в грудь побольше воздуха, потом медленно выдохнула, одновременно считая про себя от двадцати до нуля. Я, правда, была не особенно уверена, что этот прием сработает – его рекомендовал мне психоаналитик, у которого я побывала всего один раз. После того как он заявил, что не считает медикаментозное лечение целесообразным, я ушла и больше не возвращалась.

– Кэрол-Линн, – начала я, стараясь говорить как можно медленнее и как можно спокойнее, – не поздновато ли ты вспомнила, что у тебя есть дочь? Кроме того, – если ты не в курсе, – я уже слишком взрослая, чтобы ты могла отослать меня в комнату.

Ее взгляд скользнул по моему лицу, и если бы в эти минуты моя голова не раскалывалась от боли, я – клянусь чем хотите! – почувствовала бы и стыд, и сожаление. Впрочем, уже через пару мгновений я вспомнила, что передо мной стоит практически чужая, посторонняя женщина, которую я совершенно не знаю и которая не помнит и не знает меня.

– Взрослая женщина не стала бы так разговаривать с матерью, – раздался позади меня мужской голос, и я резко обернулась. Томми... ну конечно, это был он!

---

¹⁰ Обряд взросления, переходный обряд – религиозный или традиционный обряд или ритуал, связанный с изменением социального или возрастного статуса субъекта; например, обрезание, посвящение в рыцари, бракосочетание и проч.

– Тем более с *больной* матерью, – добавил брат, чуть понизив голос, и его голубые глаза стали жестче. – И особенно если тебя может услышать юная, впечатлительная особа. – И он кивком показал на Кло.

Я едва не рассмеялась, подумав о том, что «юная» Кло могла бы научить Томми таким словам, каких он в жизни не слышал, и что впечатлительности в ней было не больше, чем в старом диване. Конечно, если бы перед ней вдруг оказался Джастин Бибер или Мэрилин Мэнсон – дело другое, но Томми не был ни тем ни другим, а уж я тем более. Нет, такие слова, как «впечатлительность», «последовательность» и «рациональное восприятие», нельзя было применить по отношению к Кло ни при каких обстоятельствах.

Покачав головой, я с силой сжала виски.

– Они зашли за желтую ленту, а шериф может подъехать каждую минуту. Я не хотела, но они не оставили мне выбора.

Выражение лица Томми не изменилось, и я смутилась еще больше. Опустив взгляд, я увидела, что он держит в руках круглую коробку. Ее ручка, сделанная из толстого золотого шнура, облезла и порвалась и теперь лежала на крышке, напоминая дохлого червя.

– Что это у тебя?

Томми протянул коробку мне.

– Я так и не дождался твоего звонка и решил сам принести тебе эту штуку. В ней дядя Эммет хранил запасные части к часам.

Старый картон, из которого была сделана коробка, был сухим и шершавым на ощупь, как любимое, слегка пыльное одеяло. Держа ее в руках, я невольно вспомнила старого седого джентльмена, очень доброго и внимательного, который заменил нам деда. Когда-то мы с Томми его обожали. Карманы дяди Эммета всегда были полны сладостей, к тому же он очень ловко вытаскивал десятицентовики из наших носов и ушей и всегда разрешал оставить монетки у себя.

Если дядя Эммет не работал в полях, значит, он трудился в своей мастерской в городе, а мы были тут как тут. Пока я играла с блестящими шестеренками и непослушными пружинками, Томми внимательно следил за тем, что делает дядя, и иногда даже помогал ему или подавал инструменты. Именно от него мой брат узнал, как устроены механизмы настенных и наручных часов, будильников и ходиков. Как и каждый, кто пережил Великую депрессию, дядя Эммет никогда ничего не выбрасывал, поэтому детали от часов, которые уже ни на что не годились, отправлялись прямым ходом в старую шляпную картонку. Дядя свято верил, что когда-нибудь они пригодятся.

В детстве я считала шляпную картонку своей волшебной шкатулкой, в которой можно было порой отыскать самые поразительные вещи: старинные броши с выпавшими камнями, одиночные клипсы и серьги – такие тяжелые, что они оттягивали мое детское ухо, зубастые шестеренки и плоские часовые циферблаты, выглядевшие без стрелок довольно странно. Они напоминали мне человеческие лица и вдохновляли меня сочинять о них занимательные истории, в которых непременно фигурировали Часы, Мастер-Часовщик или Бог-Время. Иногда, впрочем, циферблаты шли на изготовление изысканных ожерелий или королевских корон, которые я мастерила, незаметно похищая оставленный на стуле платок Матильды или один из маминых головных обручей, которые во множестве висели на зеркале трельяжа.

– Где ты ее нашел? – спросила я.

– Должно быть, в свое время дядя Эммет спрятал коробку под застреху хлопкового сарая – в тот самый угол, который разворотил упавший кипарис. Думаю, он ее именно спрятал, и спрятал неплохо, поскольку с тех пор, как дядя умер, она ни разу мне не попадалась. Я был бы очень признателен, если бы ты ее разобрала и переписала все, что там лежит. Я дам тебе несколько пластиковых пакетиков, чтобы ты могла разложить по ним детали. – Он слегка пожал плечами. – Возможно, дядя Эммет был прав и там действительно найдется что-то, что может

мне пригодиться, но пока эти железки свалены в одну кучу, там просто невозможно ничего найти.

И Томми засунул руки в передние карманы джинсов, как он делал всегда, когда его что-то беспокоило, но ему не хотелось этого показывать. Первым моим побуждением было сказать ему – нет, я не собираюсь этим заниматься, и единственное, чего мне по-настоящему хочется, это сесть вместе с Кло на ближайший рейс до Калифорнии и улететь отсюда как можно скорее, лишь бы не видеть мать и не злиться на женщину, которой она когда-то была. Это, без сомнения, был самый очевидный, самый легкий и самый простой путь, но в том, как старательно Томми пытался *не* смотреть на меня, было столько затаенной надежды, что мне не хватило мужества принять это решение. Как сказал Трипп, «ты бросила и его тоже».

– Да, конечно, – услышала я свой собственный голос, который звучал просто на удивление приветливо и дружелюбно. – Давай сюда свои пакетики, я все сделаю, а Кло мне поможет. Правда, Кло?.. Сейчас нам все равно нечем заняться, и мы... – Я не договорила, увидев две фигуры, которые двигались к нам от дома. Это были Трипп и еще один мужчина лет пятидесяти на вид – коренастый, грузный, одышливый. Одет он был в полицейскую форму и «стетсон» с такими широкими полями, что во время дождя на его выпирающий живот, несомненно, не попадало ни одной капли.

Когда полицейский приблизился, я разглядела молочно-белую, казавшуюся прозрачной кожу, почти сплошь покрытую веснушками размером чуть меньше чайного блюдечка. На нем были солнечные очки-«капельки», но я догадывалась, что глаза у него светло-голубые, а волосы под шляпой – светлые, как пух на утенке. Человеку с такой кожей и с такими волосами, несомненно, приходилось неслладко на миссисипском солнце. Да и на любом солнце, наверное... Нет, этот человек не был альбиносом, но я все равно подумала, что ему было бы лучше поселиться где-нибудь на севере.

Трипп и Томми кивнули друг другу в знак приветствия, а я скорее почувствовала, чем увидела, что Кло невольно пятится, стараясь оказаться как можно дальше от моего бывшего одноклассника. Похоже, вчера Трипп ее изрядно напугал, хотя, возможно, дело было не только в этом.

Обернувшись, чтобы как-то подбодрить девочку, я увидела, что Кэрол-Линн ведет Кло к садовой калитке. На ходу обе оживленно размахивали руками, словно младенцы, увлеченно играющие в песочнице. Их босые ноги глубоко увязали во влажной глине и издавали громкий чавкающий звук. Интересно, подумалось мне, как моя мать относится к запустению, воцарившемуся в саду после смерти Бутси? Я не исключала, что картина хаоса, которая открывалась ее взгляду по десятку раз в день, каждый раз повергала ее в шок, словно увиденная впервые. Впору было ее пожалеть: ужасаться засилью сорняков и буйству трав, заполонивших грядки и клумбы, по несколько раз на дню – это, пожалуй, было уже чересчур. Впрочем, я тут же подумала, что не знаю, насколько далеко зашел материн Альцгеймер. Если она не помнит того, что было утром, – это одно, но, быть может, Кэрол-Линн давно забыла, чей это сад, каким он был когда-то и каким должен быть. В этом последнем случае она, пожалуй, не так уж страдает.

Увы, провожая ее взглядом, я заметила, как мать задержалась перед садовой калиткой, и ее рука взметнулась к губам. Так бывало всегда, когда она была чем-то глубоко расстроена. Это была одна из немногих ее привычек, которая по какой-то причине задержалась у меня в памяти. Значит, что-то она помнит... И, не в силах и дальше наблюдать за матерью, я снова повернулась к Триппу и шерифу.

– Познакомься, Вив, – представил меня Трипп, – это шериф Донни Адамс. Он в наших краях недавно, поэтому тебе придется вкратце поделиться с ним своей семейной историей.

Шериф галантно снял шляпу, и я поняла, что немного ошиблась насчет цвета его волос. Он был совершенно лыс, и кожа на голове казалась еще более светлой, чем на лице. Выставив вперед мясистую ладонь, шериф вежливо пожал мне руку.

– Не такой уж я новичок, – произнес он довольно приятным баритоном. – Я родом из Леланда – это совсем недалеко отсюда, да и здесь я шерифствую уже больше пяти лет. Право, немного странно, что до сих пор мне не приходилось с вами сталкиваться.

– Но ведь я... меня тут не... – Я замолчала. Пульсирующая боль в голове возобновилась, мешая мне составлять слова в предложения.

– Вивьен только недавно вернулась. Последние девять лет она жила в Калифорнии, – «перевел» Трипп мой бессвязный лепет.

Шериф кивнул и снова надел шляпу.

– Понятно.

Как раз в этот момент зазвонил мобильник Триппа, и он отошел в сторону, чтобы ответить на вызов. Шериф Адамс словно этого и ждал. Достав блокнот и вынув из нагрудного кармана карандаш, он повернулся ко мне. Я заметила, что конец карандаша был замусолен и изгрызен, словно над ним потрудились целая бобровая семейка.

– Итак, – протянул шериф, – у меня к вам несколько вопросов, мэм. Позвольте мне начать с главного: вы знаете, кто мог быть похоронен под упавшим деревом? Может, какие-то догадки или семейные легенды?.. – Он метнул быстрый взгляд в сторону Триппа. – Поверьте, я расспрашиваю вас о ваших семейных преданиях не из праздного любопытства. Похоже, этот скелет старше вас на несколько десятилетий. Возможно, кто-то из ваших близких хотя бы упоминал о... о чем-то подобном?

– О чем? О трупе, закопанном на нашем заднем дворе?

– Нет, мэм. О пропавшем родственнике или знакомом. О том, кто уехал и не вернулся.

Прежде чем ответить, я долго смотрела на шерифа. Моя мигрень разыгралась не на шутку, и я с трудом могла сосредоточиться на его словах. Наконец я покачала головой.

– Нет, сэр, ничего такого я не припоминаю. Никто из моих предков не пропал... и, по-моему, это маловероятно. У членов нашей семьи есть такая странная особенность: как бы далеко мы ни уезжали, мы всегда возвращаемся сюда, в Миссисипи, в Индиэн Маунд. Возможно, моя мать что-то знает, но она... – Я замолчала, не зная, как лучше закончить предложение. Откровенно говоря, я довольно смутно представляла, что может знать Кэрол-Линн, а главное – что она способна *вспомнить*. Мне она за всю жизнь не сказала ничего более значимого, чем «Пока, детка».

– У нашей матери проблемы с памятью, – вмешался Томми. – Пока болезнь коснулась только кратковременной памяти, так что она, возможно, и вспомнит что-то, что было достаточно давно. Я бы на вашем месте попытал счастья.

Шериф Адамс черкнул что-то в своем блокноте.

– А среди ваших дальних родственников не было человека, который увлекался бы семейной историей, составлением генеалогического древа и тому подобным?

Мы с Томми переглянулись, и я негромко скрипнула зубами, мечтая о том моменте, когда все это закончится и я смогу вернуться к себе в спальню, чтобы принять таблетку. Наконец брат сказал:

– Наша бабушка Бутси увлекалась подобными вещами. Она постоянно рассказывала нам о том, кто из наших предков построил этот дом, кто и как его перестроил, кто посадил сад, кто умер молодым, кто скомпрометировал семью неподобающим поведением. Меня, честно говоря, это не особенно интересовало, поэтому я слушал не слишком внимательно и мало что запомнил. К сожалению, бабушка не вела никаких записей, насколько мне известно. Правда, перед своим, гм-м... отъездом в Калифорнию Вив хотела записать кое-что из бабушкиных рассказов, да так и не собралась. Да и я, в общем... Словом, в те времена мы оба полагали, что у нас еще будет время это сделать. – Томми пожал плечами и посмотрел на Кэрол-Линн и Кло. Моя мать задумчиво разглядывала сад, а девочка опасно косилась на наш чудной дом. С того места, где я стояла, мне не было видно выражения лица Кло, и я была этому рада.

– Только одно я запомнил, – продолжал тем временем Томми. – Бабушка часто повторяла это в моем присутствии, поскольку я – мужчина. Дело в том, что дом всегда переходил по наследству к старшей дочери. Этой традиции, насколько мне известно, уже больше двухсот лет. Она существует с тех самых пор, как был построен этот дом.

– Любопытно. – Шериф еще что-то записал в блокнот, потом поднял голову, и я попыталась сосредоточиться на своем отражении в стеклах его солнечных очков. Голова у меня буквально раскалывалась, и я готова была на все, лишь бы отвлечься от пульсирующей боли.

– Вы сказали, что члены семьи всегда возвращались домой, как бы далеко их ни заносило, – процитировал шериф Адамс наши предыдущие «показания». – То есть, иными словами, никто из ваших родственников или предков никогда не пропадал без вести, не исчезал бесследно?

Томми и я покачали головой.

– И вы не припоминаете ничего странного, что происходило когда-либо с членами вашей семьи?

Крепко зажмурившись, я глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– Насколько я помню, самая первая Уокер, построившая этот дом, в какой-то момент жизни бросила и его, и мужа, и даже детей и вернулась в Новый Орлеан, откуда она была родом. Мне смутно припоминается, что потом она вернулась. Так, во всяком случае, говорила Бутси. В те времена вокруг были в основном непроходимые болота, настоящие топи, а жизнь была суровой и опасной. Бабушка не раз говорила, что «болота поглотили ее», имея в виду родоначальницу нашей семьи, но я всегда думала, что это гипербола. Фигуральное выражение, – пояснила я специально для шерифа. – И, скорее всего, так и есть. Вряд ли это скелет первой Уокер – за двести лет от него, наверное, ничего не осталось бы, особенно в нашей влажной почве. – Я немного подумала. – А еще одна женщина из рода Уокеров утонула во время Большого наводнения 1927 года. Того самого, о котором напоминает след от воды на стене в нашей прихожей. Его трудно не заметить – он попадает на глаза каждому, кто поднимается или спускается по главной лестнице, а пользоваться лестницей нам приходится частенько. И, наверное, так же часто Бутси пересказывала нам историю о нашей бедной утонувшей прабабке – самой Бутси та женщина приходилась матерью. Вот все, что я помню... Ах да, кажется, наша прабабка погибла в тот же год, когда сама Бутси появилась на свет.

– Интересно, – сказал шериф, но я видела – ему не особенно интересно. – А как ее звали, вашу прабабку?

Мы с Томми снова покачали головой, потом я сказала:

– Когда-то я знала, может быть, со временем снова вспомню. Бутси много раз называла ее по имени, но сейчас я не... Я вам обязательно сообщу, если вспомню.

– Если те давние события действительно могут пролить свет на эту... на эту загадку, – проговорил Томми, – вам следовало бы поговорить с нашей служанкой Корой Смит. Когда-то давно ее бабка тоже была служанкой в этом доме – возможно, она служила семье Уокер еще до того, как Бутси появилась на свет. Быть может, Кора и запомнила что-то из того, что ей рассказывала ее бабка. Если, конечно, она рассказывала...

– Гм-гм... – Шериф слегка откашлялся, не переставая что-то строчить в блокноте. Я заметила, что, когда он склонялся к блокноту, уголок его губ слегка отвисал, и невольно подумала, что для полноты картины нашему славному парню – деревенскому шерифу – не хватает окурка сигары во рту.

– А где мне найти мисс Смит? – проговорил шериф так невнятно, словно во рту у него и впрямь была сигара.

– Она ухаживает за нашей мамой. – Томми посмотрел на часы. – Обычно она приходит в двенадцать, иногда чуть раньше. По утрам Кора обычно работает добровольцем в городской библиотеке.

Трипп закончил разговор и снова подошел к нам.

– Мне только что сообщили, – проговорил он. – Останки перевезли в Филадельфию для более тщательного исследования, но я уже сейчас могу сообщить кое-какие факты, достоверность которых не вызывает сомнений. Во-первых, скелет совершенно точно принадлежал женщине, и пролежал он в земле никак не меньше пятидесяти-шестидесяти лет. Кроме того, она, скорее всего, была достаточно молода, не старше двадцати, я полагаю. Конечно, эксперт-антрополог сможет сказать точнее, но сдаётся мне, что я не ошибся. Кроме того, если судить по состоянию тазовых костей, эта женщина, скорее всего, рожала, быть может, даже не один раз.

При этих словах я почувствовала подступающую к горлу тошноту. Сначала я решила, что во всем виновата моя мигрень, но это было не так. Просто я представила себе молодую женщину, ненамного моложе меня, похороненную под моим кипарисом задолго до моего рождения. А еще я подумала о ее ребенке, который остался один... Закрыв глаза, я попыталась отогнать от себя видение, в котором голый череп в отверстой могиле понемногу приобретал мои черты.

Шериф перестал писать и с беспокойством повернулся в мою сторону.

– Я распоряжусь, чтобы в лаборатории, где будут исследоваться останки, взяли образец ДНК умершей, – сказал он. – Если экспертам это удастся, я попрошу каждого из вас предоставить в мое распоряжение образец слюны для сравнения. Возможно, здесь под деревом все же была похоронена какая-то ваша дальняя родственница... Кстати, мисс, как долго вы намерены здесь пробыть?

Не сразу я поняла, что этот его вопрос обращен ко мне. Шериф и Томми выжидательно смотрели на меня, а я только тарасилась в ответ, выпучив глаза, словно опоссум, который попал в свет фар движущейся по шоссе машины и приготовился свернуться клубком, чтобы угрожающая ему опасность мгновенно исчезла.

– Я... да... какое-то время я здесь еще пробуду, но потом... не знаю.

– Не беспокойтесь, шериф, куда она не денется, – спокойно добавил Трипп. – Насколько я знаю, мисс Уокер просто некуда ехать.

Тут его телефон снова зазвонил. Трипп бросил взгляд на засветившийся экранчик и покачал головой.

– Мне нужно ехать на работу. Старая миссис Ли в «Солнечных полянах» скончалась сегодня ночью во сне, и я должен быть там. Кроме того, дикая свинья проломилась изгородь в палисаднике дома, который я как раз собирался продать, и теперь бросается на все, что движется, так что мне, пожалуй, лучше поспешить.

– Дикая свинья? – переспросила незаметно подошедшая к нам Кло. Ей, похоже, наскучило разглядывать запущенный сад и странный желтый дом, и она решила найти занятие поинтереснее.

Трипп кивнул.

– В нашей глуши подобные вещи иногда случаются.

Кло побледнела от ужаса.

– А что вы будете с ней делать, если поймаете?

– Возможно, просто съем.

Кло быстро заморгала, пытаясь решить, шутит он или говорит серьезно. Похоже, ей было очень жалко дикую свинью. Что касалось меня, то я сосредоточилась на первой половине фразы Триппа.

– Ты сказал, что собирался продавать дом?

– Ну да. – Трипп сунул мобильник в карман. – Нет, не свой... – пояснил он, правильно истолковав мое недоумение. – Я торгую недвижимостью, у меня свой бизнес. Правда, небольшой, но он все же помогает оплачивать счета. В наших краях находят не так уж много мертвых тел, чтобы обеспечить коронеру полную занятость.

Попрощавшись со всеми взмахом руки, Трипп зашагал к своей машине. Он уже садился за руль, когда Кло нагнала его и спросила:

– А что такое дикая свинья?

Повернувшись, Трипп внимательно посмотрел на нее.

– Это очень большая свинья с острыми зубами и клыками, как у кабана. И она может быть довольно опасна даже для взрослого человека.

Кло побледнела еще больше.

– Твою мать! – выругалась она. – В какую же дыру я попала?

Трипп окинул девочку тяжелым взглядом, потом посмотрел на Кэрол-Линн, которая тоже подошла к нему. Низ ее расклешенных джинсов сплошь облип глиной.

– Юные леди не должны так выражаться, – строго сказала она, направив палец прямо в лицо Кло. – Тебе придется попросить прощения, иначе я буду вынуждена промыть тебе рот с мылом.

Бледное лицо девочки вспыхнуло неожиданно ярким румянцем.

– Что за хрень?! – завопила она, резко оборачиваясь к моей матери. – Какого хе..!

Договорить она не успела. Трипп стремительно выскочил из машины и заступил ей дорогу.

– Ты помнишь, о чем мы говорили в аэропорту?

Кло прикусила язык. Глаза ее перебежали с моей матери на меня и обратно, словно она надеялась, что кто-то из нас примет ее сторону. Не дождавшись нашего сочувствия, девочка скрестила руки на груди и буркнула:

– Ну ладно. Как скажете.

– Это означает – «извините»? – Трипп наклонился к ней.

– Да... сэр, – пробормотала Кло.

– Вот так-то лучше. – Трипп удовлетворенно кивнул и, еще раз помахав рукой всем нам, сел в машину. На мгновение он обернулся, чтобы показать нам растопыренные в виде римской цифры V пальцы, которые направил себе в глаза, потом бросил еще один суровый взгляд на Кло и уехал.

– Кажется, Кора приехала, шериф, – сказал Томми, показывая в угол заднего двора, где находилась крохотная парковочная площадка на одну машину, построенная еще в те времена, когда мой брат увлекался мотоциклами. Правда, с тех пор, как я вернулась домой, мне на глаза не попался еще ни один мотоцикл, и я решила, что Томми забросил это свое хобби. На площадку как раз въезжала светло-голубая «Тойота».

– Идемте, я вас ей представлю, – добавил Томми и повел шерифа прочь. Обернувшись на ходу, он посмотрел на меня.

– Не забудь разобрать часовые детали. Пластиковые мешочки я принесу тебе чуть позже.

Только после этих слов я осознала, что все еще держу в руках увесистую шляпную картонку, полную шестерней, пружинок, корпусов и бог весть чего еще. Разбирать этот хлам я не особенно стремилась, но теперь у меня, по крайней мере, был предлог как можно скорее вернуться к себе в комнату.

– У меня к тебе просьба, Кло, – сказала я девочке. – Мне нужно отнести эту коробку наверх. Будь добра, отведи Кэрол-Линн в дом и включи ей по телику программу поинтереснее. Пусть смотрит, пока Кора не закончит с шерифом, ладно?

И, не дав Кло времени ответить, я быстро двинулась к дому. При одной мысли о том, что мне снова придется пройти сквозь заброшенный сад, я невольно стиснула зубы, но это был кратчайший путь, и я решила, что выдержу.

Кло вприпрыжку бросилась за мной.

– А ты уже звонила моему отцу? Имей в виду, он, скорее всего, не будет брать трубку, но ты можешь оставить ему голосовое сообщение. Просто на всякий случай, о'кей?

Черт!

– Нет, я еще не звонила, – сказала я и добавила мысленно: «И не буду звонить, пока не приму свою таблетку». Вслух же я сказала: – Я обязательно ему позвоню, но попозже. Зато я позвонила твоей гувернантке Имельде и предупредила, что ты со мной. – Я пошла быстрее.

– А почему ты зовешь свою маму по имени?

Перегретая скороварка, в которую превратилась моя бедная голова, готова была вот-вот взорваться. И что тогда будет, я не имела ни малейшего понятия.

– А почему коровы срут где попало? – отрезала я. – Просто зову – и все!

– Не выражайся, Вивьен Ли! Я тебя не так воспитывала! – крикнула мне Кэрол-Линн.

Я остановилась. Голова кружилась, то ли от боли, то ли от ярости. «Ты меня вообще никак не воспитывала», – огрызнулась я, правда, мысленно.

Кло смешливо наморщила носик и стала наконец похожа на нормальную двенадцатилетнюю девочку.

– А почему Вивьен Ли? По-моему, так звали актрису, которая играла в одном старом фильме. В проекционном зале у мамы моей подруги Хейли висит в рамочке старая афиша, и на ней написано это имя.

Кэрол-Линн просияла.

– Вивьен Ли действительно играла заглавную роль в моем любимом фильме. Сначала я хотела назвать дочь в честь главной героини, но моя мама сказала, что имя Скарлетт звучит вульгарно.

– Вульгарно? – переспросила Кло и снова наморщила нос.

– Отстойно, – «перевела» я, припомнив словечко, чаще всего доносившееся с заднего сиденья моей машины, когда я везла в школу Кло и ее одноклассниц.

– Вивьен!..

Я вздохнула. Теперь уже не только голова, а все мое тело пульсировало от приступов обжигающей боли. Хотела бы я знать, чем я так прогневила бога, что он решил поместить меня, мою мать и Кло в одни и те же географические координаты? Увы, с подобной ситуацией я справлялась из рук вон плохо. Откровенно говоря, я с ней вообще никак не справлялась. В данный момент, к примеру, я чувствовала себя тяжелым грузовиком с прицепом, у которого отказали тормоза и который все быстрее несется под уклон, навстречу опасному повороту. На протяжении всей своей жизни я пыталась решать проблемы, двигаясь к цели кратчайшим путем и срезая углы, и теперь была просто не готова переключать скорости и маневрировать.

Я все еще пыталась придумать, что бы мне ответить, когда Кэрол-Линн взялась обеими руками за планки поломанной калитки сада и устремила свой взгляд вперед. При этом лицо у нее сделалось таким, словно она видела перед собой нечто большее, чем грязь, лужи и заросли сорняков.

– Надо привести огород в порядок, пока Бутси не увидела, – проговорила она задумчиво. Кло обернулась через плечо.

– Только сначала надо сделать ограду повыше, чтобы туда не пробралась ни одна дикая свинья.

Я посмотрела на мать, на ее бледные и тонкие пальцы, на аккуратно заплетенные волосы и прекрасное, но холодное лицо, которое часто снилось мне в детстве. Только сейчас я поняла, что маленький, озлобленный ребенок, живший во мне когда-то, никуда не девался. Каждый раз, когда мой взгляд падал на Кэрол-Линн, этот ребенок просыпался и начинал топтать ногами и сжимать кулачки. И я, и моя мать стали старше, но мои злость и отчаяние отнюдь не остыли.

– Прекрасная идея, – сказала я в надежде, что Кэрол-Линн позабудет о своем намерении, но ее зеленые глаза на мгновение заглянули в мои, заглянули с надеждой и ожиданием, и на секунду мне вдруг захотелось, чтобы она *не* забыла, чтобы действительно начала что-то делать.

Тогда я могла бы уехать, бросить ее как раз в тот момент, когда воссоздаваемый своими руками сад начал бы что-то для нее значить.

Да, я *хотела* причинить ей боль. Другой вопрос – помогло бы это уменьшить мою собственную обиду и горечь?

Открыв кухонную дверь, я пропустила Кло и Кэрол-Линн в дом и, убедившись, что они направились в гостиную, где стоял телевизор, вприпрыжку помчалась вверх с намерением принять столько таблеток, сколько потребуется, чтобы избавиться и от сжигавшего меня гнева, и от нарастающего чувства вины. Но вот и моя комната... Вытряхнув на ладонь две таблетки, я проглотила их не запивая. На то, чтобы наполнить водой стакан, стоявший на моем ночном столике, требовалось время, а я больше не хотела никаких отсрочек. Ожидая, пока лекарство подействует, я опустила на край кровати и устала на бабочек на обоях, гадая, почему они до сих пор не разлетелись.

Потом я спросила себя, кем была молодая женщина, похороненная под моим кипарисом, и почему она предпочла заговорить из могилы именно сейчас.

Глава 11

Аделаида Уокер Боден. Индиэн Маунд, Миссисипи. Июнь, 1923

Раздвигая руками высокие стебли посаженной мною бамии, я собирала нежные, крупные стручки, а тетя Луиза стояла позади меня, держа наготове овощную корзинку. Установившаяся еще в начале мая жара привела к тому, что бамия росла не по дням, а по часам, и мне приходилось чуть не ежедневно собирать урожай, поскольку в противном случае растения могли полечь под собственной тяжестью, и тогда каждый стебель пришлось бы подвязывать. Сейчас было только девять утра, но солнце шпарило всюду, и мои алые георгины, росшие вместе с геранью в горшках у задней веранды, поникли и опустили листья. Точно так же, как мои цветы, обвисли и широкие поля шляпы, которую тетя Луиза надела, спасаясь от обжигающих солнечных лучей.

И все же, несмотря на жару, мы предпочитали работать в саду, лишь бы не торчать дома. В последнее время Уилли и дядя Джо спорили буквально из-за всего, а в особенности – из-за того, стоит ли вкладывать деньги в земельные участки во Флориде. Уилли, который только что закончил первый курс Миссисипского университета, утверждал, что родители его однокурсников зарабатывают бешеные деньги, строя там отели, – и все благодаря этой новоизобретенной штуке, которая называется «кондиционированием воздуха». Дядя Джо возражал, что с тем же успехом можно жечь деньги прямо в камине: мороки будет меньше, а результат тот же. Он считал, что единственным способом добиться финансового благополучия является обработка земли и выращивание хороших урожаев, а вовсе не строительство на плодородных участках больших дурацких домов.

В этом месте кузен обычно поворачивался ко мне, но я старательно игнорировала его устремленный на меня взгляд. Тот факт, что я владела и домом, и землей, а мой дядя ими только управлял, был чем-то похож на последний кусок пирога на обеденном столе, который все замечают, но о котором стараются не говорить. Я знала, что за обработку моей земли дядя Джо получает деньги и что платит ему банк, точнее, некое «доверенное лицо» (что это за «лицо», так и осталось для меня загадкой), так что старался он, по крайней мере, не бесплатно. Кроме того, благодаря этому дядя и его семья могли жить в моем доме вместе со мной.

Беда была в том, что Уилли ненавидел возиться с землей, ненавидел вставать с первыми лучами солнца и обходиться без сна в сезон сева и сбора урожая. Он также терпеть не мог нашу плодородную грязь, упрямых мулов и тупых фермеров, способных жить в шалашах на краю своих полей без канализации, электричества и других благ цивилизации. Себя Уилли считал созданным для лучшей доли и не упускал случая напомнить об этом окружающим.

Споры между дядей и Уилли не прекращались уже полгода, с тех самых пор, как отец Сары Бет вложил некоторую сумму в какое-то место под названием Бока-Ратон¹¹ – и за считанные месяцы удвоил свой капитал. Сегодня спор начался еще за завтраком. Час спустя дядя и кузен все еще спорили, и мы с тетей Луизой поняли, что нам обеим стоит подыскать себе какое-то занятие вне дома.

Протянув тете очередную пригоршню стручков бамии, я перешла к следующему растению. Работала я без перчаток. Тетя это не одобряла, но мне ужасно нравилось прикасаться к плотным, слегка поскрипывавшим под пальцами стручкам и стеблям. Многие люди – тетя Луиза в том числе – были чувствительны к коже бамии: от прикосновения к стручкам у них краснела кожа и появлялась сыпь, но я никогда от этого не страдала. Порой мне даже каза-

---

¹¹ Бока-Ратон – город на юго-востоке Флориды.

лось, что это растения решили таким образом отблагодарить меня за то, что я люблю с ними возиться.

– Какие у тебя замечательные бобы, Аделаида! – сказала тетя Луиза. – Просто прекрасные! Не представляю, как ты этого добиваешься. Мои подруги в клубе садоводов-любителей жалуются, что в этом году жуки-вонючки снова добрались до их посадок. Съели все подчистую, представляешь? Никто из них так и не смог с ними справиться, и только ты... У тебя определенно есть дар, моя дорогая. Твои мама и бабушка тоже были талантливыми садоводами, – добавила она, чуть понизив голос. – И обе были президентами нашего местного Общества садоводов-любителей. Когда ты немного подрастешь, я непременно рекомендую тебя в члены... Впрочем, в рекомендациях ты не нуждаешься, но таков уж порядок.

Я улыбнулась, стараясь показать тете, как я ей благодарна. Тетю Луизу я очень любила: она делала все, чтобы заменить мне мать, и ни разу не сказала ничего плохого о своей сестре и о том, как она умерла. Вместе с тем она, несомненно, считала, что я слишком похожа на маму – слишком эмоционально неуравновешенна, легковозбудима, склонна питать необоснованные надежды и к тому же наделена повышенной чувствительностью к любым разочарованиям и неудачам. Я чувствовала это по тому, как часто тетя Луиза заговаривала о будущем. Она словно пыталась убедить нас обеих в том, что я никуда не денусь, никуда не уеду и не исчезну и что по прошествии многих лет я все так же буду возиться в саду и сажать георгины в больших глиняных горшках на задней веранде. И, конечно, председательствовать в местном Обществе садоводов-любителей.

Слегка наклонившись, я выдернула проросший между стеблями бамии сорняк.

– Что ты, тетя, без твоей рекомендации мне не обойтись. Твое доброе имя способно открыть передо мной любые двери! – «А моя широко известная дружба с Сарой Хитмен – закрыть, хотя ее отец и возглавляет городской банк, а мамаша заседает во всех мыслимых общественных комитетах», – добавила я мысленно.

– Ты очень милая девушка, Аделаида. И если бы не... обстоятельства, которые нас свели, я была бы абсолютно счастлива, что Бог послал мне такую племянницу.

Я кивнула, не поднимая глаз от земли. Со стороны могло показаться, будто я продолжаю высматривать между стеблями бамии ростки других сорняков, но истина заключалась в том, что я очень не любила разговаривать о своей матери. Даже упоминаний о ней не любила! В прошлое Рождество я впервые не пошла вместе со всеми к ней на могилу, которая, как и положено, находилась вне кладбищенской ограды. Почему маму похоронили на неосвященной земле, я теперь знала – Сара Бет мне все подробно объяснила. После этого я долго ждала, пока тетя Луиза или дядя Джо сделают то же самое, да так и не дождалась. Возможно, они до сих пор считали, что я ничего не знаю и не замечаю.

Свое родство с матерью я отчетливее всего ощущала именно в саду. Я помнила, как мы приходили сюда, как сажали в землю крошечные семена, как потом собирали поспевшие овощи и фрукты, которые мы вырастили вместе. Иногда мне казалось, что таким образом мать старалась подготовить меня к своему уходу. Она учила меня, когда надо сеять и когда жать (совсем как говорится в Библии), и теперь каждый раз, когда я погружала пальцы в рыхлую плодородную землю, мне казалось, что я задаю новый вопрос и что ответ я непременно получу весной, когда на грядках появятся первые робкие ростки.

Резкий звук автомобильного клаксона заставил нас обеих вздрогнуть.

– Ради всего святого! – воскликнула тетя Луиза и резко выпрямилась. – Что там еще случилось?!

– Ничего не случилось. – Я тоже встала во весь рост и тщательно вытерла руки. – Просто мистер Хитмен купил Саре Бет на семнадцатилетие собственный автомобиль и научил им управлять. Сара обещала, что заедет ко мне в эти выходные, чтобы показать подарок.

Тетя Луиза поджала губы.

– Не знаю, о чем он только думает, этот человек! – проговорила она негромко. – Его дочь и без автомобиля совершенно... неуправляемая! – Поставив корзину со стручками бамии на плитки садовой дорожки, она сняла шляпу и тщательно проверила, в порядке ли ее прическа. Ее волосы были заплетены в косу и уложены на затылке в тугий пучок – как всегда носила она сама и как до сих пор носили все настоящие леди Индиэн Маунд. Мне тетя в конце концов все же разрешила подстричь волосы, как у Сары Бет, но не позволила сделать завивку, так что мне приходилось их закалывать. Мне, конечно, ужасно нравилась завивка, но тетя Луиза сказала, что со всеми этими искусственными локонами девушки выглядят вульгарно, а вульгарность – лучший способ стяжать репутацию легкодоступной женщины.

Клаксон снова загудел, и я метнулась к выходу из сада.

– Не спеши! – крикнула мне вслед тетя Луиза. – По правилам хорошего тона ты должна дожидаться, пока твоя подруга поднимется на парадное крыльцо! Если она этого не знает, значит... значит, она не имеет никакого представления о хороших манерах!

С тех самых пор, как по настоянию миссис Хитмен тетю Луизу не приняли в Общество любителей истории Индиэн Маунд (под предлогом того, что она, дескать, не владеет в городе никакой недвижимостью), тетя каждый раз использовала манеры Сары Бет как наглядный пример неспособности ее родителей (и в особенности – ее матери) воспитать дочь так, чтобы превратить ее в настоящую леди.

Потом тетя Луиза снова взяла в руки овощную корзинку и направилась к дверям кухни. По пути она ни разу не обернулась – она и так знала, что я следую за ней. Пока тетя замешкалась, чтобы водрузить корзинку на разделочный стол в кухне, я обогнула ее и выскользнула в коридор. В парадной прихожей я резко остановилась.

Парадная дверь была распахнута настежь, а дядя Джо и Уилли уже спускались по ступенькам крыльца к сверкающему ярко-красному автомобилю, стоявшему на круговой подъездной дорожке. За рулем сидела Сара Бет. Ее лоб был повязан шелковым платком. Рядом с ней на переднем сиденье сидел какой-то мужчина в канотье из соломки. В следующую секунду я узнала Джона Ричмонда и замерла на месте, не в силах пошевелиться.

– О нет!.. – чуть слышно простонала я, с особенной остротой осознав, что на мне ветхое, пропотевшее под мышками садовое платье и фартук, что руки мои – в земле, шляпка сбилась, а лоб блестит от испарины.

Тем временем Джон выбрался из машины и обошел ее кругом, чтобы помочь выйти Саре. Опираясь на его руку, Сара Бет широко улыбнулась, и я почувствовала подступающую дурноту.

– Что случилось? – Тетя Луиза выглянула из-за моего плеча, и ее брови взлетели вверх. – Кто этот молодой джентльмен?

Первым моим побуждением было броситься бежать, пока меня никто не увидел, но тетя загоразивала мне дорогу, а Сара Бет и Джон уже поднимались по ступенькам парадного крыльца. Дядя Джо в жилете и рубашке с закатанными рукавами стоял, уперев руки в бока (так он всегда делал, когда был крайне разочарован чьими-либо манерами) и, слегка покачивая головой, разглядывал новенький красный автомобиль.

– Шикарная машина, Сара Бет! Твоя?.. – Удостоив мою подругу лишь беглого взгляда, Уилли бросился вперед, чтобы получше рассмотреть это механическое чудо.

Джон, галантно поддерживавший Сару Бет под локоть, в нерешительности остановился на пороге. Меня он пока не заметил, и я подумала, что, быть может, я еще успею юркнуть обратно в кухню. Со дня нашей первой встречи я видела его, наверное, раз пять или шесть, и все благодаря Саре Бет, которая как-то подозрительно увлеклась экспериментами со своим жемчужным ожерельем. То она хотела его укоротить, то удлинить, то у нее рвалась нитка, то ломался замочек. Каждый такой случай требовал поездки в ювелирную лавку – и каждый раз Сара Бет брала меня с собой.

Джон Ричмонд держал себя с нами как образцовый джентльмен, что, впрочем, не мешало ему отчаянно со мной флиртовать. Он, однако, еще ни разу не угостил меня молочным коктейлем и не пригласил в синематограф, и я решила – это потому, что я кажусь ему слишком юной. Однажды перед поездкой Сара Бет покрасила мне губы помадой и завила волосы, чтобы сделать меня чуть постарше. Кроме того, она одолжила мне пару прозрачных фильдеперсовых чулок, поскольку у меня вообще никаких чулок не было. Не удивительно, что я чувствовала себя рождественским гусем, когда он уже готов отправиться в духовку – украшенным зеленью и с перевязанным бечевкой крылышками. Увидев меня, Джон не сумел скрыть своего удивления, и я выскочила из лавки как ошпаренная. С тех пор я его не видела.

Мгновение спустя Сара Бет заметила меня и, широко разведя руки, бросилась ко мне с такими радостными воплями, словно мы не виделись по меньшей мере месяц.

– Аделаида, дорогая! Я сказала папе, что мне просто необходимо взять машину и немного проветриться. Я буквально изнемогаю от жары; на улице, наверное, целая тысяча градусов, а у нас дома и того больше. А потом я вспомнила, что у Джона сегодня выходной, и решила, что нам четверым следовало бы искупаться. Как ты на это смотришь?

Прежде чем ответить, я украдкой посмотрела на Джона. Он чуть заметно улыбался, так что в уголках его прищуренных глаз появились тонкие лучики-морщинки, похожие на гусиные лапки. На мгновение мне даже показалось, что он – как и моя тетя – считает Сару Бет легкомысленной и ветреной болтушкой и что эта легкая улыбка предназначена мне одной.

Потом я перехватила неодобрительный тетин взгляд и поспешила представить Джона моим родным. Он почтительно пожал руку дяде и так ослепительно улыбнулся тете Луизе, что она немного оттаяла.

– Прошу извинить меня за это непрошеное вторжение, – сказал Джон с такой изысканной вежливостью, какая сделала бы честь и прирожденному южанину, – но мисс Сара так меня торопила, что я едва успела надеть мой купальный костюм.

Только сейчас я заметила, что все это время Джон одну руку держал за спиной. Мгновение спустя он жестом фокусника протянул тете букет крупных белых лилий, и я вынуждена была отвернуться, чтобы не рассмеяться в голос. У меня не было никаких сомнений, что эти цветы он взял из вазы в прихожей Хитменов. Мать Сары Бет обожала свежие лилии, поэтому в доме Хитменов они стояли во всех комнатах вне зависимости от времени года.

Но тетя Луиза не знала, откуда взялись эти цветы, поэтому на нее этот жест произвел очень сильное впечатление. Я видела, что моя тетя тает, словно брусок масла, который слишком долго пролежал на кухонном столе.

– О, мистер Ричмонд, вы так добры!.. Прекрасные лилии! С вашего позволения, я поставлю их в лучшую вазу... – Ее взгляд остановился на моих волосах, и тетя осеклась. – Стой смирно, Аделаида! Не двигайся!

Я подчинилась, сразу догадавшись, что тетя могла увидеть у меня на голове. За всю жизнь осы кусали меня всего дважды, но мне этого хватило. В первый раз оса ужалила меня в пятку, когда я на нее наступила, – тогда мне было всего три года, и моя нога за считанные секунды раздулась как бревно. Когда мне исполнилось одиннадцать, оса укусила меня в плечо, и я чуть не задохнулась от отека горла. Врач, который вытащил меня буквально с того света, предупредил, что впредь мне следует работать в саду исключительно в перчатках и в платьях с длинными рукавами, поскольку третьего укуса я могу и не пережить. Совету доктора, несмотря на уговоры и просьбы тети Луизы, я так и не последовала, самонадеянно полагая, что сумею быть осторожной. Впрочем, я все же старалась держаться как можно дальше от ос, пчел и шмелей, хотя мне и не верилось, что такие крошечные существа могут причинить столько серьезных проблем.

Я закрыла глаза. На несколько секунд вокруг стало тихо – все, кто стоял рядом, замолчали и, кажется, даже затаили дыхание. Потом я почувствовала на лбу легкое дуновение и... открыла глаза. Джон стоял прямо передо мной, крепко сжимая кулак.

– Это была просто маленькая пчелка, – сообщил он и, вежливо извинившись, спустился с крыльца, чтобы отряхнуть руки. Вскоре он вернулся и, достав из кармана белоснежный батиственный платок, тщательно вытер им ладонь.

– Аделаиде нельзя, чтобы ее кусали осы! – сообщила всем присутствующим Сара Бет, размахивая в воздухе руками. – Тогда она вся краснеет и распухает, как тюлениха. Правильно? – На мгновение она повернулась ко мне и, не дав мне ответить, добавила: – А теперь, Ади, давай, поворачивайся, потому что я вот-вот скончаюсь от солнечного удара. Мы едем купаться в моей новой машине, и ты едешь с нами – здорово, правда? И твоим родителям придется тебе разрешить, потому что сегодня мой день рождения, и мне нельзя отказывать.

Я сделала пару шагов вперед, чтобы получше рассмотреть машину, но лучше бы я этого не делала. Мои руки все еще были в земле, затрапезное платье покрыто пятнами пота, а ведь на меня смотрел Джон! Стушевавшись, я попятилась.

– Ну даже не знаю... У меня еще дела в саду, к тому же мне необходимо принять ванну...

– Ты с ума сошла! – расхохоталась Сара Бет. – Принимать ванну перед купанием! Ну, Ади, не будь гусыней! Вымоешься в пруду. Мы поедем на старую плантацию Эллиса – говорят, там в пруду нет никаких змей, потому что их отпугивают привидения.

Дядя Джо за моей спиной негромко фыркнул, а я с подозрением уставилась на подругу. Сара Бет отлично знала, как я боюсь змей, поэтому, чтобы заманить меня в темную прудовую воду, где даже у берега не видно дна, требовались очень веские аргументы.

– Привидения? – переспросила я.

– Я шучу. – Сара Бет быстро захлопала ресницами. – Мы поедем в гости к Макс Грили и будем купаться в его новом бассейне. Там просто шикарно – вода такая чистая, что видно каждую плитку на дне. Хотя если ты сама хочешь поплавать в реке, можно поехать на Миссисипи... – добавила она после крошечной паузы, скроив самую невинную мину.

Я терпеть не могла купаться в реке, боясь сильного течения, способного унести человека туда, куда ему вовсе не хочется. В этом отношении купание в Миссисипи было очень похоже на мою дружбу с Сарой Бет.

Тетя Луиза так крепко сжала губы, что они почти исчезли, превратившись в тончайшую ниточку. Она никогда не одобряла Сару, и за последние двенадцать месяцев это чувство только усилилось. Год назад мистер и миссис Хитмен, верные своему слову, все-таки отправили дочь в частный пансион в Северной Каролине, но я была уверена, что еще до Рождества она будет дома. Ничто в мире не могло заставить мою подругу делать то, чего ей не хотелось. Как я думала – так и получилось. Сару Бет исключили из пансиона за курение и за то, что она отправилась гулять с парнем после отбоя (правда, сама Сара утверждала, что этот парень ничего для нее не значил и что она встречалась с ним только затем, чтобы заставить ревновать Уилли). Как бы там ни было, она вернулась домой и с тех пор вела себя так, что городские матроны только качали головами и поджимали губы – как моя тетя сейчас. Сара Бет и раньше была почти неуправляемой, теперь же она напоминала резвую пташку, которая вырвалась из клетки и порхает с ветки на ветку, не имея ни малейшего желания возвращаться обратно.

Словно почувствовав настроение моей тетушки, Сара сказала:

– Не волнуйтесь, миссис Боден. В качестве дуэньи с нами поедет Матильда, дочка Берты.

Я снова шагнула вперед, не в силах отвести глаз от сверкающей лаком красной машины. На заднем, самом неудобном сиденье – так называемом «тещином месте»¹², – действительно

---

¹² «Тещино место» – в некоторых автомобилях 1920-1930-х гг. (преимущественно с кузовами купе и родстер) дополнительное открытое сиденье в задней части автомобиля, которое могло складываться, причем спинка сиденья служила и крыш-

сидела Матильда, державшая на коленях огромную корзинку для пикника. Ни крыши, ни тента над ней не было, поэтому она накрыла голову красным носовым платком, уголки которого были завязаны узлом. Платок успел потемнеть от пота. Глаза Матильды были крепко зажмурены от ужаса – видимо, водительское мастерство и стиль езды Сары Бет произвели на девочку неизгладимое впечатление.

– Ну хорошо, я поеду, – сказала я неожиданно для себя самой. – Но только в бассейн. Подождите меня пару минут, я только поднимусь к себе, чтобы переодеться.

С этими словами я направилась к лестнице. По пути меня обогнал Уилли, который, не в силах сдержать свой восторг от предстоящей поездки, мигом позабыл все увещания тети Луизы, требовавшей, чтобы он в любых обстоятельствах сохранял спокойствие и вел себя как подобает джентльмену, и прыгал аж через две ступени.

Сама Сара Бет, по-видимому, надела купальный костюм прямо под платье.

Оказавшись у себя в комнате, я надела свой в высшей степени целомудренный купальник (я знала, что он действительно скромный, потому что точно такой же купила себе тетя Луиза), натянула через голову простое хлопчатобумажное платье и снова ринулась к дверям, боясь передумать.

Джон сел со мной на заднее сиденье, а Уилли устроился впереди рядом с Сарой. Прежде чем забраться в салон (Джон галантно придержал мне дверцу), я ободряюще улыбнулась Матильде, которая успела настолько прийти в себя, что открыла глаза. На мгновение наши взгляды встретились, но потом девочка сразу отвернулась.

Когда машина тронулась, я поняла, что Матильда здесь далеко не единственная, кто боится быстрой езды. Сара Бет вела автомобиль по неровной дороге с такой скоростью, что меня швыряло и бросало в разные стороны. Время от времени я, не удержавшись, наваливалась на Джона, и это повергало меня в самое настоящее смятение, поскольку я еще никогда в жизни не сидела так близко к мужчине, который не был моим родственником (воскресные церковные службы не в счет). Несколько раз я пыталась вцепиться в верхний край дверцы, но на очередном ухабе мои пальцы снова соскальзывали. Дело кончилось тем, что Джон крепко обнял меня за плечи и прижал к себе.

– Только чтобы ты не ушиблась, – пояснил он.

Что касалось Уилли, то он сидел довольно близко к Саре и что-то нашептывал ей на ушко, заставляя ее громко хихикать. Это обстоятельство отнюдь не улучшало залихватскую манеру Сары вести машину, но я почти не обращала внимания на то, что каждую минуту могу запросто вылететь из кузова. Главное, у меня оставался предлог и дальше прижиматься к Джону, а сейчас именно этого мне хотелось больше всего.

Увы, если на переднем сиденье царили оживление и смех, то у нас, на заднем, было как-то слишком тихо. Я, к примеру, не имела ни малейшего представления, что мне следует сказать своему спутнику, и только таранилась на новенький хром сидений. Молчание становилось гнетущим, и в конце концов я не выдержала и выпалила первое, что пришло в голову:

– Ты уверен, что тебе можно купаться?

– Что-что? – не понял Джон.

Я слегка наклонила голову в его сторону (повернуться к нему лицом я не решалась, потому что тогда я бы точно врезалась носом в его подбородок).

– Ну из-за твоих легких...

– Из-за моих легких?

– Ну да... Мистер Пикок говорил, что ты переехал в Миссисипи, потому что у тебя были больные легкие и ты не мог вынести холодных миссурийских зим.

кой всего отсека. «Тещино место» было малокомфортабельным и опасным, поэтому на современных автомобилях его не делают.

При этих моих словах Джон как-то странно закашлялся, и я, испугавшись, что у него, возможно, начинается приступ его таинственной «легочной» болезни, все же повернулась к нему – и, конечно, тут же ткнулась носом куда-то ему под челюсть. Разумеется, я сразу попыталась отодвинуться, но Джон держал меня крепко и только продолжал издавать горлом какие-то странные звуки. От него хорошо пахло, и мне тоже захотелось его обнять, но я представила неодобрительно нахмуренные брови и поджатые губы тетушки и сдержалась.

В конце концов мне удалось высвободиться. Чтобы снова не упасть в его объятия, я вцепилась руками в спинки переднего и заднего сидений.

– В чем дело?! Ты... смеешься?

Джон, однако, уже успокоился и смотрел на меня, как, бывало, дядя Джо смотрел на Уилли, когда тому удавалось случайно сказать что-нибудь умное.

– Мои легкие в полном порядке, Аделаида.

Я растерялась.

– Но мистер Пикок сказал...

– Ты умеешь хранить секреты? – негромко спросил он, и я бросила взгляд сначала на переднее сиденье, где Сара Бет и Уилли разговаривали о чем-то своем, потом в заднее окошко, где маячил курчавый затылок Матильды. По ее шее, попадая за воротник платья, обильно стекал пот, и я подумала, что бедняжка, наверное, снова зажмурилась и изо всех сил старается представить, будто она находится где угодно, но только не на заднем сиденье алого родстера.

– Да, умею, – шепотом ответила я, пытаюсь не смотреть на ту часть его шеи, куда я несколько мгновений назад уткнулась носом и... губами. У его кожи был восхитительный солоноватый вкус!

– Мои легкие в полном порядке, – повторил Джон. – Мои родственники выдумали эту болезнь, чтобы... Видишь ли, моя настоящая фамилия – Райхман, потому что мои родители – немцы. То есть они, конечно, уже не настоящие немцы, потому что живут в Америке больше тридцати лет, а я и родился здесь – в Сент-Луисе. К сожалению, во время войны многие невежественные люди считали каждого, кто произносит слова с немецким акцентом, врагом или шпионом, да и наша фамилия не вызывала у окружающих, скажем так, особенных симпатий. По ночам соседи стреляли в наших коров и овец и поджигали наши амбары. Отец очень за меня боялся, поэтому, когда мне исполнилось двенадцать, он отправил меня в ваши края, чтобы я немного пожил с его сестрой и ее мужем. Здесь же я поменял фамилию на Ричмонд, чтобы никто не мог назвать меня «немецкой колбасой» и шпионом. Ну а после того как я прожил в Миссисипи достаточно долго, я решил остаться здесь. – Джон улыбнулся. – У отца, кроме меня, есть еще шестеро сыновей, так что о нашей ферме найдется кому позаботиться. Я им там не особенно нужен.

– Вот как?.. – проговорила я, глядя на разделявшую нас полоску сиденья. – Что ж, это похоже на правду... То есть я хотела сказать – ты вовсе не выглядишь каким-то там больным! – поправила я.

В ответ Джон бережно взял меня за подбородок и заставил приподнять голову.

– Я здоров как бык, – заявил он, и было в его голосе что-то такое, что обожгло меня сильнее июньского солнца.

Автомобиль затормозил с резким рывком, я выглянула в окно и сразу поняла, где мы находимся.

– Зачем ты привезла нас сюда, Сара Бет?! – выкрикнула я. – Ты же обещала, что мы поедим к Максу Грили! Мне... нам сюда нельзя! Если дядя Джо узнает, что мы купались в пруду на плантации Эллиса, он запретит меня в моей комнате и не выпустит до конца жизни!

– Перестань, Ади! – отозвалась с переднего сиденья Сара. (Между прочим, я терпеть не могла, когда она называла меня этим сокращенным именем. В ее устах оно звучало как-то...

пренебрежительно.) – Никто ничего не узнает, если только мы сами не проболтаемся. Не будь ребенком, и давай развлекаться!

Я с укоризной поглядела на нее, хотя знала – возражать и спорить бесполезно.

Джон отворил дверцу и помог мне выйти из машины. Еще стоя на подножке, я заметила, что Матильда никак не может выбраться с «тещиного места» – похоже, ее укачало, да и корзина для пикников здорово ей мешала. Сара Бет и мой кузен уже шагали по направлению к развалинам старого плантаторского дома, и только Джон продолжал терпеливо протягивать мне руку, ожидая, чтобы я оперлась на нее.

– Пстой! – сказала я Матильде и, соскочив на землю, шагнула к багажнику машины. – Ну вот... – Я взяла у нее корзинку. – Я подержу, а ты вылезай.

Матильда с благодарностью взглянула на меня, и я заметила, что глаза у нее светлее, чем я всегда думала: они были не темно-карими, а скорее светло-ореховыми, а в глубине поблескивали зеленые искорки.

– Благодарствую, мис Делаида, – негромко сказала девочка и, выбравшись из машины, снова взяла у меня корзинку. Держа ее обеими руками, она быстро двинулась в ту сторону, куда ушли Сара Бет и Уилли.

Оглянувшись, я увидела, что Джон как-то странно глядит на меня.

– С твоей стороны это было очень... благородно, Аделаида.

Я смущенно пожала плечами.

– Мама учила меня обращаться с людьми так, как мне хотелось бы, чтобы они обращались со мной, – пояснила я и добавила: – Я не очень хорошо помню маму, вот и стараюсь исполнять хотя бы это.

Джон улыбнулся, а я вдруг осознала, что мы остались возле автомобиля совершенно одни. Пожалуй, тетя Луиза этого бы не одобрила... даже точно не одобрила, но сейчас мысль об этом меня только слегка возбудила, как возбуждает струйка холодной воды, которая случайно попадет тебе за шиворот в жаркий день, так что я даже слегка вздрогнула. До сих пор я еще никогда не оставалась с мужчиной наедине – не то чтобы я не хотела, просто тетя Луиза и дядя Джо старались предотвратить любую подобную возможность. Они же строго-настрого запретили мне бывать на старой плантации. Краем уха я не раз слышала, как дядя и тетя разговаривают между собой о каких-то «подозрительных личностях», которые, бывает, селятся в уцелевших хижинах рабов, но все дети в Индиэн Маунд точно знали: на самом деле взрослые не пускают нас туда только потому, что заброшенную усадьбу облюбовали привидения и духи.

Я, конечно, уже не раз бывала у старой усадьбы, и никаких сомнений в существовании духов у меня не возникло. Чтобы убедиться в правдивости циркулирующих среди детей и подростков слухов, достаточно было просто взглянуть на фасад дома, окна которого смотрели на мир хмуро и мрачно, словно пустые глазницы. Порой в окнах второго этажа, где чудом уцелело несколько стекол, мелькала какая-то тень, хотя даже младенцу было известно: перекрытия в доме давно истлели, полы провалились, так что ходить вдоль окон было попросту не по чему.

Взрослые невольно укрепляли нас в наших подозрениях. Никто из них не охотился ни в густых лесах вокруг старой усадьбы, ни в пустующих хлопковых полях, заброшенных сразу после Гражданской войны. Мужчины говорили, что даже животные как будто чувствуют что-то неладное и стараются держаться подальше от этих мест. В результате поля с каждым годом все сильнее зарастали сорняками и молодыми сосенками. Дядя Джо часто говорил – мол, грешно позволять такой прекрасной земле пропадать зря, но я считала, что это естественный процесс, вмешиваться в который человеку негоже. Да, мне было всего шестнадцать, но я была внимательна к мелочам и побывала на достаточном количестве школьных уроков, чтобы понять: рано или поздно Миссисипи и прилегающие к ней земли все равно вернут себе то, что было украдено у них людьми, да еще и потребуют самой высокой платы за дерзкую попытку заставить

их делать то, что никогда не предполагалось природой. Так уж была устроена жизнь в Дельте, и ничего поделаться с этим не мог, наверное, даже сам Господь Бог.

Пытаясь развеять тишину, которая незримо висела в тени деревьев, цеплялась за ветви кустов и стебли трав, звенела голосами птиц и насекомых, я заговорила, причем, боюсь, заговорила чересчур громко:

– Эта старая плантация когда-то принадлежала семье Сары Бет – каким-то ее предкам по материнской линии, что ли... Сразу после войны они перебрались в Новый Орлеан, где у них оставались родственные связи. – Что такое эти самые «родственные связи», я представляла довольно смутно, но тетя Луиза всегда пользовалась именно таким выражением, и я решила, что, повторив его, буду выглядеть взрослее. И умнее.

– Часть своих освобожденных рабов они забрали с собой, – продолжала я. – Кстати, мать Матильды, старая Берта, тоже из них. Говорят, во время войны дедушка миссис Хитмен прорывал блокаду и сумел нажить огромное состояние. Когда война закончилась, он не стал возвращаться в поместье, а занялся коммерцией или чем-то в этом роде.

– А кому теперь принадлежит эта земля? – Джон шагал рядом со мной, почтительно заложив руки за спину, но так близко, что я то и дело прикасалась к нему локтем.

– Думаю, по-прежнему им, Хитменам, – сказала я, немного подумав. – Дядя Джо говорит, что поскольку мистер Хитмен, отец Сары, стал теперь президентом банка и важной шишкой, ему не хочется пачкать руки, ковыряясь в земле. – Я подняла взгляд и увидела, что Джон улыбается мне той самой улыбкой, от которой я чувствовала себя сущим ребенком. – Ох, извини!.. – От огорчения я даже остановилась. – Я совсем забыла, что твои родители тоже фермеры. А я думала – они часовщики...

– Не извиняйся. На мой взгляд, фермерство – тоже важное и вполне почтенное занятие. – Джон снова улыбнулся. – Далекое не каждый человек способен вырастить урожай... тем более – хороший урожай. В конце концов, не всем хватает терпения месяцами дожидаться дождя или молиться, чтобы дождь прекратился.

– А мне нравится работать в саду и на огороде и выращивать разные... вкусные вещи, – призналась я, осмелев от его доброй улыбки. – И у меня, говорят, неплохо получается. Даже в засушливые годы мне всегда удается вырастить отличный урожай овощей. Тетя Луиза говорит, что у меня в роду было много замечательных садоводов.

Сделав еще несколько шагов по заросшей травой грунтовой дороге, мы вдруг остановились, только сейчас сообразив, куда нас занесло. Сами того не заметив, мы обогнули развалины усадьбы и оказались на ее заднем дворе, где стояло несколько подсобных строений без крыш. Воздух здесь буквально звенел от жужжания тысяч мошек и москитов, которые во множестве вились над нашими головами, но не кусались, словно и они ощущали окружавшее нас волшебство. Между стволами ив поблескивало зеркало старого пруда, а мгновение спустя мы услышали смех Сары Бет и громкий всплеск.

Бережно взяв меня за руку, Джон повел меня прочь от берега.

– Давай пойдем здесь, – сказал он, отыскав чуть заметную тропу, огибавшую заросли молодых сосенок. Тропа выглядела довольно живописно, поэтому я пошла за Джо без колебаний, однако сразу за сосновой рощей мы увидели несколько приземистых, крытых гнилой соломой хижин, в которых когда-то жили рабы.

При виде их у меня задрожали колени, и вовсе не потому, что я вспомнила предостережения тети, строго-настрого запрещавшей мне оставаться наедине с юношей или мужчиной, который не является моим близким родственником. На самом деле сейчас я подумала о том, что может обитать здесь, помимо пресловутых «подозрительных личностей», в которых я, откровенно говоря, не особенно верила.

– К-куда мы идем? – спросила я, тщетно стараясь изгнать из своего голоса предательскую дрожь.

– Мы уже пришли. – Джон внезапно остановился и повернулся ко мне. – С тех пор как год назад я впервые увидел тебя в лавке мистера Пикока, мне очень хотелось остаться с тобой наедине. А знаешь, чего мне хотелось еще больше?

– Чего? – ответила я шепотом, потому что язык с трудом мне повиновался, а горло перехватило.

– Вот чего... – С этими словами Джон сдвинул свое каноэ подальше на затылок, потом бережно заключил мое лицо в ладони и наклонился. Я почувствовала его губы на своих губах, и...

В этот момент я почему-то подумала о том, что *этого* тетя Луиза точно бы не одобрила, сколько бы лилий Джон ей ни принес.

А он уже отстранился и теперь внимательно разглядывал мое лицо.

– Это было еще приятнее, чем я надеялся, – промолвил Джон с улыбкой и, прикоснувшись кончиком пальца к моей нижней губе, слегка отогнул ее вниз. Он уже готов был поцеловать меня снова, когда я вдруг заметила тонкий столб прозрачного дыма, поднимавшегося в воздух из-за ближайшей хижины. Этого оказалось достаточно, чтобы я высвободилась и отскочила на полшага назад. Джон, – удивленный, но, кажется, не обиженный, – проследил за моим взглядом.

– Здесь кто-то есть! – произнесла я страшным шепотом. Я не знала, что хуже – «подозрительные личности» или призраки, но встречаться ни с теми, ни с другими мне не хотелось.

Джон осторожно взял меня за плечи.

– Они нас не тронут. Если мы не станем лезть в их дела, то и они оставят нас в покое.

Я хотела согласиться в надежде, что за этим последует еще один поцелуй, но вдруг заметила нашу корзину для пикника, стоящую на траве перед дверями хижины, над которой я заметила дым. Поспешно отстранившись, я произнесла шепотом:

– Матильда здесь! Мы должны удостовериться, что с ней все в порядке.

Джон тоже заметил корзинку. Не говоря ни слова, он взял меня за руку и повел вперед, так что мне оставалось уповать только на то, что призракам настоящий огонь ни к чему. Сначала я думала – мы потихоньку подкроемся к хижине и так же незаметно вернемся, чтобы нас никто не увидел, но Джон шагал по траве, нисколько не скрываясь. Не успела я и глазом моргнуть, как мы обогнули хижину, и я услышала приглушенные голоса. Здесь Джон остановился, и я сильнее сжала его руку, встав так, чтобы его широкая спина прикрывала меня от возможной опасности.

Воздух над небольшой поляной был насыщен каким-то странным запахом: пахло как будто уксусом и чем-то еще, но чем – я сказать затруднялась. Был там и еще один запах – не такой резкий и сильный, но как раз он-то был мне хорошо знаком. Так порой пахло от мистера Хитмена, когда он по вечерам возвращался из банка домой.

Сердце мое отчаянно билось, и я подумала, что Джон, наверное, слышит его гулкие удары и чувствует, как кровь пульсирует в моих пальцах. Скорее всего, во всем был виноват страх, вызванный появлением на заброшенной плантации каких-то подозрительных людей, но, возможно, я взволновалась из-за недавнего поцелуя и из-за того, как нежно Джон сжимал мою руку.

– Добрый день, – произнес Джон так спокойно, словно зашел к друзьям выпить лимонада. Выглянув из-за его плеча, я почувствовала, как от удивления мой рот сам собой приоткрылся. В центре поляны стояли две большие бочки, на одну из которых была взгромождена перевернутая медная лохань. Бочки соединяла между собой короткая медная трубка. Под большим медным баком горел небольшой костер, и вверх поднимался столб светлого, смешанного с паром дыма, который и привлек мое внимание. Вокруг бочек валялись на траве не меньше дюжины пустых кувшинов, а возле бака сидели на деревянных чурбаках чернокожий мужчина, белая женщина и... Матильда. Чуть в стороне от нее стоял чернокожий паренек примерно моего воз-

раста, одетый в холщовые штаны и босой. На меня он смотрел таким взглядом, каким мясник смотрит на свиную тушу, прикидывая, какую часть отхватить первой.

Услышав голос Джона, мужчина и женщина удивленно вскинули головы. Потом мужчина не спеша поднялся и, зайдя за спину женщине, опустил руку ей на плечо, как бы давая понять, что они не дадут друг друга в обиду. Щеку женщины оттопыривала табачная жвачка. Не отводя от меня взгляда, она поднесла к губам небольшой кувшин, внутри которого плескалась какая-то темная жидкость, сплюнула в него густой коричневой слюной, и я подумала, что эти двое, наверное, и есть те самые «подозрительные личности», о которых постоянно твердила мне тетя Луиза.

Потом я посмотрела на Матильду, у которой был затравленный взгляд кролика, на которого навел ружье охотник.

– С тобой все в порядке? – спросила я у нее, от души надеясь, что мой вопрос никого не оскорбит, в особенности – чернокожего мужчину, который пугал меня больше всего. Его черные курчавые волосы были припорошены сединой, но руки были толстыми, как окорока, а могучие мышцы перекатывались под ветхой и грязной рубахой, словно посаженные в мешок змеи. Спущенные с плеч подтяжки болтались, и я невольно подумала, что еще никогда не видела до такой степени *раздетого* мужчину (если не считать Уилли, но это было один раз и случайно).

Прежде чем Матильда успела ответить, Джон как ни в чем не бывало кивнул чернокожему:

– Привет, Леон.

В ответ негр склонил свою курчавую голову, и я задумалась, откуда Джон его знает и почему не представит ему меня. Матильда, похоже, и так была с ним знакома.

– Беги-ка к пруду, – сказал Джон девочке. – Я сам принесу корзинку.

Матильда метнула на Леона быстрый взгляд, словно спрашивая его разрешения, и тот чуть заметно кивнул, но прежде чем девочка успела сорваться с места, мы услышали смех и топот ног. Через мгновение Сара Бет и Уилли уже стояли перед нами. С их купальных костюмов еще текла вода, мокрые волосы были гладко зачесаны назад, словно у моделей на картинке в «Вог» – журнале, который часто лежал на столике в спальне миссис Хитмен. Мой кузен и моя подруга крепко держали друг друга за руки; в свободной руке у Сары Бет была небольшая бутылочка.

Я сразу догадалась, что это может быть, хотя никогда не видела виски вблизи, поскольку дядя Джо и тетя Луиза были убежденными трезвенниками. Не понимала я только, зачем моей подруге могло понадобиться виски.

Увидев нас, оба сразу замолчали, и я увидела, как Сара Бет слегка расправила плечи. Точно так же делала ее мать, когда собиралась отдать какие-то распоряжения слугам.

– Господи, я просто умираю от жажды!.. – проговорила Сара Бет с жеманными интонациями, приобретенными в пансионе. Стараясь придать своим словам бóльшую выразительность, она несколько раз встряхнула бутылку.

Уилли и Джон переглянулись, потом Джон аккуратно взял меня за плечи и слегка подтолкнул назад, к огибавшей хижину тропе.

– Иди с Матильдой, она знает дорогу, – сказал он. – Я вас догоню.

Я была смущена, удивлена, озадачена, а главное – я не понимала, почему Сара Бет избегает смотреть мне в глаза. Но делать было нечего, и я послушно пошла за Матильдой.

– Я хочу пить! – снова сказала позади меня Сара Бет.

Чернокожий Леон откашлялся, а белая женщина произнесла неприятным голосом:

– Вот вертихвостка, прости господи! Ничем не лучше нас.

Я почему-то представила, как она снова сплевывает в свой кувшинчик, и попыталась обернуться, но Матильда поймала меня за руку и довольно сильно потянула за собой. Я не

стала сопротивляться и поплелась следом, чувствуя себя глупой маленькой девочкой, которую уводят спать как раз тогда, когда все гости собрались и начинается самое интересное.

Оказавшись на берегу пруда, я стянула с себя платье и, стараясь не думать о змеях, с разбега бросилась в неподвижную, темную воду. Вода оказалась довольно прохладной, что в жаркий летний день было очень и очень приятно, но я знала, что она все равно не сможет смыть румянец, пылавший на моих щеках.

Глава 12

Кэрл-Линн Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. 3 апреля, 1963

ДНЕВНИК

Мне плохо. Мне *ОЧЕНЬ* плохо! Кажется, будто мои внутренности сплошь покрыты серой шершавой плесенью. Ничего подобного я не испытывала уже давно – наверное, с тех самых пор, когда мне было шесть лет, и Бутси, только что вернувшаяся домой невеста откуда, не уставала мне напоминать, что родители никогда не бросают детей без причины, а значит, во мне есть что-то такое, отчего людям не хочется меня видеть.

В прошлое воскресенье у моей подруги Джо-Эллен Паркер умер отец. Я ходила на похороны, и это заставило меня задуматься о *моем* отце. Бутси я спрашивать не стала, прекрасно зная, что толку все равно не будет, потому что каждый раз, когда я упоминаю о папе, у нее делается странное лицо, и она говорит – мол, нечего ворошить прошлое, и пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов – это у нее присказка такая. Я никогда не понимала, что это значит. Наверное, это означает, что папа умер, но это мне известно и без Бутси. Проблема в другом. Я никогда не видела своего отца, я ничего о нем не знаю, и эта *пустота* стала частью моего *настоящего*. Вот почему после похорон отца Джо-Эллен мне так хотелось узнать хоть что-нибудь о *своем* папе и заполнить, наконец, эту пустоту, которая не дает мне покоя.

Днем я пошла в кухню, чтобы помочь Матильде начистить серебро, и тут мне пришло в голову расспросить о папе у нее. Я давно поняла, что со взрослыми лучше всего иметь дело, когда они чем-то заняты, а Матильда знала о нашей семье, наверное, больше, чем любой другой человек. Кроме того, она нянчила Бутси, когда та только что родилась, и продолжала растить ее, когда моя бабушка погибла во время наводнения. Словом, я сделала попытку, и мне повезло: Матильда довольно охотно отвечала на мои вопросы, во всяком случае – поначалу.

Она сказала, что мой отец был очень приятным, хорошо воспитанным молодым человеком родом из нашего Индиэн Маунда. Его родители держали в центре города бакалейную лавку, над которой у них была квартира. Еще Матильда сказала, что Бутси полюбила папу с первого взгляда. Я, конечно, в такую фигню не верю, но мне не хотелось перебивать Матильду, которая, похоже, была настроена поболтать. Мой отец ухаживал за Бутси очень красиво – приносил ей цветы, придерживал дверь, приглашал на прогулки, а еще ему нравился наш огород и наш чудной желтый домик. Он даже утверждал, что у такого дома не может не быть своего характера (характер? у дома?! ну это он загнул!!!) и что он, наверное, очень похож на семью, которая живет в нем уже столько лет.

Наша семья ему, похоже, тоже пришлась по душе. Он говорил, что все Уокеры, как и их дом, отличаются независимостью, оригинальностью и внутренней крепостью, так что с ними не совладают никакие невзгоды и бури. А еще он сказал, что такими качествами может обладать только то, что опирается на любовь – самый прочный фундамент и для семей, и для домов.

Тут я едва не перебила Матильду. Мне хотелось сказать, что у моего отца, похоже, просто был хорошо подвешен язык, поэтому он всегда знал, что нужно сказать, чтобы добиться своего, но я снова промолчала. Если старики в чем-то уверены, не стоит даже стараться их переубедить. Во-первых, это бесполезно, а во-вторых, воспоминания и старые снимки – это все, что у них осталось.

Потом началась война. В сорок третьем году мой отец записался в армию, и они с Бутси решили пожениться до того, как его отправят на фронт. Так они и поступили, и, пожалуй,

правильно сделали, потому что в противном случае я, возможно, не родилась бы вовсе. Дело в том, что с войны отец вернулся совершенно другим. Матильда говорила – он все продолжал сражаться, хотя война давно закончилась. На окружающих папа все время злился и кричал, а порой затевал драки, так что его частенько забирали в полицию. Бутси от него тоже доставалось, к тому же она не знала, что еще он может выкинуть в следующую минуту, поэтому в относительной безопасности она чувствовала себя, только когда папа оказывался в тюрьме.

Однажды мой отец так сильно избил Бутси, что она едва не умерла. Кое-как ей удалось вырваться: сначала она бросилась в больницу, а потом... Словом, домой она вернулась только шесть лет спустя.

В этом месте я не удержалась и заплакала, и Матильда, отложив коробку с серебряными приборами, крепко обняла меня, словно я была совсем маленькой. Я хорошо знала эти объятия: крепкие, успокаивающие, надежные. Все шесть лет, пока моя мать скиталась неизвестно где, Матильда была рядом, готовая обнять, успокоить, утешить.

Но сейчас я хотела, чтобы вместо утешений она, наконец, рассказала, почему мать меня бросила и что со мной было не так.

И на этот мой вопрос Матильда ничего ответить не смогла. Она только сказала, что у каждой матери есть свой язык, которому она должна сначала научиться сама и только потом – обучить ему своих детей. Бутси пришлось учиться очень долго, потому что рана в ее душе была слишком глубокой – рана, которая появилась еще в те времена, когда ее, совсем кроху, оставила собственная мать. И не имело никакого значения, что она сделала это не преднамеренно, потому что жить без мамы – неважно, по какой причине, – это все равно что жить без сердца.

Еще Матильда сказала, что в тот день, когда мой отец избил Бутси, она получила раны куда более глубокие, чем просто синяки и ссадины, поэтому, чтобы исцелиться, ей пришлось уехать. Меня же Бутси оставляла с человеком, который, как она точно знала, будет любить меня, заботиться обо мне и сумеет быть мне матерью, тогда как сама она была на это еще не способна. Материнская любовь, сказала Матильда, это как вера. Верят же люди в Бога, хотя никто Его не видел?..

Не знаю, как насчет Бога, но я не видела свою мать целых шесть лет и почти перестала верить в ее существование. То есть я знала, что она жива, что она *где-то есть*, но это никак не влияло на тот факт, что я росла сиротой. И никакой Бог не заставил бы меня взглянуть на это по-другому! Я так и сказала, но Матильда ответила, что человек перестает смотреть на мать глазами ребенка, только когда сам становится взрослым – по-настоящему взрослым, а не только по возрасту. А еще она добавила, что я многое пойму, когда сама стану матерью. Ну не думаю... То есть не думаю, что у меня когда-нибудь будут дети. Зачем вообще заводить ребенка, если собираешься обращаться с ним так, как обращалась со мной моя мать? Да и моя бабка – та, которая утонула, – похоже, недалеко от нее ушла.

В общем, от всего этого я только расплакалась, хотя и не могла бы сказать, о чем я плачу так горько. Мне просто стало очень, очень грустно. Так грустно, как если бы я... ну даже не знаю. Как будто я увидела на грядке пустую лунку, в которой не оказалось семечка, а мне было совершенно нечего туда положить.

Вчера в школе один парень, который сидит позади меня на уроках английского – его зовут Джимми Хинкль, – сказал, что он и еще несколько ребят из Индиэн Маунд и двух других городов собираются устроить свой собственный «Рейс свободы»¹³, только проехаться они хотят по всем городским киношкам. Еще Джимми сказал, что теперь-де во всех общественных зданиях черные и белые должны находиться вместе, но кое-где на Юге это правило по-прежнему не соблюдается, а федеральное правительство ни черта не делает. В больших городах студенты

---

¹³ «Рейсы свободы» – в 1960-е гг. в США – организованные по инициативе Конгресса расового равенства автобусные поездки из северных штатов в южные в знак протеста против расовой сегрегации негров на общественном транспорте.

и прогрессивно настроенные взрослые сами проверяют соблюдение нового закона, так почему бы не сделать то же самое и у нас, в Индиэн Маунд?

И я согласилась, даже не поняв толком – почему. До этого момента я не особенно задумывалась о том, почему в кинотеатрах цветные должны сидеть на задних рядах, а я – там, где мне захочется. По большому счету мне это было вовсе не интересно, но в тот момент мне нужно было хоть что-то, чтобы не думать о прорастающей в моей душе серой, шершавой плесени. И если проблемы расовой сегрегации были способны отвлечь меня от этих мыслей хотя бы на несколько часов, почему бы не заняться этими проблемами?..

В целом все получилось, как я и хотела, и только в конце нас всех задержала полиция. «За нарушение общественного спокойствия» – как нам сказали. Джимми, наверное, предпочел бы, чтобы против нас двинули части национальной гвардии, однако в этот раз государственная машина обошлась шерифом Ойфером и двумя его помощниками. Они отвезли нас в участок и рассадили по камерам – парней отдельно, девчонок отдельно, а потом стали звонить нашим родителям.

По пути домой Бутси не сказала мне ни слова. И хотя ехать нам нужно было не больше пяти миль, мне показалось, что мы проехали пятьсот. Дома Бутси отослала меня в мою комнату без ужина, что было с ее стороны абсолютно несправедливо. В конце концов, кто, как не она, постоянно твердил мне – мол, человек должен всегда поступать, как велит ему совесть, пусть даже остальным его поступки могут показаться неправильными? Наказание до того возмутило меня, что я впервые в жизни накричала на Бутси. Стоя на нижних ступеньках лестницы (рядом со следом от воды на стене), я назвала ее лицемеркой – этому слову научил меня Джимми. В самом деле, какого черта она разыгрывает из себя добродетельную мамашу, которая наказывает своего ребенка за то, что тот вступился за права цветных и провел пару часов в тюрьме, если еще недавно ничто не помешало ей бросить этого же самого ребенка на чужих людей, чтобы на шесть долгих лет исчезнуть в неизвестном направлении?

– Но ведь я вернулась! – ответила мне Бутси с таким видом, словно это искупало все. Словно ее отъезд был карандашной линией на бумажном листке, а ее возвращение – ластиком, с помощью которого эту линию можно было стереть. На мгновение мне захотелось раскрыть свою грудь, чтобы Бутси увидела огромную зияющую рану, которую прожег в моем сердце ее отъезд, но это было невозможно, и я просто сказала, что я ее ненавижу.

И тогда она меня ударила, да так сильно, что я чуть не свалилась с лестницы. До этого меня еще никто никогда не бил. Никогда в жизни! Даже не знаю, что бы я отдала, чтобы это никогда не повторилось, и вовсе не потому, что мне было больно по-настоящему. Щека у меня сразу распухла, но куда сильнее болело у меня внутри. По правде говоря, мне было так плохо, что меня едва не стошнило.

Сама Бутси побледнела так, что я подумала – она вот-вот грохнется в обморок. Можно было подумать, это не меня, это *ее* ударили! Не знаю, что бы было с нами обеими, если бы не Матильда, которая сумела нас развести. Я убежала к себе, захлопнула дверь и долго сидела на кровати, не думая ни о чем. Спустя примерно час Матильда заглянула ко мне, чтобы убедиться, что со мной все более или менее в порядке. Заодно она принесла мне поесть. Обняв меня за плечи, Матильда дала мне выплакаться, а потом сказала – мол, со временем все образуется, все будет хорошо, надо только потерпеть.

Но я знала твердо: я никогда, никогда не забуду, что моя родная мать не любила меня по-настоящему.

Глава 13

Вивьен Уокер Мойс. Индиэн Маунд, Миссисипи. Апрель, 2013

На следующее утро я снова проснулась от того, что солнце из незашторенного окна светило мне прямо в лицо, – проснулась и почувствовала, что в комнате я не одна. Матрас в районе моей правой коленки слегка прогнулся под чьей-то тяжестью, а щеки касались чье-то теплое дыхание, отдающее мятной зубной пастой.

Открыв глаза, я увидела над собой тщательно раскрашенную черным карандашом мордашку Кло.

– Ты не спишь? – С этими словами она слегка отодвинулась, так что я смогла приподнять голову и упереться затылком в изголовье кровати. Несколько раз моргнув, чтобы прогнать сон, я посмотрела на Кло более пристально. Самодовольно усмехнувшись, девочка вытащила свой навороченный мобильник и, наставив на меня объектив камеры, сделала снимок.

– Что это на тебе надето?

Я оглядела себя. Распаковать чемоданы я не успела, поэтому надела то, что нашлось в ящике одного из комодов. В ящике нашлись просторная курточка из розовой фланели и отделанные кружевами штанишки до колен.

– Это называется пижама, – пояснила я. – Я спала в такой, кажется, еще в старшей школе.

– Похожа на один из концертных костюмов Леди Гага, – вынесла свой вердикт Кло и снова подняла телефон, но я успела перехватить ее руку.

– Только попробуй! Отберу и не отдам.

С тяжелым вздохом Кло спрятала мобильник.

– Ты собираешься валяться весь день?

Я посмотрела на будильник, стоявший на моем ночном столике. Цифры перед моими глазами расплывались, и я спросила:

– Который час?

– Почти двенадцать.

Я рывком села на кровати и почувствовала, как от резкого движения закружилась голова.

– Твой отец не звонил?

Кло пожала плечами:

– Откуда мне знать? Это ведь *ты* хотела с ним связаться.

Я схватила с ночного столика свой мобильник, чтобы проверить сообщения голосовой почты. Никаких голосовых сообщений за последние несколько часов не поступало, поэтому я проверила входящие СМС и электронную почту. Ничего. А ведь накануне я оставила Марку целых три голосовых сообщения, так какого же черта?.. Оставалось предположить, что мой бывший либо намеренно меня игнорирует, либо он проводит свой медовый месяц в таких краях, куда мобильная связь еще не дотянулась.

Что и говорить, первое было куда вернее.

Тяжело вздохнув, я с силой потерла лицо ладонями. Мне никак не удавалось проснуться окончательно, а между тем я чувствовала, что сейчас – именно сейчас – мне необходимо сказать Кло какие-то слова, которые могли бы подбодрить девочку и внушить хотя бы капельку доверия ко мне. Наконец я выдавила:

– Я... рада, что ты приехала. Честное слово – рада! Я очень скучала по тебе, но... мне бы не хотелось, чтобы твой отец устроил нам обеим, э-э-э... крупные неприятности.

Тут я запнулась, не зная, какие подробности нашего с Марком скандального развода известны Кло.

– Ты имеешь в виду судебный запрет на свидания со мной?

Бросив телефон на кровать, я мысленно пообещала себе, что впредь не стану и пытаться скармливать Кло отредактированную информацию. В конце концов, она сама сказала, что влезла в отцовский компьютер и даже взломала его личный кабинет в «Экспедиции», так что я, по идее, не должна была удивляться ее осведомленности. И тем не менее ее слова застали меня врасплох.

– Да... – проговорила я после довольно продолжительной паузы. – Понимаешь, если я не договорюсь с твоим отцом как можно скорее, меня могут отправить в тюрьму. Но, – добавила я, увидев, как вытянулось лицо девочки, – я постараюсь убедить его, что тебе здесь хорошо и что я рада твоему приезду. – Я через силу улыбнулась. – Я даже готова пообещать ему, что не буду давать тебе ничего жирного и богатого холестерином.

Кло, в свою очередь, вздохнула и, соскользнув с моей кровати, шагнула к книжным полкам. Состроив скучающую мину, она принялась изучать стоявшие там книги. Все это были мои детские книжки, которые когда-то мне очень нравились. Я убегала в их сказочный мир каждый раз, когда мой старший брат клал мне за шиворот лягушку или запускал в волосы собственноручно пойманную в саду цикаду. Я погружалась в книги, когда мне было плохо, тоскливо и одиноко, а еще – когда я больше не могла видеть пустое место за нашим обеденным столом. Бутси каждый день ставила на стол прибор для моей матери, словно та должна была вот-вот вернуться, а меня это буквально бесило.

Тут мой взгляд невольно переместился к заветному флакончику с таблетками, стоявшему на ночном столике. Интересно, подумала я, сумею ли я принять таблетку так, чтобы Кло ничего не заметила?

– Если ты волнуешься, что я пропущу занятия в школе, – сказала девочка, – то как раз сейчас у нас весенние каникулы.

О чем, о чем, а об этом я волновалась меньше всего. Я не только нарушила судебный запрет, но и укрывала сбежавшего из дома ребенка, за что вполне могла на пару лет отправиться за решетку – и это беспокоило меня по-настоящему. По сравнению с этим все остальное было пустяком.

– Это, гм-м... очень удачно, – пробормотала я.

Тем временем Кло, скрестив по-турецки ноги, уселась на пол перед книжными полками и, зацепив ногтем за корешок какую-то книжку, потянула ее на себя. Ногти у нее были выкрашены черным лаком, да и одета она была, по обыкновению, в черные джинсы и такую же футболку, и только ноги у нее были босыми. Ногти на ногах Кло тоже выкрасила черным, однако ее пятки и ступни оставались по-детски нежными и розовыми, и я почувствовала себя тронутой до глубины души.

– А почему в этой книжке так много закладок? – спросила она, показывая мне обложку.

Я сразу узнала книгу и улыбнулась. Это был роман Эдварда Ормондройда «Время преемства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.